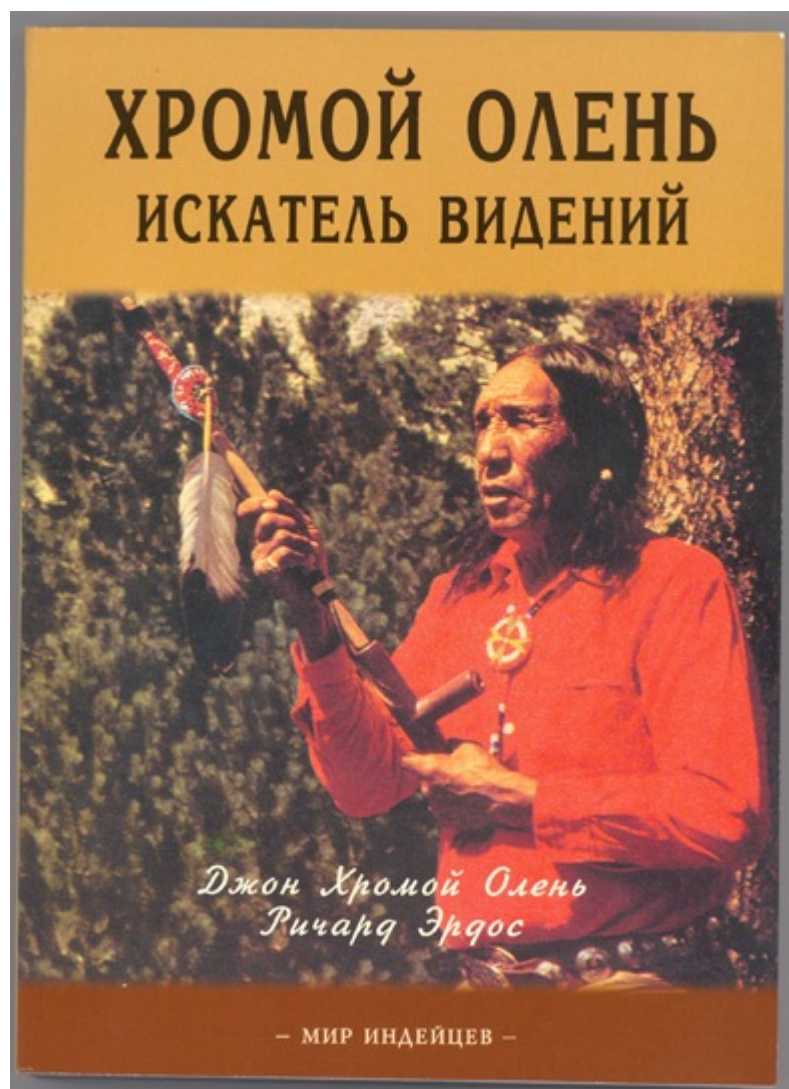

Джон (Огонь) Хромой Олень и Ричард Ердоес
ВАШИНГТОН СКВЕР ПРЕСС
КАРМАННОЕ ИЗДАНИЕ
Нью-Йорк Лондон Торонто Сидней Токио Сингапур

ХРОМОЙ ОЛЕНЬ - ПОТРЯСАЮЩИЙ АМЕРИКАНЕЦ

"Он опроверг столько неверных представлений и стереотипов об индейцах, об их ценностях и образе жизни, что нам нужно стыдиться, насколько мало мы знаем обо всем, что он рассказывает. Читателям - не только интересующимся индейцами, но и всем американцам - предстает и личность, и представитель народа. Книге суждено стать классикой. Ее будут читать, перечитывать, и ссылаться на нее спустя годы. Лично меня эта книга чрезвычайно обогатила".

Элвин М. Джосеф-младший, автор "Индийского Наследия Америки"

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩЕНА:

Фрэнку Одурачивает Ворона (Прим. переводчика – в русской традиции фамилии индейцев обычно переводятся дословно, а не калькой)

Питу Катчесу

Джорджу Орлиному Лосю

Биллу Швейгману

Леонарда Вороньему Псу

Уоллесу Черному Лосю

Джону Стрейку

Раймонду Охотится за Конем

Чарльзу Убивает Врагов

Годфри Чипсу

И всем другим знахарям народа сиу

СОДЕРЖАНИЕ

1. Один на Вершине Холма
 2. То Ружье в Нью-йоркском Музее Принадлежит Мне
 3. Зеленая Лягушачья Шкурка
 4. Напившись, Прямиком в Тюрьму
 5. Сидя на Макушке Тэдди Рузвельта
 6. Круг и Квадрат
 7. Беседа с Совами и Бабочками
 8. Двое в Одеале
 9. Знахарство, хорошее и плохое
 10. Инипи - Дыхание Предка
 11. Увипи - Огоньки из ниоткуда
 12. Глядя на Солнце, Они Танцуют...
 13. Не Рубите Деревья
 14. Скатать Мир
 15. Перевертыши С-Ног-На-Голову, Передом-Назад, Холодно-Горячо
 16. Кровь, Обернувшаяся Камнем
- ЭПИЛОГ: Иньян Васику, Белый Человек с Камнем
- ГЛОССАРИЙ

Подписи под иллюстрациями. Между страницами 117 и 118.

Мако Шика, Бедлендс, растянулись костями сказочного чудовища Ункешила. Это -последнее прибежище танцоров духов.

Мы - часть окружающей нас природы, и чем старше становимся, тем больше похожи на нее. А в старости наши лица напоминают ландшафт Бедлендс.

Паха Сапа - Черные Холмы - священны для нас. Мы приходим сюда молиться. В них вы все еще увидите антилопу, в Винд Кейв и в Парке Кастера. Их поселили в резервации, как и нас, индейцев, но, может, они это не знают. Это прекрасные животные.

Мне нравится наблюдать за длинноухим оленем мулом на высоком хребте на фоне неба. Все живые создания - мои родичи, даже маленький жук.

У нас не было названия странному животному, полученному от белого - лошади. Мы назвали ее шунка вакан - священный пес. За эту лошадь мы готовы простить вам даже появление виски. С лошадьми пейзаж красивее.

Сорок лет назад я поднялся на этот холм искать видение и оставался в одиночестве без еды и воды, ожидая сна.

Один из наших молодых знахарей, Леонард Вороний Пес, собирается спуститься в яму видения.

Мой дед сражался с Кастером. Часть нашего народа погибла у Литл Биг Хорн, но здесь похоронены только белые солдаты. Мне приятно видеть старую шайеннскую палочку для купа, поставленную на этом поле битвы.

Индейские надгробия не делаются навечно. Часто они создавались из дерева, отражая нашу природу и наши верования. Только горы и звезды вечны.

Индейский Город с картонными лачугами, ржавыми домами трейлеров, хлипкими бревенчатыми хижинами и шатающимися уборными. Кое-кто живет в остовах брошенных автомобилей.

Несколько лет назад в этом салуне был убит сиу. Надпись «Индейцам вход запрещен» является незаконной. Индейские слова справа значат: «Сиу, заходите повеселиться».

Интересно, знал ли это белый владелец.

Туристам нравится фотографировать тюрьму в Миссионе, Южная Дакота. Они никогда не снимают внутри, где менее любопытно.

На холме Вундед-Ни около двухсот сиу, мужчин, женщин и детей - убитых солдатами - погребены в общей могиле. Потельня и церковь - символ двух религий, индейцев и белых, существующих бок о бок.

Вы, белые, убили вашего Иисуса. Мы, индейцы, еще не убили нашу трубку мира.

Инипи - паровая баня - предваряет все наши важные церемонии. Это и самостоятельный обряд.

В начале увипи церемонии знахарь связывает пальцы вместе...

...После этого, он завертывается мумией в звездчатое одеяло и ложится на пол. И все огни гасят, позволяя духам войти.

Мой старый военный убор из перьев принес бы много денег сегодня. Но я не продам его - даже если заболую.

Радость и печаль, вся история моего племени отражена на лицах моего народа.

Дергать ремень, закрепленный колышком в плоти - пока кожа не разорвется, - вот что должен выдержать один из нас во время пляски солнца.

Этой девушке нравится рисовать свои мечты, поверяя их бумаге. Сны важны для нас.

Моя жена Ида и наш маленький родственник.

Я помню, как бабушка варила кофе на старой деревянной печке. Вариво становилось все гуще и гуще всякий раз, когда она кипятила его. И наконец ложка просто стояла в нем.

Мне нравится петь тебе старые песни лакота. Кто-то дает мне барабан.

Человек может жить в большом городе как белый, но он проезжает сотни миль ради пляски солнца, и он снова - индеец.

Трубка - это мы. Ее черенок - наше тело, позвоночник. Чашечка красного камня - наша плоть и кровь.

Дым нашей священной трубки - дыхание Великого Духа. Мы сидим вместе и курим трубку, создавая тем бесконечный круг, который содержит в себе все живое на этой земле.

1. Один на Вершине Холма

В полном одиночестве сидел я на вершине холма. Я сидел, обняв колени руками, в яме видения, - вырытой в холме, - и следил, как старый знахарь Грудь, который привел меня сюда, спускается в долину. Вот он превратился в черное пятнышко и наконец совсем исчез.

Я оказался на холме совсем один, без еды и воды; только через четыре дня и ночи он вернулся бы за мной. Знаете, мы, индейцы, не похожи на тех белых: муж, жена, два дитяти, и няня, которая торчит у телевизора, пока родители где-то разгуливают.

Индейские дети никогда не бывают одни. Они постоянно окружены бабушками, дедушками, дядюшками, кузенами и кузинами; толпы родичей ласкают детей, поют им песенки, рассказывают сказки. И куда бы ни шли родители, дети увязываются следом.

Но теперь я сидел на корточках в яме видения, оставшись наедине с собой впервые в жизни. Мне тогда было шестнадцать, я еще носил мальчишечье имя, и, позвольте вам доложить, был испуган. Меня била дрожь, и не только от холода. От ближайшего человека меня отделяли много миль, а четыре дня и ночи – это очень, очень долго. Конечно, когда все закончится, я перестану быть мальчиком и стану мужчиной. Я найду свое видение. Мне дадут мужское имя.

Сиу не боятся мук голода, жажды и одиночества, и лишь девяносто шесть часов отделяли меня от людей. Эта мысль успокаивала. Успокаивало и теплое звездчатое одеяло, которым старик Грудь прикрыл мою наготу. Моя бабушка сшила его как раз для этого случая, для моего первого ханблешия, первого поиска видения. Стеганое одеяло с прекрасными узорами, белое с большой утренней звездой, состояло из пестрых лоскутков. А огромная звезда занимала почти все одеяло. Если Вакан Танка, Великий Дух, даст мне видение и силу, я стану знахарем и проведу, завернувшись в это одеяло, много церемоний. Вот я уже и сам старик с кучей внуков, но звездчатое одеяло, сшитое для меня бабушкой, по-прежнему со мной. Я дорожу им; когда-нибудь меня в нем похоронят.

Еще знахарь оставил мне трубку мира и мешочек кинник-кинник – сорт нашего табака из коры красной ивы. Трубка была для меня другом даже больше, чем звездчатое одеяло. Для нас трубка подобна открытой Библии. Белым людям нужны церкви, проповедники, звуки органа, чтобы настроиться на молитву. А сколько всего отвлекает вас: кто еще пришел в церковь, замечают ли другие, что пришли вы, а картины на стене, а проповедь, и сколько денег нужно отдать, и захватили ли вы их с собой. Мы думаем, так вам не найти видения.

У нас, индейцев, есть только трубка, мы сидим на земле под открытым небом. Дух - повсюду. Иногда он показывается зверьком, птицей, порой деревьями и холмами. Иногда он говорит голосом Бедлэндс (прим. переводчика - Плохие Земли, географическое название местных

гор), иногда голосом камня или даже воды. Дым трубки мира поднимается прямо к миру духа. Но он обоюден. Сила снисходит в нас с этим дымом по черенку трубки. Вы чувствуете эту силу, когда держите трубку; она спускается по трубке прямо в ваше тело. От нее встают дыбом ваши волосы. Трубка - не просто вещь; она живая. Закурив трубку, я добрею душой и избавляюсь от страхов.

Я глажу пальцами чашечку из гладкого красного камня, красного, как кровь моего народа, и перестаю бояться. Эта трубка принадлежала моему отцу, а к нему перешла от его отца. Когда-нибудь она достанется моему сыну, а потом и моим внукам. Пока у нас есть трубка, существует народ сиу. Держа ее в руки, прикасаясь к ней и ощущая, какой гладкой стала она от долгого пользования, я чувствовал присутствие своих предков, некогда кутивших ее, рядом со мной на холме в яме видения. Я больше не был один.

Помимо трубки знахарь дал мне тыковку. В ней были сорок кусочков плоти, которые моя бабушка срезала лезвием бритвы со своей руки. Я видел, как она делала это. Кровь стекала у нее с плеча к локтю, а она бережно складывала каждый лоскутик кожи в носовой платок и беспокоилась, как бы не потерять ни кусочка. Да антропологи с ума бы сошли. Представить только, она выполняла такую древнюю церемонию лезвием бритвы, а не кремневым ножом! Но для меня это не имело значения. Близкий мне человек подвергал себя боли, отдавая мне часть себя, часть своего тела, чтобы помочь мне в молении, сделать меня крепче сердцем. Как я мог бояться, когда столько людей - живых и мертвых - помогали мне?

Но еще одно волновало меня. Я хотел стать знахарем, увипи, целителем, и следовать древними путями народа сиу. Но на знахаря нельзя выучиться, как учатся на врачей белые. Святой старик может научить вас распознавать травы, он расскажет даже, как правильно провести церемонию, как расставить все в ней по своим местам, ибо каждое движение и слово имеет свой особый смысл. Вы научитесь этому - как правописанию или езде на лошади. Но это ничего не значит. Без видения и полученной силы такое обучение только повредит. И оно не сделает меня знахарем.

А если я потерплю неудачу, если я не найду видения? Или увижу Громовников, или молния ударит в холм? Это наоборот сразу превратит меня в хейоку, в человека-перевертыша, клоуна. «Ты поймешь, если получишь силу, - сказал мне мой дядя Грудь. - А если ты не получишь ее, то не солжешь и не сумеешь притворяться. Иначе она убьет тебя или твоих близких, людей, кого ты любишь».

Ночь проходила. Голова у меня все еще кружилась после первой потельни, когда я очистился перед восхождением на холм. Я никогда прежде не был в парилке. Я сидел в небольшой хижине в виде улья, - на согнутые ветки ивы были накинuty одеяла, чтобы поддерживать жар внутри. Старик Грудь и еще трое знахарей были со мной в палатке. Я сидел у самой стенки как можно дальше от раскаленных камней посередине. Когда Грудь лил воду на камни, белый пар с шипеньем окутывал меня и заполнял мои легкие. Я думал, - жар убьет меня, сожжет веки на моем лице! Но посреди всех этих клубов пара я услышал пение Грудя. Значит, все не так уж и плохо. Я не кричал: «Все мои родичи!», чтобы он откинул полог потельни и впустил немного прохладного воздуха, - и был горд этим. Я слышал его моление обо мне: «О, священные камни, к нам приходит ваше белое дыхание, пар. Это - дыхание жизни. Пусть этот юноша вдохнет его. Укрепите его».

Потельня подготовила меня к поиску видения. Даже теперь, спустя час, я еще ощущал покалывание кожи. Но она же словно опустошила мой ум. Возможно, это и хорошо, ведь появилось много места для новых понятий.

Темнота пала на холм. Я знал, что ханхепи-ви поднялось, ночное солнце, как мы называем луну. Но, забившись в свою расщелину, я не видел ее. Черная пелена бархатом окутала меня и словно отрезала от внешнего мира, даже от собственного тела. Она заставляла меня слушать внутренние голоса. Я думал о своих предках, сидевших на этом холме до меня, ибо знахари моей семьи выбирали для размышлений и поиска видения это место с тех дней, когда они около двухсот лет назад пересекли Миссури, чтобы охотиться на бизонов в краю Белой Реки. Мне чудилось их присутствие в самой земле, на которой я лежал. Я чувствовал, как они входят в мое тело, шевелятся в моем уме и в сердце.

Звуки пришли ко мне в темноте: свист ветра, шепот деревьев, голоса природы, звуки зверей. Вдруг я чувствовал нечто ошеломляющее. Со мной в тесном укрытии появилась большая птица. Яма была не шире моего тела, а я был тощим мальчиком, но эта огромная птица летела вокруг меня, словно в небе. Я слышал ее крики, то рядом, а то - совсем издалека. Я чувствовал, как ее перья или крыло касаются спины и головы. Это чувство подавляло, оно было слишком великим для меня. Я дрожал, и мои кости заledenели. Я схватил погремушку с сорока лоскутками кожи моей бабушки. В ней было еще множество камешков, крошечных ископаемых, взятых с муравьиной кучи. Их собирают муравьи. Никто не знает - почему. Считается, что эти камешки обладают силой. Я размахивал погремушкой, и ее звук успокаивал, словно стук дождя по скале. Она говорила со мной, но и она не утишила мои страхи. В другую руку я взял священную трубку, и начал петь и молиться: «Танкашила, дух предка, помоги мне». Но это тоже не помогало. Я не знаю, что вошло в меня, но я больше не был собой. Я закричал. Но даже мой голос был чужим. Он принадлежал взрослому, я даже не узнавал этот странный голос. Я молился древними словами, такие слова уже не говорят в наши дни. Я пытался утирать слезы, но они не останавливались. Наконец я натянул на себя одеяло и завернулся в него с головой. Но и тогда крылья птицы касались меня.

Медленно осознавал я, что голос пробует говорить со мной. Это был крик птицы, но, скажу вам, я начал частично понимать его. Такое случается иногда. Я знаю леди, которой на плечо села бабочка. И бабочка говорила с нею. И женщина стала великой знахаркой.

Я услышал еще и человеческий голос, странный и высокий, этот голос не мог принадлежать обычному существу. Внезапно я взлетел вместе с птицами. Холм с ямой видения поднялся над миром. Я смотрел сверху вниз даже на звезды, и луна была рядом слева от меня. Словно земля и звезды очутились подо мной. Голос сказал: «Ты приносишь себя в жертву, чтобы быть знахарем. В свое время ты будешь им. Ты научишь других знахарей. Мы - птичий народ, крылатые, орлы и совы. Мы - народ, и ты будешь нашим братом. Тебе нельзя убивать или ранить нас. Ты будешь понимать нас всякий раз, приходя искать видение на этот холм. К тебе придут знания о травах и корнях, и ты будешь лечить людей. Но за это тебе ничего нельзя просить у них. Жизнь человека коротка. Стань достойным».

Я понял, что это - хорошие голоса, и страх постепенно оставил меня. Я потерял всякое чувство времени. Я не знал, было ли это днем или ночью. Я спал, и в то же время бодрствовал. И я увидел перед собой чей-то облик. Он поднялся из тьмы и клубов тумана, проникших в земляную яму. Я увидел своего прадеда, Тахка Ушта, Хромого Оленя, старого вождя миннекоджу. Я видел, как кровь капала из раны на его груди, куда попала пуля белого

солдата. Я понял, что мой прадед хочет передать мне свое имя. Это обрадовало меня превыше всяких слов.

Мы, сиу, верим, что нечто внутри нас управляет нами, почти второй человек. Мы называем его наги, другие назвали бы это - душой, духом или сутью. Нельзя увидеть его, почувствовать или попробовать, но только там на холме, - только там, - я впервые осознал его в себе. Волна силы нахлынула на меня потоком. Я не сумею описать это, но она полностью охватила все мое существо. Теперь я знал наверняка, что стану вичаша вакан. Снова я заплакал, на сей раз от счастья.

Я не знаю, сколько был на вершине холма - одну минуту или всю жизнь. Я почувствовал, как чья-то рука мягко толкнула мое плечо. Старик Грудь пришел за мной. Он сказал мне, что я пробыл в яме видения четыре дня и четыре ночи, и настало время спускаться. Он дал мне поесть и попить, а затем я рассказал ему все случившееся со мной во время ханблешия. Он растолковал мне мои видения. Он сказал, что яма видения изменила меня, но я пока не в силах этого понять. И он сказал мне, что я уже не мальчик, что я стал мужчиной. Я стал Хромым Оленем.

2. То Ружье в Нью-йоркском Музее Принадлежит Мне

В Нью-йоркском Музее Американских Индейцев есть две стеклянные витрины. Подпись под ними гласит: «Знаменитые Ружья Знаменитых Индейских Вождей». У них там ружей пять или шесть, среди них - ружье Сидящего Быка. Примечание возле одного из этих старых орудий, заряжающихся с казенной части, сообщает, что оно принадлежало знаменитому Вождю Хромому Оленю, убитому в сражении с генералом Майлзом, кто и пожертвовал великодушно это ружье музею Нью-Йорка. Я не знаю, по какому праву старый Майлз Медвежья Шкура так свободно обошелся с собственностью других людей. То ружье не принадлежало ему. Оно принадлежит мне. Я - единственный последний Хромой Олень.

Я - знахарь, и хочу говорить о видениях, духах и священных вещах. Но прежде вам нужно узнать кое-что о человеке Хромом Олене, чтобы понять Хромого Оленя знахаря. Поэтому я начну с мужчины, мальчика, а потом мы доберемся и до знахарства.

Тахка Уште - первый Хромой Олень - мой прадед со стороны отца. Он был убит по ошибке. Вы сказали бы, что его убили. За год до так называемого сражения с генералом Майлзом, Хромой Олень заключил последний мир с белым человеком. Он пришел к соглашению с Правительством США, и согласно договору четыре квадратных мили было отмерено к западу от нынешнего Рапид-Сити в штате Южная Дакота, где и должна была появиться резервация для вождя и его народа, которую после назвали бы Хромым Оленем. Эта земля стала бы нашей навсегда — «пока солнце светит, и трава растет». В наши дни смог скрывает солнце, и совсем мало травы осталось ныне в Рапид-Сити. Возможно, белые люди обладали даром предвидеть это, ведь они забрали нашу землю прежде, чем высохли чернила на том договоре.

Хромой Олень сказал, что подпишет соглашение, если ему и его народу разрешать в последний раз поохотиться и прожить только одно еще последнее лето старым добрым способом — идя за бизонами. После чего все поселятся в новой резервации и "пойдут путем

белого человека". Люди Правительства сказали, - все отлично, - и дали разрешение на последнюю охоту. Они обменялись рукопожатием.

Правительство США – странный многоголовый монстр, где одна голова не знает, что делают другие. Армия разрешила Хромому Оленю спокойно охотиться. И в то же время старому Майлзу Медвежьей Шкуре сказали, что всех индейцев, которых обнаружили за охотой вне резервации, нужно атаковать как «врагов». Весной 1877 года Хромой Олень ушел на север к своим излюбленным местам охоты на бизонов между реками Роузбад и Бигхорн. Он разбил лагерь в Волчьих Горах вдоль Ручья Жирной Лошади.

Старики говорили мне - никогда прерия не была так красива, как той весной. Трава была высока и зелена. Склоны были покрыты цветами, а воздух полон ароматов и пения птиц. Если бы у индейцев оставалась только одна последняя охота, то они не пожелали бы другой. Хромой Олень знал, что вокруг солдаты, но это не волновало его. Он по праву находился, где хотел. Да и любой дурак увидел бы, что он совсем не собирается воевать. С ним были все женщины и дети. Его пятьдесят палаток были полны мяса и шкур. Его люди прибыли, как на пиршество. Они оделись в пышные расшитые бисером наряды. Они наслаждались последним отдыхом от белого человека.

Генерал Майлз сглупил, не уразумев этого, но я думаю, что он действовал с честными намерениями. Никто не сказал ему о соглашении. Его шесть пехотных рот и кавалерийских отрядов насчитывали больше людей, чем все индейцы вместе взятые, включая женщин и детей. Синие мундиры ворвались в лагерь со стрельбой и криками, распугивая лошадей, скача верхом за людьми. И тут один из наших выкинул белый флаг перемирия.

Увидев вблизи, что это - мирный лагерь, Майлз Медвежья Шкура, я верю, изменил настрой и пожалел о случившемся. Он замахал руками, пробуя остановить избиение, вновь и вновь крича: «Кола, кола - друг, друг». Его индейские разведчики подхватили крик. Они еще закричали: «Мы - друзья!» Конечно, это был оригинальный способ для друзей заглянуть на угощение, но мой прадед сделал вид, что верит им. Он не хотел гибели своих людей. Он опустил оружие в знак мира.

Генерал Майлз подбежал к нему, схватил за руку и начал трясти ее, продолжая кричать: «Кола, кола». Но не мира хотели его солдаты. Они хотели индейских скальпов и сувениров. А может, они хотели заполучить и женщин с девушками. Один солдат на скаку выстрелил из карабина в Хромого Оленя. Майлз держал ладонь моего прадеда обеими руками. Но вождь выдернул руку, и пальнул из своего ружья в человека, который стрелял в него. Тогда все солдаты открыли пальбу из всего своего оружия и убили Хромого Оленя, его второго вождя Железную Звезду и около дюжины воинов. Потом они разграбили типи, забирая, что хотели, и уничтожили оставшиеся. Даже генерал Майлз не погнушался взять себе несколько вещей, и именно поэтому ружье моего предка находится в музее Нью-Йорка, а не висит у меня стене.

Что до тех четырех квадратных миль вдоль реки Рапид: при подписании соглашения Хромой Олень сказал: «Если я умру, или школа закроется, земля перейдет к моему первому сыну, а после его смерти - его сыну и последующим поколениям». Я пробовал предъявить иск Правительству по поводу этой земли, и они сказали: "Претензии отдельного индейца не учитываются". Может, и правильно, что нам, индейцам, не доверили хранить ту землю. Представьте, что могло быть потеряно: отели с неоновыми вывесками, ломбарды, "Парадиз Рока Хантера", "Трофейные Рога от Студии Таксидермистов", магазины подарков, Настоящий Индейский Центр Ремесел с его бисерными работами из Тайваня и Гонконга,

Пещера Сидящего Быка – с электрическим освещением для вашего удобства, - Святилище Демократии Сувенирная Лавка, Забавный Дом - предмет обсуждения после ваших поездок на годы вперед, - Салун Ведро Крови, динозавр из зеленого бетона в натуральную величину, модные девчонки и их притоны, Сады Рептилии, где не кормят змей, ибо это слишком хлопотно. Если же они умрут, вы получите бесплатно пару новых погремушек. Только подумайте: если бы земля принадлежала нам, здесь не было бы ничего, только деревья, трава да свободные звери. Все эта существующая недвижимость пропала бы впустую!

Мой прадед Хромой Олень был вождем Мни Овойю - Сажающие у Воды - одно из семи западных племен народа сиу. У него было три жены. У первой было три сына: Не Убивающий Жестоко, Пролетающий и мой дедушка, Канте Витко, что означает Неистовое Сердце. У второй жены была одна дочь. А у третьей детей не было совсем. Моего второго деда звали Славный Лис.

И Неистовое Сердце и Славный Лис были известными воинами и сражались с Кастером. Славный Лис был еще единственным, кто выжил в резне Вундед-Ни. У Неистового Сердца была рубаха, и это считалось большой честью. Он носил желто-голубую рубаху с бахромой из человеческих волос. К нему прислушивались на наших советах, и люди советовались с ним по всем важным вопросам. Уважали за мудрость и Славного Лиса. Вплоть до его смерти в 1928 году деда всегда приглашали следить за нашими церемониями и выравнивать землю священной пляски.

Я никогда не знал деда Неистовое Сердце, но дедушка Славный Лис сыграл большую роль в моей жизни, я равнялся на него. У него была репутация великого воина, но он не был убийцей. Большинство его военных почестей пришло от "подсчетов ку" (прим. переводчика – Военный обычай, прикосновение к живому противнику палицей, луком или особой палкой, которое приносило почет.) в искусной скачке за врагами и прикосновением к ним изогнутой палицей, обернутой в мех выдры. Он носил куп. (Прим. переводчика – головной убор из перьев.) Так он показывал храбрость. В сравнении с дедами мы, люди резервации сегодня, - просто цыплята. Они говорят: «Кастер умер за ваши грехи». Я говорю, что Кастер жив. Все еще слишком много Кастеров и Майлзов среди белых людей, но где наш Неистовая Лошадь? Один наш знахарь рассказал мне о своем видении, будто Неистовая Лошадь возвратится черным человеком. Это было бы хоть что-то.

Я часто просил моего деда Славного Лиса рассказать о сражении с Кастером. «Я - плохой свидетель, - говорил он, - ибо я был слишком занят сражением и мало обращал внимания на происходящее вокруг. Я гнал коня прямо в гущу большого облака пыли, в самую горячку боя, с криком: «Ныне хороший день, чтобы умереть, хороший день, чтобы сражаться», Но в то был хороший день умереть для синих мундиров, хотя один и попал мне в руку пулей из карабина. Но она даже не прошла навывлет. Мне сказывали, после битвы две шейенские женщины наткнулись на тело Кастера. Они узнали его, ведь он напал на их мирный поселок на Вашита. Эти женщины сказали: «Ты курил с нами трубку мира. Наши вожди сказали тебе, что ты будешь убит, если хоть раз снова пойдешь на нас войной. Но ты не послушал их. Это заставит тебя слышать лучше». Каждая женщина вынула шило из бисерных сумок и воткнула его глубоко в уши Кастера. Один человек видел это и рассказал мне. Внучок, я скажу тебе, сотни книг об этом сражении написаны людьми, которые не были там. Я был там, но все, что я помню - одно большое облако пыли».

О резне Вундед-Ни дед Славный Лис сказал мне: «Может, и есть хорошие люди среди белых, но доверять им - самый быстрый способ самоубийства. Всякий раз, когда я слышу

крик женщины или ребенка, я думаю о том ужасном дне. Проповедники и миссионеры велят подставить другую щеку и любить соседа как самого себя. Внук, я не знаю, как белые люди обращаются друг с другом, но не думаю, что они любят нас больше, чем себя. Некоторые вообще нас не любят". Мой дедушка умер в 1928 год. Он почти ослеп под конец жизни. Мой отец родом из Стандинг Рока. Его звали Вави-Йохи-Йа, что означает «Дайте Им Достаточно». Сайлс - это имя дали ему миссионеры. Он был очень щедрый человек. Он всегда приглашал людей на пир или на церемонию раздачи. И всегда волновался, достаточно ли всем еды и подарков. Именно поэтому среди индейцев его знали как «Дайте Им Достаточно».

Среди белых он был известен как Сайлс Огонь. Однажды проводили перепись, и все шли в Роузбад для записи в большой книги. Суперинтендант сказал моему отцу: «Подпишись здесь». Мой папа не сумел написать имя и сказал тому белому свое индейское имя. Суперинтендант сказал, что оно слишком длинное и сложное. Папа сказал ему: «ОК, дайте мне короткое имя». А тогда много людей прибыли за пайком и разбили палатки. И именно в этот миг одна из палаток загорелась. Начался переполох. Люди бегали с криками: «Огонь, огонь!» Суперинтендант услышал крик и сказал: «То, что надо. Ты - Сайлс Огонь, коротко и приятно».

Если бы та палатка не загорелась, мое имя было «Дайте Им Достаточно». Теперь по документам белого человека я - Джон Огонь, но мое индейское имя - Хромой Олень, как у моего прадеда, таким оно и должно быть. Моего отца любили все. Он был добрый улыбчивый человек. Его терпение было огромно, а рассердить его было крайне сложно. Он был тихоней, держал рот на замке, и мало говорил. Некоторые болтают все время, но у них только одна лошадь, а то и вовсе нет лошадей. У моего папы было более двухсот. Он имел обыкновение поддразнивать меня или гладить по голове, сотней способов показывая, что любит меня, но неделями он не говорил мне ни одного доброго словечка.

Мой отец никогда не ходил в школу, не умел читать и писать, но можно было многому научиться, просто наблюдая за ним. Папа показывал мне, как заарканить лошадь, как приучить ее к седлу. Сначала я наблюдал за его действиями, потом он махал мне рукой. Это означало: «Теперь попробуй сам!» Я поймал ее легко, даже быстрее, чем он. Как-то меня сбросила лошадь. Я расшибся по-настоящему. Отец сказал мне: «Не убейся, сынок». Это было то немногое, что он когда-либо говорил мне. Именно поэтому я помню его слова. Имя моей матери было Салли Красное Одеяло. Она была красивой женщиной с длинными, вьющимися волосами. Прекрасная рукодельница, она превосходно вышивала бисером, самими крошечными бусинками. Уже позже подростком я заметил, что едва только торговец разглядывал ее работу через лупу или слишком долго ощупывал пальцами, он повышал цену. Моя мать умерла, когда мне было семнадцать.

Я родился чистокровным индейцем в бревенчатой хижине, двенадцать на двенадцать, между Пайн-Риджем и Роузбадом. Мака танан вичаша ван - я человек земли, как мы говорим. Наш народ не называет себя сиу или дакота. Это слова белого человека. Мы называем себя Икке Вичаша - настоящими людьми, свободными, дикими, обычными людьми. Я рад, что так зовусь.

Как и большинство индейских детей, меня чаще воспитывали дед и бабушка - Славный Лис и его жена Пте-Са-Ота-Вин, Роскошная Белая Бизониха. У нашего народа родство с бабушкой и дедушкой столь же сильно, как с отцом и матерью. Мы жили в небольшой

хижине посреди прерии, и первые годы жизни я совсем не соприкасался с внешним миром. Конечно, у нас были кое-какие вещи белого человека - кофе, железные горшки, дробовик, старый стол. Но я мало задумывался, откуда пришли эти вещи, или кто сделал их.

Когда мне было около пяти, бабушка взяла меня в гости к соседям. Как всегда, мой черный щенок увязался следом. Мы шли по грязной дороге, и вдруг я увидел подъехавшего всадника. Он показался мне таким необычным, что я спрятался за бабушку, а мой щенок спрятался за меня. Я уже знал достаточно о верховой езде, чтобы понять - он не умел обращаться с лошадью. Его ноги свисали до земли. А из пяток торчали крошечные штучки, вроде ветряных мельниц, и они позвякивали. Он приблизился, и я уставился на него. Я никогда не видел столько волос у человека. Они закрывали все его лицо, свисали на грудь, а может, и ниже, но у него не было волос, где надо, - на макушке головы. Его светло-каштановые волосы, когда я пришел в себя, напомнили мне матрац. А глаза были как у мертвой совы, выцветшие, синезеленого оттенка. Он жевал что-то вроде дымного леденца Бэби Рут (прим. переводчика – видимо, какое-то местного лакомство). Позже я выяснил, что это была сигара. Человек наслаждался вдвойне, еще и причмокивая комком жевательного табака. Порой он вынимал дымный леденец изо рта, чтобы выплюнуть длинную струю коричневого сока. Я задавался вопросом, зачем он жует такую невкусную штуку, если не в силах даже ее проглотить.

У этого чудака и головной убор был забавный - нечто между сковородкой и дымоходом. На его бедную лошадь был взвален большой кожаный сверток, который свисал по бокам. Перед его промежностью кожа вздымалась в виде рожка. Я подумал, может, он защищает им свое мужское достоинство. Так я впервые увидел седло. У его несчастной лошади и на голове были кожаные ремешки, а во рту - железячки. Как только лошадь ворочала языком, ролик гремел у нее во рту. На нелепом человеке были кожаные штаны, а к бедрам привязаны два необычных молотка. Позже я узнал, что это были Кольты 45-го калибра.

Человек начал издавать сверхъестественные звуки. Он говорил, но мы не понимали его, ибо он говорил на английском. Он указал на симпатичные бисерные мокасины моей бабушки, и вытащил из кармана квадратную зеленую лягушачью шкурку из кармана, желая купить. Я предполагаю, то были долларовые банкноты. Но бабушка не согласилась на обмен, ведь в ее мокалинах лежали четыре больших золотых монеты. Тот человек, должно быть, унюхал их. Так я впервые встретился с белым человеком.

Когда я вернулся домой, меня ждал новый сюрприз. Моя дедушка забивал животное, какого я тоже прежде не видел - с копытами как у лошади, и телом собаки. Словно кто-то спарил собаку с лошадью, а в результате появилось это забавное существо. Глядя на розовое безволосое тело, я вспомнил страшные старые рассказы о совокуплениях людей и зверей, и порождении ужасных чудовищ. Дедушка разделявал белое мясо и выбрасывал внутренности. Мой щенок просто наслаждался своей первой свиной. Я тоже, но пахла свинина жутко. Дед велел сберечь жир для смазки оси.

Большинство дней моего детства были не такими захватывающими, но по мне они были лучше. У нас была славная простая жизнь. Один день проходил, как и другой. Лишь в одном я отличался от других индейских детей. Я никогда не голодал, потому что у отца было много лошадей и коров. Бабушка всегда вставала рано утром, раньше всех, снимала большую оловянную коробку с кофе из правительственного пайка. Сначала я слышал, как она жарит бобы в сковороде, потом, - как она размалывает их. Бабушка всегда брала огромный горшок, галлона на два воды, бросала в него две больших горстки кофе и кипятила. Потом она клала

сладости - патоку или кленовый сироп; мы не любили сахар. Мы не добавляли ни молока, ни сливок в наше пейжута сапа - наше черное снадобье.

В первую очередь бабушка выливал большую ложку кофе в подношении духам, а затем держала горшок на огне весь день. Когда она видела людей возле дома, она неизменно приглашала их, неважно, кто они: «Заходите, выпейте чуток кофе!» Когда черное снадобье кончалось, она добавляла воды, а кофе — еще больше, и кипятила все снова. Вареву становилось все гуще и гуще, все крепче и крепче.

Наконец в нем спокойно могла стоять ложка. «Теперь кофе по-настоящему хорош», - говаривала бы бабушка.

Закончив с кофе, бабушка брала дрожжи, и каждое утро пекла хлеб из кислого теста и хлеб скво. Этот хлеб скво заполнял живот. Он словно рос внутри все больше и больше. Каждую весну с наступлением первого тепла люди делали бабушке «летнюю кухню скво» - грубое убежище из четырех вертикальных деревянных столбов, с горизонтальными жердями наверху хижины. Потом ее обкладывали сосновыми ветками, строили наспех старую деревянную печку, грубый стол и несколько бревен для сиденья. Летом большая часть нашей жизни проходила в летней кухне, где всегда веял ветерок. Такие кухни скво по сию пору очень популярны в резервации.

Бабушка любила курить маленькую трубку. Она любила свой кинник-кинник - табак из коры красной ивы. Однажды бабушка случайно уронила тлеющие угольки на колени гостя старика, а на том были полотняные штаны. Внезапно мы учуяли запах горелого. Это загорелись полотняные штаны, мы сдернули их и стали сбивать пламя. Угольки почти сожгли его детопроизводителя. И хотя из-за старости ему это было бы вроде как без разницы, но все же он еще вскакивал иногда.

Один из моих дядюшек пользовался палкой счета лун, что-то вроде нашего календаря, и неплохого. У него был особый посох, и каждую ночь он делал на нем зарубку, пока не «умирала» - то есть исчезала - луна. На другой стороне посоха он делал зарубку каждый месяц. Каждую весну он начинал новую палку. И мы всегда знали нужные дни для наших церемоний.

Частенько мои бабушка и дедушка брали меня к празднеству вниз по ручью. Дед по обыкновению ехал на своей старой гнедой лошади, известной всем племенам. Мы всегда привозили всем много еды, - хлеб скво, говядину, сушеное мясо, которое мы называли и папа, и васна, или пеммикан, мясо, растолченное вместе с ягодами и почечным жиром. Мы привозили еще котелок кофе, дикого мятного чая, супа или что-то подобное. Дедушка всегда вел ованка оснато - землю повторного показа. Он тщательно готовил место. Только настоящим воинам позволялось танцевать на ней - вроде Красной Рыбы или Тощему Лосю, кто сражался с Кастером. С годами танцоры становились старше и старше, и все малочисленнее и малочисленнее. Плясал и дед. И все видели шрамы на его руке от ранений белых солдат.

Были шрамы и у некоторых женщин. У дедова брата, Идущего Белого Журавля, было три жены. Они не ревновали друг друга. Они были как сестры. Любили друг друга, любили мужа. Этому старику воистину легко жилось; женщины делали всю работу. А он валялся целый день рядом с ними и бездельничал. Порой люди называли его ленивым, а он только смеялся и говорил им: «Почему бы тебе не взять вторую жену?» Он знал, что их-то ревнивицы не хотят

появления второй жены. Когда же старик скончался, обе жены, пережившие его, похоронили мужа на склоне холма, взяли свои скоблильные ножи и нанесли себе много глубоких ран на руках и ногах, выражая свою печаль. Они отрезали бы и мизинцы, но кто-то сказал им, что это запрещено и Правительство накажет их за такие дела. И вместо этого они отрезали свои волосы. Они стонали и плакали четыре дня и ночи; так сильно они любили мужа.

Я был такой - любимый внучок - избалованный, как все индейские дети. Меня никогда не ругали, я ни разу не слышал резкого слова. «Айюстан - оставь меня одного», - было самое худшее. Меня никогда не били, мы не обращаемся так с детьми. Индейских детей обычно воспитывают мягко, словно не замечая, как часто они не внимательны к словам взрослых. Я уже сам дедушка, и порой испытываю желание прикрикнуть на одного из этих нахалов: «Эй ты, маленький сукин сын, слушайся меня!» Он послушался бы, но я не в силах так сделать.

Когда я не хотел идти спать, моя бабушка пугала меня цицийя - своего рода призраком. «Такойя, истима ей - иди спать, внучок, - говаривала она, - или за тобой придет цицийя». Никто не знал, кто такой цицийя, но, наверно, он был ужасен. Когда цицийя уже не помогал, мне угрожали сийоко - другим чудовищем. Никто не знал, каким был и сийоко, но уж наверняка раз в десять ужаснее цицийя.

Но бабушке не везло. Ни цицийя, ни сийоко не пугали меня надолго. А вот когда я по-настоящему вел себя плохо, бабушка строжились: «Васичун анины кте - белый человек придет и заберет тебя в свой дом», и уж это-то пугало меня всерьез. Васичун были настоящими.

Говорят, я был похож не на своего любимого деда Славного Лиса, а на другого деда Неистовое Сердце, которого никогда не знал. Говорят, я подобрал все, что он оставил, ибо я был столь же храбр и вспыльчив. Мне говорили, таким был Неистовое Сердце. Он не заботился ни о других, ни о себе, идя своим путем. Он был неистов, вечно враждуя, вечно на тропе войны. И в то же время он спас много людей, давал мудрые советы, убеждал людей поступать правильно. Он был хорошим оратором. Все, слышавшие его слова, говорили, - он умел хорошо подбадривать. И всегда проповедовал терпение, если только это не касалось его самого. Тут он давал волю своему характеру.

Я был таким же. Если мне велели не делать что-либо - я делал. Мне нравились грубые игры. Мы играли в хоккей на траве, сами делая шар и палки, играли в обруч, стреляли из лука. У нас были пешие бега, конные скачки и заплывы на скорость. Мы любили играть в мато кисияпи, медвежью игру, бросая друг в друга грубые жесткие стебли травы. Они и вправду ранили до крови, если попадали на голую кожу. И у нас всегда была исто кисисастакапи, игра в рогатки. Съедаешь ягоду шиповника или дикой вишни, выплевываешь косточки в ладонь, и бросаешь их в лицо товарища. И, конечно, я любил игру "Хватай-За-Волосы-И-Пинай", в нее мы играли двумя командами.

Я любил ездить верхом, держась сзади за талию старшей сестры. Когда я подрос, уже она держалась за меня. В девять лет я получил собственную скаковую лошадь, красивого серого пони. Отец подарил мне его вместе с прекрасным седлом и великолепной мексиканской попоной. Серый был моим любимым товарищем, и я с гордостью разъезжал на нем. Но он недолго был моим. Я потерял его по своей вине.

Нонге Палока - Протыкание Ее Ушей - великое событие в жизни маленькой девочки. Этой церемонией ее родители, и особенно бабушка, хотят показать, как они любят и ценят ее. Они просят человека, почитаемого за храбрость или мудрость, проткнуть уши их дочери. Бабушка устраивает большое угощение. Маленькую девочку сажают на одеяло среди кучи подарков, которые семья раздаст от ее имени. Мужчину, протыкающего уши, сильно восхваляют и дают ему самый дорогой подарок. Позже все переходят к поистине важной части - еде.

Ну вот, однажды я наблюдал за человеком, проткнувшим уши девочки. Я видел суету по этому поводу, его подарки, и все такое. И я подумал, что запросто проверну это со своей маленькой сестрой. Ей тогда было около четырех, а мне - девять. Я не помню, что побудило меня к этому больше всего. Может, я хотел почувствовать себя большим и важным, как человек, за которым я наблюдал во время церемонии. Или же я хотел получить большой подарок, а может, решил заставить сестренку поорать. Не помню, что было на уме тогда у маленького мальчика. Я нашел проволочку, сделал из нее пару «ушных колец» и спросил сестру: «Хочешь, я вставлю их тебе?» Она улыбнулась – «Охан – да». У меня не было острой кости для прокалывания ушей, и я не знал молитвы, сопровождающей деяние. У меня было только старое шило, но я решил, что все получится прекрасно. О, как моя сестра вопила. Мне пришлось силой держать ее, но я проткнул шилом ее мочки и сумел вставить в них "ушные кольца". Я гордился своей аккуратной работой.

Когда мама пришла домой и увидела проволочные петли в ушах моей сестры, она просто задыхнулась. Но она довольно скоро оправилась, пошла и рассказала все моему отцу. Это был один из тех редких случаев, когда он заговорил со мной. Он сказал: «Мне следует наказать или побить тебя, но я не буду. Я сделаю иначе. Ты получишь свое наказание позже». Ну вот, прошло время, и я совсем забыл о том случае. Однажды утром отец объявил, что мы едем на пау-вау. Коробками и подарками он загрузил фургон доверху, а на пау-вау заявил, что проведет большую отуюн - раздачу. Он посадил мою сестру на коврик, симпатичное навахское одеяло, и разложил вокруг нее вещи на раздачу - стеганые одеяла, еду, покрывала, прекрасный дробовик, новую пару собственных ковбойских ботинок, овчинное пальто, - этого хватило бы на целую семью. Папа сказал людям: «Я хочу уважить свою дочь за проткнутые уши. Это следовало сделать открыто, но мой сын сделал это дома. Думаю, по малости лет он плохо понимал». Это была длинная речь для Па. Он кивком велел мне приблизиться. Я самодовольно сидел на своем сером пони и думал, что мы оба представляем прекрасную картину. Ну вот, не успел я понять, что к чему, как Па отдал мою лошадь, вместе с красивым седлом и попоной. Мне предстояло ехать домой в фургоне, и я плакал всю дорогу. Старик сказал: «Сейчас ты наказан, но позже тебе полегчает. Ведь всю свою жизнь сестра будет рассказывать, как ты проткнул ей уши. Она будет хвастаться тобой. Держу пари, ты - единственный маленький мальчик, который совершил такую великую церемонию».

Это совсем не утешило меня. Мой красавец серый исчез. Я был убит горем целых три дня. На четвертое утро я выглянул за дверь, а там стоял небольшой белый жеребец с новым седлом и посеребренной уздечкой. «Он твой, - сказал мне отец. - Садись на него». И я снова был счастлив.

Мне исполнилось шесть, и с этого возраста я не отличался хорошим поведением. Единственное, что заставляло меня сидеть неподвижно, - это истории и легенды. Я любил слушать старые рассказы моих бабушек и дедушек, а они прекрасно знали древние легенды нашего народа. Они говорили мне о великих божествах - Ви и Ханви, - супружеской чете солнце и луне. Они рассказывали мне о божестве старике Вазийа, которого священники

превратили в Санта Клауса. Жена Вазийи была великой колдуньей. А их дочь по имени Ите - "лицо" - самой красивой женщиной во вселенной. Ите была замужем за Тате, ветром.

Незадача с этим браком заключалась в том, что Ите вбила себе в голову, будто бы солнце Ви привлекательней ее мужа, ветра. А Ви со своей стороны считал, что Ите куда красивее его жены, луны. Ви завел любовную интрижку с Ите, и как только луна замечала их дурное поведение, она закрывала от стыда лицо. «Вот почему мы порой не видим по ночам луну», - говорила мне бабушка.

Великому Духу не понравилось это поведение, и он наказал Ите. Она по-прежнему оставалась самой красивой в мире, но только, если смотреть на нее с одной стороны. Другая половина ее лица стала столь отвратительной и уродливой, что никакие слова не описали бы это. С тех пор она стала известна как Анунк-Ите, или Двойное лицо. Когда дело доходит до любви, у женщин от этого всегда одни неприятности.

Много легенд было и о зверях. Бабушка рассказывала мне о летучей мышке, которая спряталась на спине орла и закричала: «Я лечу выше всех птиц». И это было верно; даже орел не взлетел бы выше того, кто сидел на его спине. В наказание другие птицы силой сбросили летучую мышку и загнали ее в мышиную норку. Там он влюбился в леди мышку. Вот поэтому летучие мышки ныне – наполовину мыши, а наполовину птицы.

Дедушка Славный Лис рассказывал мне о молодых охотников, убивших бизона с большой погремушкой на хвосте. Поев его мяса, юноши превратились в гигантских гремучих змей с человеческими головами и человеческими голосами. Они жили в пещере под землей и правили преисподней.

Но больше всего я любил истории об Иктоми, злом человеке-пауке, проникательном невежде, вечно над всеми подшучивавшем. Однажды этот паук гулял возле озера и увидел много плавающих уток. Это зрелище вдруг пробудило у него аппетит, ему захотелось поджарить утку. Он набил свой кожаный мешок травой и пошел к уткам. Те увидели его и загалдели: «Куда ты идешь, Иктоми?»

«Я иду на большое пау-вау». «А что у тебя в мешке, Иктоми?» «В нем полно песен, которые я взял на пау-вау, хороших песен для плясок».

«А не спел бы ты нам парочку?» - попросили утки.

Хитрый паук сделал вид, что совсем-совсем не жаждет делать это, заявил уткам, что у него просто нет ни чуточки времени, но под конец притворно дал себя уговорить, ведь они были такими хорошими птицами. «Я спою вам, - сказал он уткам, - но вам нужно мне помочь».

«Мы сделаем все, что захочешь. Только скажи, что надо-то». «Ну, так встаньте в три ряда. Впереди пусть встанут самые жирненькие. Во второй ряд идите-ка вы, не жирные и не тощие - серединка на половинку. А бедняжки худышки, отправляйтесь в третий ряд, туда подальше. И делайте все, как поется в песне, следуя каждому ее слову. Вот слова моей первой песни – «Закройте глаза и пляшите!»

Все утки выстроили рядами, закрыли глаза, и давай крыльями хлопать, а впереди-то - самые жирненькие. Иктоми вытащил из-под куртки большую палицу. «Пойте погромче, - приказал он, - и не открывайте глаз. Кто откроет, ослепнет". Он потому велел им петь громко, чтобы

их голоса заглушали "бум, бум" его дубинки, которой Иктоми бил их по голове. Он оглушал уток одну за другой и добрался уже до середины, когда одна из дальних, тощих уток в заднем ряду открыла глаза и увидела, что делает Иктоми.

"Эй, очнитесь! - загалдела она. – Иктоми убивает нас!"

Оставшиеся утки открыли глаза и убежали. Иктоми не протестовал. У него было уже много жирных уток для жаркого.

Иктоми похож на тех продажных политиканов, кто заставляют нас закрывать глаза, петть и плясать, пока они бьют нас по головам. Демократические утки, республиканские утки, - никакой разницы. Жирные и глупые - первые в горшке. Только тощих, безденежных уток низших классов из задних рядов никак не удастся схватить. Хорош тот индеец, кто держит глаза открытыми. Иктоми - злой интриган, говорил мне дед, но, к счастью, он настолько жаден, что чаще дурачит самого себя.

Теперь трудно заставить наших внуков слушать эти истории. Некоторые больше не понимают нашего языка. А еще есть телевидение с его взрывами, - и радио, и патефон. Вот что слушают наши дети. Им не интересны старомодные индейские сказки.

Я был счастлив, живя в своем мире с бабушкой и дедушкой, но счастье не могло длиться долго. «Шшш, васичу анигне кте - потише, или белый человек заберет тебя». Как часто слышал я эти слова, когда шалил, но мне и в голову не приходило, что угроза станет правдой, как я не смог бы представить и явившихся за мной чудовищ цийа и сийоко.

Но однажды чудовище пришло - белый человек из Бюро по Делах Индейцев. Наверно, у него в списке было мое имя. Он сказал моей семье: "Этот ребенок должен пойти в школу. Если ваши дети не придут сами, индейская полиция заберет их силой". Я спрятался за бабушку. Мой отец был великим божеством для меня, а дедушка сражался с Кастером, но они не смогли защитить меня.

В те дни индейские школы были похожи на тюрьмы, и управляли ими по-военному, с перекличками четыре раза в день. Мы были должны стоять по стойке "смирно", или же ходить маршем. БДИ считало лучшим способом нашего обучения выбить из нас все индейское. Нам запрещали говорить на нашем языке и петть наши песни. Если мы не повиновались, нас ставили в угол или к стене, так что наши носы и колени упирались в штукатурку. Иные преподаватели линейкой били нас по рукам. Часть линеек были покрыты медными гвоздиками. Однако у них не особо получилось переделать меня. Меня могли силой одеть в белую одежду, но не изменить было того, что под рубашкой и штанами.

Мой первый преподаватель, мужчина, стоял перед толпой напуганных детей. Я заметил, что у всех детей было одинаковое выражение на лицах – полное отсутствие выражения, как такового. Они выглядели заледеневшими, невозмутимыми, деревянными. Я знал, что и сам так выглядел. Я не знал ни слова на языке белого человека, и совсем мало о его образе жизни. Я считал, что у всех есть свободные деньги. Преподаватель не говорил ни слова на лакотском. Он толкнул меня к моему стулу, и я очень испугался.

Преподаватель сказал: "Встать, Сесть!" Он говорил это снова и снова, пока мы не поймали смысл. "Сесть, встать, сесть, встать. Иди и стой. Да и нет". Все без смысла, только звук.

Была у нас и леди преподаватель. Она пользовалась тем же методом - поднимала одну палочку и говорила: "Один". Потом она поднимала две палочки и говорила: "Два", снова и снова. Неделями она показывала нам картинки животных и говорила: "собака" или "кот". Мне потребовалось три года, чтобы научиться словам: "Я хочу это".

В свой первый школьный день я впервые попробовал и бобы, с ними было что-то белое, помоему, свиной жир. В ночь моего возвращения домой бабушка и дедушка открыли окна. Они сказали, что я плохо пахну. До того я ел только сухое мясо, васна, папа, сухое зерно, смешанное с ягодами. Я не знал ни сыра, ни яиц, масла или сливок. Очень редко я пробовал сахар или леденец. Поэтому у меня был плохой аппетит в школе. Целыми днями нас кормили бутербродами с сыром, это заставило бабушку, приняв меня, спросить: "Внук, ты был рядом с козлами?"

Вскоре я растерял часть страхов и вернулся к своей обычной смелости. С самой любезной улыбкой я обзывал белого учителя всеми плохими именами на своем языке. А он сиял и гладил меня по голове, ведь он считал, что я говорю ему комплименты. Как-то я нашел большую картину обезьяны в классной комнате, странное животное с жесткими, белыми бакенбардами. Я решил, что это Большой Белый Отец, нет, я, правда, так думал.

Я ходил в дневную школу резервации Роузбад, в двенадцати миль южнее Норриса, в Южной Дакоте. Все правительственные преподаватели знали программу только до третьего класса. Выше этого класса они не поднимались. Я оставался в чертовом третьем классе шесть лет. Других-то не было. Индейцы моего поколения скажут вам, что и в других резервационных школах было то же самое. Год за годом - один и тот же класс. Если мы убегали, полиция возвращала нас. Но не это важно. За все школьные годы они так и не научили меня ни говорить по-английски, ни писать и читать. Я научился этому годы спустя, в салунах, в армии и в тюрьме.

Кто мне исполнилось четырнадцать, передо мной замаячила школа-интернат. Не индейцу трудно понять, что чувствуют наши дети в школах-интернатах. Дома индейские дети окружены родственниками, словно теплым одеялом. Родители, бабушка и дедушка, дяди, тети, старшие братья и кузены - всегда суется вокруг них, играют с ними, выслушивают все их истории. Индейские дети называют тетю "Ма" не из вежливости, а потому что тетя ведет себя как мама. Индейские дети не ведают одиночества. Куда бы ни шли взрослые, малыши плетутся следом. У детей такие же права, как у взрослых. Их редко принуждают делать что-то ими нелюбимое, даже если это пошло бы им на пользу. Родители скажут: "Он так сильно это ненавидит, мое сердце не в силах его заставить".

Для индейского ребенка белая школа-интернат – страшный удар. Его выкидывают из теплого чрева в странное холодное место. Все равно что - выйти из уютной кухни в воющую снежную бурю. Теперь школы лучше, чем в мое время. Внешне они выглядят прекрасно - современные и дорогие. И преподаватели куда лучше понимают детей, больше используя психологию, нежели палку. Но и в этих отличных новых зданиях индейские дети по-прежнему совершают самоубийства, ведь они так одиноки среди всего этого шума и деятельности. Я знаю об одном повесившемся десятилетнем мальчике. Эти школы - коробки, заполненные тоскующими по дому детьми. Школы оставляют шрамы. Мы приходим в них смущенными и изумленными, и такими же оставляем их. Приходя в школу, мы, по крайней мере, знаем, что мы - индейцы. А выходим наполовину красными, наполовину белыми, и не знаем, кто мы.

Во времена моего детства эти школы были по-настоящему плохими. Расспросите старожилов. Я завидовал отцу, который никогда не ходил в нее. Я был таким одиноким, я плакал, но я не стал переделывать себя. Я изображал глухого индейца. Они не сумели превратить меня в яблоко - красное снаружи и белое внутри. С их точки зрения я был полным провалом. На меня сваливали все школьные неприятности. Что бы ни случилось, первый вопрос всегда был: "Вы не видели, может, Джон сделал это?" Нас стегали ремнем, а меня - больше всех.

Моей учительницей была неприятная старая леди. Однажды я бросил в нее живым цыпленком как снежком. В ответ она избила мои ладони линейкой. Я установил чернильницу так, что та опрокинулась ей на лицо. Черные чернила облили учительницу с головы до ног. Я улыбнулся первым, и она сразу поняла, кто это сделал. В тот раз меня отстегали по спине уздечкой и заперли в подвале. Мы, чистокровки, проводили там много времени. Я подобрал хорошие лисьи песни в том подвале.

Я был хорошим атлетом. Как-то я разбил кухонное стекло, метая копье. После того мне ни разу не удавались такие хорошие удары. Они пробовали заставить меня играть на тромбоне. Я разбил его на части и скрутил спиралью. У старой противной учительки рот был как у щуки, и глаза - не лучше. Мы нанесли друг другу много «ударов ку», и я до сих пор не определю победителя. Однажды за мной снова послали, но я убежал. Я отправился домой и забрал своего пони. Я понимал, что за мной явится индейская полиция, поэтому направил стопы в штат Небраска, где продал лошадь и седло, на эти деньги купил билет до Рапид-Сити, и у меня в кармане еще оставалось двенадцать долларов. Я сумел бы жить на доллар два дня, но полиция поймала и вернула меня. И, пожалуй, лучшее, что я приобрел в школе, - я стал больше индейцем по окончании ее, нежели при поступлении. Моя спина затвердела от ремней, излохмаченных об нее.

Одни врачи говорят, что индейцы здоровее белых, у них меньше сердечных заболеваний. Другие уверяют, что это - результат нашего более голодного существования, ведь скудная еда делает тела поджарыми и здоровым. Но это неправда. У индейцев меньше болезней сердца просто потому, что мы не доживаем до сердечных приступов. Ведь они - болезнь старых людей. А при нашем существовании считается большой удачей дожить до сорока. Чистокровки умирают быстро. Однажды я разговаривал с парнем, который на следующий день умер. Правительство все еще "изводит" индейцев, продолжая труды Кастера. Нам дают странные пилюли и капсулы, чтобы пребывание в больницах Общественной Службы Здравоохранения не слишком хорошо лечило нас. В мою школу ежегодно приезжал в двуколке дантист с большой парой плоскогубцев, чтобы дергать наши зубы, и тогда самый сильный и крепкий мужчина в школе прижимал наши руки к бокам. Это была анестезия.

В нашей семье было двенадцать детей, но все, кроме одной сестры, уже умерли. Большинство не успели даже вырасти. Моего старшего брата Тома и его жену убил грипп в 1917 году. Я сам потерял моего маленького мальчика тридцать пять лет назад. Я попал за сотни миль от дома в снежную бурю, а ему не успели найти доктора. Мне говорили, - это была корь. В прошлом году я потерял другого малыша, любимого ребенка. На этот раз мне сказали о проблемах с кишечником. Наша продолжительность жизни мало прогрессирует. Мы, знахари, пытаемся лечить свои болезни, но куча новых болезней белого человека появляется от еды и образа жизни белых, а у нас нет для них трав.

Моя сестра была самой старшей из нас. Она умерла в 1914 году, и мои родичи решили, что она не вынесла перемен в нашей жизни. В ее память мы раздали почти все ее вещи, даже кровати и матрацы, даже то, без чего семье было бы трудно жить дальше. Моя мать умерла от туберкулеза в 1920 году, когда мне было семнадцать, и это стало "последним испытанием" нашей семьи. В день ее смерти я чувствовал, как тело ее уже умерло; только душа была все еще с нами. Я держал ее за руку, и мама смотрела на меня. Ее большие глаза были печальными, как будто она знала, что меня ждут тяжелые времена. Она сказала: "Онсика, онсика - бедный, бедный". Это были ее последние слова. Она жалела не себя; она жалела меня. Я в одиночестве поднялся на холме и плакал.

Когда умер дедушка Неистовое Сердце, были убиты и его два пони, их положили головами на восток и хвостами на запад. Коням сказали: "Внук, твой хозяин любил тебя. Ты нужен ему на новых дорогах". Дедушка знал наверняка, куда шел, и повелел людям похоронить его по старому обычаю на помосте, где ветер и воздух, солнце, дождь и снег хорошо о нем позаботятся. В конечном счете, короб с его телом сняли с помоста и перехоронили на кладбище, но это произошло спустя годы, а к тому времени он и его пони давно ушли туда, куда хотели.

Но в 1920 году нам даже не разрешали умирать по нашим обычаям. Нас нужно было хоронить по-христиански. Мою мать забрали, словно в далекую белую школу-интернат. Четыре дня я чувствовал рядом с собой наги моей матери, ее присутствие, ее душу. Я чувствовал, как ее доброта оставалась со мной. Священник говорил о вечности. Я сказал ему, что индейцы не верят в это - "на веки веков". Мы говорим, - остаются только камни и горы, но даже они исчезнут. Новый день приходит не навечно, сказал я ему. "Когда придет мое время, я хочу уйти к моим предкам". Священник сказал: "Это может быть ад". Я сказал ему, что предпочитаю жариться с бабушкой или дядей сиу, чем сидеть на облаке, играя на арфе с бледнолицым незнакомцем. Я сказал ему: "Не называйте меня этим христианским именем Джон в день моей смерти. Назовите меня Тахча Уште - Хромым Оленем".

Со смертью моей матери один мир был разрушен для меня. Это совпало с новым постановлением Правительства о пастбищной плате и наделах земли. Ограждения колючей проволоки наступали на нас. Мой папа сказал: "Точно так же мы могли бы их просто отдать". Он вернулся на родину в Стэндинг Рок, оставив моей сестре около шестидесяти лошадей, сорок низкорослых коров и одного быка. Мне же досталось около шестидесяти голов необъезженных коней и пятьдесят коров. Отец дал мне свободу: "Вот, я отдаю тебе лошадей; поступай, как хочешь. Хочешь жить как белый, иди и покупай автомобиль, а то заболеешь, разгуливая пешком". Думаю, папа знал, что у меня на уме.

Я распродал часть стада ради "Форда Модели-Т" и вещичек в стиле родео - вычурных ботинок с серебряными шпорами, безвкусной конской сбруи и большой шляпы. Я разъезжал по родео, но не стремился в лучшие наездники. Это просто было оправданием для странствий по разным резервациям. Моя жизнь изменилась, и я сам изменился. Я едва узнавал себя теперь. Я был скитальцем, индейцем хиппи. Я ничего не знал тогда. Правильно или неправильно - были только слова. Моя жизнь стала познаванием. Если кто-то говорил: "Это плохо", я хотел испытать это. А может, это оказалось бы хорошо. Я еще не пил, но скоро начал бы. Кони и коровы ушли, а я стал владельцем полдюжины разбитых драндулетов. Однако я чувствовал духов. Они всегда спускались ко мне по ночам. Я слышал их, что-то вроде свиста моего нынешнего слухового аппарата. Я чувствовал их прикосновение, как перо

по ране. Я всегда сжигал для них чуть-чуть свит-грасс. И хотя я жил бродягой, я встречался со старыми знахарями и пробовал учиться их путям.

Мне не нужны были ни дом, ни пастбище. Всегда находилась пещера, расщелина в камнях, где я мог укрыться от дождя. Я хотел разузнать тайны растений и камней. Я говорил с ними. Я бродяжничал. Я был словно часть земли. Все было отнято у меня, кроме меня самого. Время от времени, в том или ином месте, я смотрелся в зеркало, чтобы вспомнить, каков я. Бедность, трудности, смех, позор, приключение - я хотел испытать все. Порой я походил на тех современных котов с обрезанными когтями или же на того одинокого койота, которого ждут западня, отравленное мясо и ружье фермера, но это не волновало меня. Я не был ни грустен, ни счастлив. Я просто был.

В то время я познакомился со стариком индейцем, которого вынуждали оставить свою палатку и идти жить в новый дом, ведь в нем там гораздо удобнее, а старую грязную палатку сжечь, ведь она кишит паразитами. Он выглядел худым и слабым, но боролся отчаянно. Им досталось, когда они вытаскивали его. Он все время проклинал их: "Я не хочу в этот сучий дом. Я не хочу жить в коробке. Выкиньте чертов рефрижератор, разбейте его! Прочь стулья с их проклятыми ножками, сидите на земле. Выкиньте эту штуковину для мочи. Я не буду ею пользоваться. И сукиных золотых рыбок тоже выкидывайте. Убейте проклятую корову, сами ее ешьте. Завтра наступает новый день. В этой чертовой коробке не бывает завтра!" Я гордился этим стариком. Он выражал мои чувства. Он придал мне храбрости. Я был свободным и летел, как листок, оторванный ветром от дерева. Я слушал белых проповедников всех наименований просто потому, что мне было любопытно послушать их слова. Но мне не были нужны их церкви. Я нес свою церковь в себе. Я ходил на собрания пейотля и получал видения. Я хотел чувствовать, обонять, слышать и видеть, но видеть не только глазами и умом. Я хотел видеть канте иста - зрением сердца. Оно смотрело на вещи по-своему. Я менялся. И не сопротивлялся этому. Я дал себе полную волю. И всегда я пытался познавать. Я встретил знахаря, одного из моих дядюшек. "Расскажи мне о Великом Духе", - попросил я его. "Он не похож на человека, как бог белых. Он - мощь. Его мощь может быть в чашке кофе. Великий Дух - это не старик с бородой". Его ответ обрадовал меня, но я снова и снова задавал всем тот же вопрос.

Я был жаден до женщин. Я хотел познать их. Я любил много девушек, больше сотни. Их мягкие стоны многому научили меня. Но из-за этого я мог и погибнуть. Как-то на танцах в одной резервации (не буду называть ее, вдруг они снова явятся и надумают меня застрелить) я встретил девушку, увел ее в свое убежище неподалеку... А потом заметил, что забыл на пау-вау куртку и вернулся за ней. На площадке я столкнулся с мужем той леди, - он просто землю рыл. К тому же он оказался чертовым главным полицейским и видел, как я тайком уводил его жену. Он выхватил из-за пояса оружие и начал палить в меня, одновременно обзывая совсем плохими именами. Я хоть и слушал внимательно, но вскочил на ближайшую лошадь и ускакал. Он выстрелил мне вслед все шесть раз. В меня парень не попал, но одна пуля оказалась в огузке лошади. Бедная лошадь, он был не прав.

В 1930 году я получил по заслугам. Меня женили силой. Отец девушки был большой шишкой, христианином с множеством протекций. На меня надавили, и выбора не оставалось. Я, словно койот, попал ногой в западню. В другой раз я откушу ногу.

Эти люди были католики, и я ходил с ними в церковь. Зря ходил-то. Люди больше на меня глазели, чем на проповедника. Часть белых вовсе не желала сидеть рядом со мной. Снова и

снова это была школа-интернат. Через три года жена развелась со мной, сказав, что я хорош днем, но плох ночью.

Я вырвался из западни, но не был готов где-то обосноваться. Мне еще многое предстояло перепробовать - человек вне закона и представитель закона, заключенный и бродяга, овечий пастух и бутлегер, наездник родео и знахарь. Я все еще хотел прожить много жизней и выяснить, кто я такой. Горячка так и не оставила меня. Как и мой прадед Хромой Олень, я хотел пойти еще на одну великую охоту, хотя не знал тогда, зачем охочусь, сколько продлится эта охота, и не убьет ли она меня, как убила моего предка. Возможно, я искал его ружье. Я по-прежнему говорю, что оно - мое.

3. Зеленая Лягушачья Шкурка

Зеленая лягушачья шкурка - так я называю долларовую банкноту. Отношение к ней у индейцев и у белых сильно отличается. Мои бабушка с дедушкой выросли в индейском мире без денег. Как раз перед битвой с Кастером белые солдаты получили зарплату. Их карманы были заполнены зеленой бумагой, и они не успели потратить ее. Какими были их последние мысли, когда в них попадала индейская пуля или стрела? Подозреваю, они думали, что все эти деньги пропадут впустую, и у них не будет возможности насладиться им, а банда тупых дикарей наложит лапы на денежки, заработанные с таким трудом. Наверно, это ранило их сильнее стрел между ребрами.

Последний рукопашный бой, где тысячи лошадей ржали над полем битвы, поднял огромное облако пыли, и в нем зеленые лягушачьи шкурки солдат кружились словно снежинки во время вьюги. И что же сделали индейцы со всеми этими деньгами? Они раздали их детям для игры, чтобы те складывали из необычных кусочков цветной бумаги фигурки бизона или лошади. В конце концов, хоть кто-то насладился этими деньгами. Книги говорят об одном выжившем солдате. Он убежал, но сошел с ума, и женщины видели издали, как он убил себя. Авторы обычно пишут, что он, скорее всего, боялся плена и пыток. Только это неправда.

Неужели не ясно? У него разболелся живот в овраге, когда он увидел происходящее, – дети играют с деньгами и рвут их, женщины подогревают ими вяленое бизонье мясо, а мужчины разжигают трубки зелеными лягушачьими шкурками. А главное, все эти красивые долларовые банкноты улетают с пылью и ветром. Это зрелище и свело с ума бедного солдата. Он обхватил голову с криком: "К черту, Иисусе Всемогуший Христос, не могу смотреть, как тупые придурки, краснокожие сучьи сыны тратят впустую все эти деньги!" Он следил за ними, пока мог выдерживать, а затем прострелил себе мозги шестью пулями. Это была бы сильная сцена для кинофильма, но не произвело впечатления на индейский ум.

Зеленая лягушачья шкурка - вот вокруг чего идет вся борьба. Золото Черных Холмов, золото в каждой травинке травы. Ежедневно мы видим, как наемники с ранчо едут по этой земле. Мешок зерна свисает с их седел, и едва увидев нору прерийной собачки, они бросают в нее горстку овса, - так старая добрая леди кормит голубей в ваших городских парках. Только овес для прерийных собачек отравлен стрихнином. Не очень-то приятно наблюдать, что происходит с прерийной собачкой, когда она съест это зерно. Прерийных собачек травят, потому что они едят траву. Тысяча собачек съедает столько же травы за год, как и корова. И если владелец ранчо убьет много прерийных собачек, он прокормит одну голову рогатого

скота и заполучит чуть побольше денег. Он смотрит на прерийную собачку, но видит только, как зеленая лягушачья шкурка уплывает от него.

Для белого человека каждая травинка или ручеек имеет ценник. И это тревожно, ведь смотрите, что получается. Рыси и койоты привыкли питаться прерийными собачками, а теперь они должны охотиться на беспризорного ягненка или увечного теленка. Владелец ранчо вызывает чиновника контроля за вредителями, чтобы убить этих животных. Чиновник убивает пару кроликов и, засунув в них деревянную палку, устраивает приманку. К палке прикреплен взрывчатый заряд, который вбрасывает немного цианида в пасть койота, схватившего кролика. Чиновника учат осторожности, и на каждой палке напечатано предупреждение: "Опасно, Взрывчатка, Яд!" Проблема в том, что наши собаки не умеют читать, и некоторые из наших детей - тоже.

И прерия становится безжизненной - нет больше прерийных собачек, нет барсуков, лис, койотов. Большие хищные птицы также привыкли питаться прерийными собачками. Вы едва ли увидите орла в наши дни. Лысый орел - ваш символ. Вы видите его на ваших деньгах, но ваши деньги убивают его. Когда люди начинают уничтожать собственные символы, они становятся на плохой путь.

У сиу есть название для белых людей. Они называют их васичун - пожиратели жира. Неплохое название, ведь вы забираете жир у земли. Но он не идет вам на пользу. Уже сейчас вы не выглядите здоровыми - избыток веса, да, но не здоровья. Американцы размножаются подобно нафаршированному гусю – становятся потребителями, а не людьми. Постоянно они потребляют, покупают, мир лягушачьей шкурки не представляет для них никакой иной пользы. Они сами стали лягушками. Жестокий ребенок сунул им в рот сигару, и они будут пыхтеть и пыхтеть, пока не взорвутся. Пожирание жира - вредно даже для пожирателя. А еще хуже оно для индейцев, вынужденных жить в мире лягушачьей шкурки, который не они создали, и которому они не нужны.

Вы, Ричард, художник. Вот почему мы так сошлись. Художники - индейцы в белом мире. Мечтателей, живущих в облаках, называют непредусмотрительными людьми, ведь они не могут прожить на свои деньги, а еще их называют людьми, не желающими смотреть в лицо «действительности». Они говорят то же и об индейцах. Что ад этих людей лягушачьей шкурки знает о действительности? Мир, где вы рисуете картину в уме, и она показывает нечто иное, чем видят ваши глаза, из этого мира и я получаю видения. Я говорю вам, это - реальный мир, а не Мир Зеленой Лягушачьей Шкурки. А то - лишь дурной сон, заполненный смогом кошмар.

Когда мы отказываемся уйти из нашей действительности в иллюзию лягушачьей шкурки, нас называют тупыми, ленивыми, непредусмотрительными, незрелыми, "не от мира сего". Я счастлив называться "не от мира сего", должны быть счастливы и вы. Хорошо, что наши действительности не схожи. Я помню, как один белый человек смотрел на черный бархатный жилет моего дедушки с пуговицами из десятидолларовых золотых монет. У белого был припадок, он снова и снова повторял: "Только чокнутому индейцу придет в голову использовать хорошие деньги для пуговиц, человеку, у которого нет даже горшка помочиться!" Но дед не был чокнутым или достаточно грамотным, чтобы знать цену деньгам, как и все. Деньги существуют ради удовольствия человека. Вот деду и было приятно пришить несколько золотых голов индейцев на свой жилет. Это имело смысл.

Я знал образованного индейца, кто возвратился в свою резервацию после долголетней работы в большом городе. На сбережения всей жизни он открыл кафетерий и бензоколонку. Весь день автомобили выстраивались в очередь. "Эй, дядя, заполни ее. Я не могу заплатить, но ты богат; дай бесплатно". И то же самое в кафетерии: "Дядя, я возьму бутерброд с жареной говядиной. Только не записывай на счет, мы же - родственники".

Владелец хорошо жил и работал как белый среди белых. Но теперь он снова был индеец среди индейцев. Он не мог сказать "Нет" бедному родственнику, а вся резервация была только одной толпой бедных родственников, и они называли его Дядей и Кузеном независимо от степени их родства. Он не мог отречься от них, и в этой ситуации даже образование не помогало ему. У нас нет разделения на отдельные, четкие семейки - Па, Ма, дети, и к черту всех остальных. Все проклятое племя - одно большое семейство; такова наша действительность.

Вскоре индейский бизнесмен разорился и обанкротился. Но этот человек был сообразителен и образован, как белый. И он придумал, он нанял белую официантку и белого дежурного бензозаправки, а потом распустил слух, что был вынужден продать бизнес белым владельцам. И тогда он стал преуспевать. Все платили, ибо знали, - белые люди ничего не дают бесплатно.

Некогда я слышал об индейце, который потерял ногу из-за несчастного случая на производстве. Он получил страховку около пятнадцати тысяч долларов. Вмиг его жилище наводнили больше сотни голодных родственников. Они приезжали на старых драндулетах, поездом, верхом и пешком. С утра до ночи грузовик пикап сновал туда-сюда между его жильем и ближайшим магазином и возил говядину, хлеб и ящики пива, чтобы наполнить все эти пустые желудки. Наконец они купили малорослых бычков и сами забили их. Забава продолжалась несколько недель, пока не исчезли деньги. Через день исчезли и родственники. Тот человек совсем не сожалел. Он сказал - не жаль потерять и вторую ногу, чтобы начать все сначала. Этот человек стал настоящим героем, даже среди других племен, и был долгожданным гостем повсюду.

Я придумал новую поговорку: "Индейцы гоняются за видением, белые гоняются за долларом". Мы - паршивое сырье для создания из нас капиталистов. Мы легко сделали бы это, но перестали бы быть индейцами. Мы стали бы просто обычными гражданами с чуть более темной кожей. Это - высокая цена, чтобы ее заплатить, мой друг, слишком высокая. Из нас выходят и паршивые фермеры, ведь глубоко внутри мы по-прежнему чувствует, что земля, вода, воздух, земля и ее недра не могут принадлежать одному человеку, быть частной собственностью. Они принадлежат всем, и если человек хочет выжить, ему лучше вернуться к индейской точке зрения, и поскорее, - ведь осталось совсем немного времени на раздумья.

Я помню, как впервые услышал радио. Это было в городишке в глубинке страны где-то в 20-х годах. Над дверью была надпись: "Слушайте беспроводную музыку из Сиу Фоллз - за 300 миль отсюда! \$1.50 с человека". Вы долго звонили, прежде чем вас впускали в кафе порадовать уши. На кристалле бегала дорожка, и вы слышали тоненький трещащий голосок, который вещал что-то о зимних кормах, кукурузе и цене на отборную свинину. В тот момент старый индеец сказал: "Они забрали землю и воду, теперь у них и воздух". Так у нас появился мир зеленой лягушачьей шкурки, где на все есть цена.

Индейцы не любят торговаться. Долгий спор о деньгах болезненен. Но мы умеем провести хитрую сделку. Моя дядя, Бедный Гром, разводил особую породу аппалуза. Тогда можно было купить необъезженную лошадь за двадцать долларов, но только не аппалузу Бедного Грома. Когда белый приходил и спрашивал цену, мой дядя называл ее - семьдесят пять долларов. Покупатель обычно скреб в затылке и говорил, что цена высоковата. Через день или два они всегда возвращались, ведь лошади-то были по-настоящему хороши. Но когда они возвращались с наличными деньгами в руке, мой дядя говорил им: "То была вчерашняя цена. А теперь она стоит сотню долларов". Если они были глупы и снова скребли в затылке, цена поднималась до 125 долларов. Но веселый покупатель, кто не торговался и сразу составлял мнение, получал десять долларов скидки. Дядя любил своих пони. Он как-то сказал мне: "Индеец может любить лошадь так сильно, что умрет за нее". У него была отличная голова бизнесмена - он был чертовски хороший торговец лошадьми - но большую часть заработанного дядя отдавал бедным родственникам. Торговец в нем так и не взял верх над индейцем.

Старый Дядюшка порой оставлял телку или бычка перед домом бедного кузена. Он обычно говаривал мне: "Еда – это не просто насыщение вашего тела. У еды свои духи, и они следят за ней. Если вы скарედны, дух уйдет с мыслью: "этот ублюдок такой скупой, пойду-ка я". Но если вы делитесь едой с другими, добрый дух никогда не покинет вас". Меня воспитывали относиться к еде, как к чему-то священному. Я предвижу день, когда все, что вы дадите нам - это капсулы с химикалиями и витаминами вместо еды, и миссионеры велят нам сложить руки над парой таблеток на наших тарелках со словами: "Небесный Отец, благослови нашу ежедневную пилюлю". Я рад, что уже не увижу этого.

Я предпочел бы раздавить стаканчик мини-ша, красной воды, с одним из своих соседей. Он - старый пьянчуга, но очень щедр. Он разделит с другом последнюю бутылку и он сказал мне: "Виски не уходит от меня. Чем больше я отдаю, тем больше оно прибывает. Мне надо осторожным, или я утону в нем". Антропологи постоянно твердят, что в нас по-прежнему слишком много от старых охотников на бизонов. Разделите вашу еду, разделите ваше добро, или племя погибнет. Это было хорошо вчера. Сегодня же говорите - "Нет, нет и нет" бедному кузену. Это практичный поступок. Вечные попытки переделывать людей по своему образу и подобию - болезнь белого человека. Это я не лечу. И я говорю антропологам: "У вас в мозгу - зеленые лягушачьи шкурки. Если мы, индейцы, были бы такими грязными дикарями, как вы нам твердите, мы съели бы вас, едва вы прибыли на этот континент черепахи. И тогда я ненадолго обрел бы мир и покой". На время эти слова затыкают им рот.

Еще они тычут в нас пальцем, когда мы устраиваем бесплатный пир. Нам пытаются сказать: беднякам непозволительно быть щедрыми. Но мы придерживаемся наших отухан, наших раздач, ведь они помогают нам оставаться индейцами. Все великие события нашей жизни - рождение и смерть, радость и печаль - могут стать случаями для раздачи. Нам не нравится идея наследования богатства. Лучше раздайте вещи мертвого человека. Так его или ее будут помнить.

Когда человек теряет жену, друзья приходят и помогают ему в оплакивании. Он оплакивает не дольше четырех дней, ведь жизнь должна продолжаться, а если он оплакивает слишком долго, духи подсунут ему еще кого-нибудь для оплакивания. Недавно я видел старую леди, которая по-прежнему коротко стрижет волосы в трауре по мертвому внуку. По прошествии четырех дней они с мужем опустошили весь дом - отдали рояль, телевизор, даже свою кровать. Они сидели на голом полу и говорили людям, которые приходили оказать им

уважение: "Скажите, брат, сестра, вам нужна эта вещь? Если пригодится, забирайте ее". В конце дня остались только пустые стены. Друзья подарили им новую кровать. Вопила - благодарение за нечто хорошее, случившееся с человеком - также случай для раздачи. Но ваш белый день благодарения - это день траура для индейцев, не за что благодарить.

Вы пишете "В Бога Мы Верим" на ваших деньгах. Я доволен, что Вы не забрали Великого Духа. Вы хотите и вашего Бога использовать в своем бизнесе. Я пробовал показать вам, как зеленая лягушачья шкурка различна для белых и индейцев. Но даже знахарю вроде меня нужно брать немного денег, ведь я вынужден жить в вашем придуманном мире, где без них нельзя существовать. И я раздваиваюсь, живя в двух различных мирах. Мне это не нравится, но я беспомощен. Я расскажу вам, как справился с этим. А удалось ли мне, судите сами.

Когда у меня еще оставались от отца лошади и коровы, я и не думал о приобретении денег. Я бродяжничал. Я не позволял миру лягушачьей шкурки пожрать меня, но я был довольно любопытен и исследовал его. Я любил ездить в город верхом. Обычно я подбирал приятелей по дороге, подобно Бену Рифлу, кто позже стал конгрессменом. Мы слонялись вокруг городков резервации с названиями Вососо или Аппер Кут Мит (Отрежь Сверху Мясо). Я был подобен лосевидцу, так мое обаяние влияло на девушек. У меня был хороший голос, и я любил петь по-индейски. Бабушка с дедушкой научили меня всем старым песням. И хотя у меня не было образования, я всегда размышлял, учился и пытался осознать все, что я видел и слышал в своей реальности.

Наконец наступил день, когда я обменял или продал последнюю свою корову. Я был почти счастлив. Теперь мне больше не надо было заботиться ни о каком имуществе, и оно не связывало меня. Теперь я мог быть, кем хочу - настоящим сиу, иксе викаса, обычным, диким, природным человеком. Может ли такой человек выжить в краю лягушачьей шкурки, - это мне и предстояло выяснить. Я решил охотиться, чтобы мясо было на моем столе. Но выяснилось, что нужна лицензия на охоту, если я собираюсь пойти за оленем или антилопой.

Идея, что индейцу нужно заплатить за причудливый кусок бумаги с разрешением охотиться на своей же земле, чтобы набить живот настоящего краснокожего, показалась мне дурной шуткой. Она рассмешила, но и разозлила меня. Те же люди, которые уничтожили бизонов и перебили последних диких лошадей на корм собакам, теперь сообщали мне, что я представляю опасность для сохранения живой природы, желая чуток красного мяса на своем столе, что мои действия нужно регулировать. Почему бы мне не довольствоваться крахмалом, которые они нам раздают? Мне сказали, что я должен быть польщен, ведь необходимость покупать лицензию поднимает меня на один уровень с белым охотником джентльменом. Через переводчика я ответил, что я не чертов спортсмен, а просто голодный, обычный, природный индеец, которому не нравятся причудливые гербовые бумаги, и он знает только один способ их использования.

Не только я испытал это. Большинство индейцев постыдилось бы охотиться с лицензией. И мы охотились без нее. Единственной ловушкой была скудность дичи. И голодные индейцы, наткнувшись на бычка белого человека, притворялись, что увидели у него рога. Потом в резервации было нечто вроде "ночного забоя", и люди ели "убитого лося". В этом было некое удовлетворение, как в краже лошадей у индейцев кроу в старые добрые дни.

Независимо от силы своей ненависти я мужественно встретил факт, что мне нужно зарабатывать деньги. Я был похож на всех остальных чистокровок. Мне не нравилась стабильная работа в офисе или на фабрике. Я считал, что слишком хорош для такой работы, и не оттого, что я такой выдающийся, просто любой человек слишком хорош для этой не-

жизни, даже белые люди. Я научился обходиться самым малым, и потому не работал, если не хотел. И у меня появилось много свободного времени, чтобы думать, спрашивать, учиться, слушать, наносить «удары ку» девушкам.

Меня втянуло в круговорот родео. Мне нравились скачки, и благодаря им в моем кармане появилось чуток наличных. У меня все еще было причудливое седло и одежда, и я наряжался словно воспаленный палец, поражая воображение. Мне подходила такая жизнь. Я вырос среди лошадей, я сам был почти частью лошади. Я познавал лошадей задом своих штанов. В те дни родео были еще забавой. До скачек допускались не только парни на арене, но и большинство зрителей. Они разбирались в том, что вы делаете, и обмануть их было невозможно.

Нынче родео - бизнес лягушачьих шкурок, а наездники - только наемные рабочие. Они могли бы и телевизоры ремонтировать, как мне кажется. Нет больше диких необъезженных лошадей. Лошади обучены вставать на дыбы, как слоны обучены ходить по кругу в цирке. Одних и тех же лошадей мы видим снова и снова. Наездники изучают их движения, и, уже седлая коня, знают, как он взбрыкнет. Это не скачки; с таким же успехом можно возить молоковоз. Ныне это - схватка за деньги, места и лидерство. А волнение ушло.

В мои времена вам давали дикую лошадь или корову, на которой никто еще ни разу не ездил, даже аркана не набрасывал, и у вас было немало работенки. Но если вы приручили коня, (или он - вас), то, скорее всего, больше никогда его не увидите. И не было никаких специалистов. Я проделывал все чертовы сумасшедшие трюки, какие вы только можете представить - сидел на прыгающих быках, заарканивал диких коней-бронко, скакал на бизонах. Мы скакали на настоящих диких конях, настоящих облачных охотниках и солнечных рыбаках (прим. переводчика – какие-то специальные термины родео). Вы первый могли сесть на такого, и завязывали им глаза, чтобы провести по скату. Потом все становилось на уши, и вы летели прочь. Вы вызывались скакать на опасных конях - "Приведите того человекоубийцу" - просто ради девушки, что следила за вами.

Вам предстояло заарканить, а то и оседлать диких быков с не огороженных пастбищ. В мои дни вы отправлялись за этим "ренегатом" и, заарканив его рога, скакали на своей лошади так, чтобы бычок подпрыгивал и переворачивался как оладья. Это обычно ненадолго сбивало его с ног, и вы успевали опутать его ноги, пока он не опомнился. Другие наездники захватывали нос бычка зубами и раскидывали руки, показывая зрителям, кто тут главный. Перебрасывание называлось "бросок хулигана", и могло сломать шею бычку или вам. Теперь это запрещено, но это было хорошо и для человека и для животного.

Самым захватывающим для меня были скачки на бизоне. Бизоны выглядели большими и неуклюжими, но бегали быстрее долларовых банкнот в вашем кармане. Не знаю, откуда их привозили, вероятно, из Государственного Парка Кастера. Однажды я за день проскакал на семи таких. Те бизоны заставили меня попотеть. На первом я удержался только один бизоний прыжок. Он был натуральным дверным молотком. На втором я провисел два прыжка. На четвертом бизоне я продержался шесть полных прыжков. Он носился так быстро, что ковбои не могли поймать меня. Номер семь сошел со ската так быстро, что я вовсе его не поймал. Я упал с размаху, но песок смягчил паденье.

Подозреваю, духи присматривали за мной, ибо я ни разу не сломал ни руку ни ногу. Лишь однажды в Мартине в Южной Дакоте я вывихнул правое плечо, скача без седла. В те дни к

нам на помощь не приходили доктора. Мне просто подложили подушку под руку и дернули. Плечо до сих пор побаливает все эти годы.

Я частенько ходил на Дни Фронтiera Белой Реки, которые считались самой большой вечеринкой в округе. Я ездил в Джилетт, в Вайоминг, Орегон, до самой границы. Порой у нас не было подходящего места для праздника. Старые драндулеты, Модель Т, и конские фургоны просто вставали где-нибудь большим кругом, и он становился ареной. Зрители оставались в автомобилях и фургонах, и если ты делал что-то достойное их восхищения, они громко и старательно гудели в рожки. Призовые деньги тогда были маленькими, но волнение - великим. А сегодня это похоже на картинное шоу.

Наконец я решил оставить объездку коней, пока не рассыпался на части. Да мне и надоедало слишком долго заниматься одним и тем же. Но я по-прежнему ездил по ярмаркам, только уже клоуном родео. Это было чуть менее опасно, чем скачки на быках, но лишь чуть-чуть. Мы называем клоуна - хейока. Для нас, индейцев, клоун - чужак, который он всегда делает все иначе, нежели ты ждешь от него. Труды клоуна священны; это - работа знахаря. Я расскажу об этом побольше, когда мы доберемся до хейока и будем говорить о снах громовников, видениях, снадобьях и вареной собачатине.

Клоуну нужно было отвлекать быков от сброшенных наездников, чтобы тех не забодали. Это следовало делать позабавнее, развлекая толпу, махая одеялами и прыгая в бочки вокруг, как в мультиках про парня, который прячется от налогового инспектора. Если бык нападал на меня, я прыгал в бочку, как улитка в раковину, и дудел в рожки, пока бык катил меня от одного края арены до другого.

У меня был свой спектакль. Я наряжался леди в большом желтом парике, на грудь подкладывал две подушки, наподобие "бара младенцев", как ковбои называли бамперы девушек. Мое сценическое имя было Алиса Джиттербуг. Я всегда выезжал на корове, очень пылкой корове с глазами, полными любви. Однажды нас преследовал бык, который принял за истинное сияние ее глаз. Зрителей это очень позабавило, но мне было не смешно. Я махал красными нижними юбками перед быками в Брахме, отвлекая их от упавших наездников. Порой я нырял в бочку вниз головой, давая людям восхититься резинкой моих трусов. Частенько я объединялся с другим индейским клоуном, Джейком Германом, известном своими забавными историями и сказками. Он уже давно умер, "уйдя на юг", как мы говорим.

Мои спектакли, хоть и были полны шуток, приносили мало денег. Старожилы коровьих городков на сотни миль в округе все еще помнят меня. Они помнят меня, не как наездника, - ведь в те времена было много хороших наездников, - но вот Алиса Джиттербуг была только одна.

Скачки или клоунада - это была неплохая жизнь. Всегда кто-нибудь угощал вас шмелиным виски - жгущий спиртной напиток, - люди были дружелюбны, и я много болтал с индейскими парнями из других племен. Я спал под трибуной, если таковая была, или в спальном мешке среди кустарника. И я редко спал один. Редко когда ночью девушка не составляла мне компанию. Наверно, моя лосиная мощь была сильна.

Что касается женщин, я смотрел на них, как на часть земли матери, и ни один человек не должен был вести себя с нею, как с огороженной собственностью. Если мой спальник казался мягким и уютным какой-то девушки, если она испытывала желание немного отдохнуть и

спрашивала меня, не разделю ли я глоток трусливого Пита или красного даго, кто я такой, чтобы говорить «нет» и заставлять ее клясться на куче Библий, что она одинока, и никто не поставил на ней своего клейма. Я полагал, это было не мое дело.

Кое-кто не разделял мое мнение по этому поводу. У меня были и неплохие поединки. Но я не отступал. Я говорил ревнивцам: "Сторожить разлюбившую девушку - все равно, что следить за скачущей блохой, - безнадежно".

Я жил среди людей и в то же время был одинок, я был счастлив и печален. Этого я и хотел. Как-то я услышал песню молодого индейского наездника:

У меня нет отца,
У меня нет отца,
Кто заплатил бы за мои ботинки.

У меня нет мамы,
У меня нет мамы,
Кто заштопала бы мои носки.

У меня нет девчонки,
У меня нет девчонки,
Кто поцеловала бы мою гадкую киску.

Я только ртеоле Лакота хоксила
Бедный ковбой сиу,
Давно вдали от дома.

То же чувствовал и я, разве только мою гадкую киску все же целовала порой какая-нибудь девчонка. Я был согласен с песней того парня: "Токийя блане? - куда я скачу, куда иду?" Я не знал, да и не заботился о том.

Летом были родео, а зимой - танцы скво. Мы любили этот танец белого человека, ведь он давал юношам шанс прикоснуться к девушке, почувствовать ее тело. На индейском пау-вау девушки танцуют отдельно от юношей, - девушки идут по кругу в одну сторону, а юноши движутся в другую. И вот один индеец затеял кадрили на западный манер. Он нанял скрипача, флейтиста и хорошего гармониста, и сам объявлял. Мы быстро ухватили суть. Я рвался быть глашатаем и всегда высовывал шею. Как-то у этого парня заболело горло, и он разрешил мне выйти вперед и начать первый круг. Я был и возбужден и застенчив, и ошибок у меня была целая уйма.

Начался огромный переполох - танцоры натыкались друг на друга, бегали по кругу как цыплята, увидевшие в курятнике лису. Я всегда не очень-то хорошо говорил по-английски, а в то время и вовсе едва произносил слова, даже если понимал их смысл, а чаще всего и его не понимал. Я просто пытался запомнить звуки. Человек, управлявший танцем, сказал мне: "Только кричите погромче, и все будет в порядке". Я проклинал свое почти сорванное горло. Но вскоре я приобрел навык объявления кадрили. Я не получил за то лягушачьих шкур, зато вволю наелся. Вот как это происходило:

Вот веревка, что телка, качайте ее высоко,

Не потеряйте ее, и пойдете вы далеко,
Поменяйтесь партнерами, так и вот так!
Обнимите ваш медок, погладьте ее голову,
Опустите на траву,
Но не падайте на нее... так и вот так.
Я качаю свою, ты качаешь свою,
Я качаюсь вас, и вы качаете меня,
А-а-а, пройдитесь и сильнее крутите ее
Все по кругу и променад,
В середину все и марш назад.

Хороший танец начинался на закате и не кончался до рассвета. Все расходились по домам сонные, с красными глазами, но переполненные хорошими воспоминаниями. Мы спали весь день в воскресенье. Иные старые скрипачи заканчивали обычно медленным-медленным вальсом, медленнее только улитки свистят. Я держался за свою девушку с закрытыми глазами и грезил о ней, и это значило для меня больше, чем музыка. Эти видения были не всегда чисты, но определенно приятны. Мы танцевали этот танец скво семь лет, но ныне он умер. Последний скрипач в старинном стиле нашего городка недавно скончался, а танцоры давно женаты и поседели, если вообще еще живы.

Ну вот, так мы развлекались в закрытом помещении зимой. Летом же я жаждал свежего воздуха. То было время пау-вау, время плясок в индийском стиле. Но и пау-вау стали бизнесом лягушачьих шкурок. Во времена моей молодости не было входной платы за танцы, и люди приходили не поглазеть на них; вы приходили принять участие. Теперь танцуют за деньги, соревнуются. Это мешает тем, кто не хочет бороться, а пришел отдохнуть. Прежде судьи давали призовые деньги бедному человеку; теперь дают их своим родственникам. Однажды эти все звезды денежного бизнеса прокиснут.

На прошлой пляске солнца в Пайн-Ридже оргкомитет учредил плату за вход полтора доллара. Они выбросили двух бедных стариков индейцев с танцплощадки, ибо те не смогли заплатить. Представьте, индейцу платить за право пойти на свою же пляску солнца! Людям это не понравилось, и вечером, когда позвали индейских танцоров, ну так вот, все танцоры поднялись на подмости, собрались группками, наряженные в свои перья, бастли и колокольчики на лодыжках, прислоняясь к их автомобилям и пикапам, - вид был прекрасный, но они просто стояли. Они не стали плясать на пау-вау, куда не пропустили бесплатно двух стариков чистокровок. Мы были рады это видеть. Мы выиграли тот раунд, а позже услышали, что двое из тех организаторов обвинялись в присвоении каких-то фондов от священной пляски солнца. Мир зеленой лягушачьей шкурки наступает даже на самые священные наши церемонии.

Во время моих странствий, моего оюмни - бродяжничества, я играл в карты, напивался или тратил деньги на девушку. Так или иначе, я продал свое прекрасное седло и отнес причудливые ботинки и побрякушки в ломбард. И перестал ездить по родео. Один человек решил устроить меня на постоянную работу наемником на ранчо. Я сказал ему: "Я хочу поднимать фурор, а не коров". Я не бросил бродяжничать. Что-то вело меня, не давая успокоиться. Я был все еще молод, прирожденный возмутитель мира, или просто глупец. Мне сказали, что в Небраске нужны сборщики картофеля по пяти центов за бушель. Я истратил последние десять лягушачьих шкурок и арендовал разрушенный драндулет, Форд первой модели, настоящая музейная вещь даже тогда. Я поднял ее домкратом, завел

рукояткой и запыхтел "чух-чух" к Пайн-Ридж. Там я подобрал еще парней, и мы основали команду. Нам сказали: "Чем дальше на юг вы уедете, тем меньше у вас будет конкурентов и выше оплата". Мы поехали на юг, мимо Гордона, Агата, Хайспрингз. Утром мы закатились в городок Альянс. Подъехал грузовик с фермером. "Парни, хотите работу по пяти центов за бушель?"

У того фермера было, наверно, с сотню акров картофеля, посаженного так и этак рядами. Мы измерили - сколько бушелей в ряду. Оказалось около тридцати или сорока бушелей. Фермер выдал нам мешки и конскую упряжку. Ты надеваешь пояс с длинным тянущимся мешком между ногами и ходишь по рядам от рассвета до заката. В первый день я выбрал семьдесят пять бушелей, почти надорвав спину. Три доллара и двадцать центов за двенадцать часов - тяжелая работа. Тот фермер не кормил нас; мы были должны есть сырой картофель и спать на сеновале. Я стал чемпионом среди сборщиков картошки. Мой рекорд был 150 бушелей, или семь с половиной долларов в день. Это была самая трудная из моих работ за всю жизнь.

Позже мы перебрались к другому фермеру. Тот был получше. Он платил нам столько же, как и первый, но у него было доброе сердце, и он кормил нас - хлеб и масло, шпик и кофе. Хотя старый сарай, которой он отдал нам под спальню, был все же полон всякой живности, и нам сильно не нравились все эти вши и блохи. И у него я не собирал 150 бушелей, ведь мне приходилось останавливаться и чесаться. Мы, четверо индейцев, объединили наши лягушачьи шкурки и скинулись на бензин. Нам платили ежедневно. Раз в месяц мы закупали консервы, большой шмат бекона, мешок сахара, и на оставшиеся деньги пили.

По окончании сезона мы устроили в городке большую пьянку. В тот день самогон был прекрасен. Вы пили его досыта, и на следующий день не чувствовали ничего - никакого похмелья. Самый лучший самогон в моей жизни. Один из нашей компании слишком долго был без женщин. Он заорал песню:

Я ухаживаю за девчонками.

И оседлав их,

Я оказываюсь на вершине мира.

Я – выше всех.

Лучше песни не найти, я думаю. Двое из нашей компашки влюбились в девчонок и оставили нас, разрушив тем самым нашу бригаду. А я узнал кое-что о фермерах и картофеле; пришло время попробовать что-нибудь еще.

Я поехал на север в Стэндинг-Рок. Мне очень нужно было пожить в одиночестве и поразмыслить о пережитом опыте. Однажды я бесцельно блуждал по улицам Белл Фоурч, и ко мне подошла белая женщина с вопросом, умею ли я пасти овец. Ее муж надолго уезжал в холмы на овечьё пастбище, и она пылко жаждала его возвращения. Я увидел ее нежную, теплую влагу от слез, так ждала она мужа.

Она отвезла меня к мужу на далекое пастбище, где у них было большое стадо овец. Тот очень мне обрадовался, веселый человек с лысиной, поблескивавшей на солнце, когда он снимал шляпу и вытирал ее. Они поспешили оставить меня и уединиться. Я понял, что эти двое не сразу поехали домой, но останавливались пару раз под тополями. Они давно не видели друг друга. Вот вам - пастьба овец.

Большой овечий фургон с торчащим дымоходом был наполнен всем, что мне было нужно - еда и вещи месяцев на шесть, по крайней мере. Ему предстояло стать моим домом. У меня была отличная кормежка и хорошая оплата. Босая Голова оставил мне винтовку 30 калибра, горстку патронов и двух овечьих собак. Эти собаки делали за меня всю работу, сгоняя отставших овец. Я был только декорацией.

Спальня овец называлась земляной постелью, там спал и я; вещички и еду я держал в фургоне. Каждое утро в пять часов я выгонял овец на завтрак, точнее это делали собаки, следуя за моим конем. Всякий раз мы выбирали разные места с обильной травой. Первые пять часов овцы ели, потом час пили, и еще часа три слонялись без толку. Я отпускал собак погонять кроликов, а сам раздумывал в одиночестве. После отдыха овцы съедали еще больше, а завершалось все великим походом домой ко сну.

Каждые несколько недель, как только овцы съедали всю траву вокруг фургона на расстоянии дневного перехода, мы переезжали в поисках новой травы. Обычно я выбирал место с хорошим видом из фургона. И вся установившаяся практика начиналась снова.

Пастьба кажется очень скучной, пока вы не испытали ее на себе. Фактически овцы неплохо занимают человека делом.

Причина в том, что они выведены человеком, искусственные кузены диких горных овец, и так тупы, что не могут заботиться о себе. Они вечно переворачиваются на спину, и раз очутившись в таком положении, не в силах встать. Вы знали это? Я - нет. Я никогда не поверил бы в такое, даже об искусственных животных белого. Но четыре ноги болтались в воздухе, и они выглядели беспомощно и глупо. Не знаю почему, но, упав на спину, овца вздувается, как воздушный шар, и вскоре умирает, если никто не поставит ее снова на ноги. Порой вам нужно протыкать их шилом, и они делают так - пффф... Словно проколотый воздушный шарик. Они вроде и не возражают. Они просто сдуваются и через пару минут снова жуют траву, как будто ничего не случилось.

Ну вот, несколько дней я то и дело переворачивал этих проклятых овец, словно олады. Едва я пропустил одну, она умерла у меня через час.

Порой овцы настолько тупы, что порой не признают и не кормят своих же ягнят. Эти сироты называются приживалами, и вам нужно подобрать их, если только вы обманом или лестью не сумеете подсунуть их другой овечке. Несмотря на отсутствие всяких умственных способностей, - даже говорить о них нечего, - овца придумывает массу способов занять пастуха.

На ночь я сгонял овец к фургону и вешал две керосиновые лампы с отражателями так, чтобы следить за овечками и стеречь их от койотов, рысей или бродячего горного льва. По лаю собак я узнавал о появлении койотов. Я видел по всей округе их глаза точками света. Я не стрелял. Едва я подбрасывал бревно в огонь и выставлял винтовку, они разбегались, и я шел спать. Койоты разумны, разумнее многих людей, которых я знаю.

Таким я был, индеец сиу, овечий пастух, хозяин стада. Утром я шел к ручью за водой, она была такой холодной, что ломила зубы. Я наполнял ковбойскую шляпу и давал псам пить из нее, ведь мне сказывали, что так делают настоящие пастухи. Я был счастлив в одиночестве. С закрытыми глазами я размышлял, воображал, прислушивался к голосам духов, приходивших

ко мне. Но где-то через месяц я забеспокоился. Мне надоело слушать только блеяние овец. Я захотел, чтобы тот человек, или его жена вернулись за мной, или послали кого-то на смену. Я проклинал одиночество, я молился, чтобы скво составила мне компанию, пусть даже самая уродливая. Но день проходил за днем, а я не видел другого человека и не слышал человеческого голоса.

Радио не было, но Босая Голова оставил мне стопку цветных журналов, "Почта Субботнего Вечера" и тому подобное. Я занялся чтением, водя по строчкам пальцем. Истории и картинки из журналов были для меня чужой страной, другим миром. В фургоне я нашел и Библию, и я изучал ее также. Так улучшился мой английский и чтение. "И Сим породил Уза, и Уз породил Луда, и Луд породил Маха, и Мах породил Нуха". Породил, породил, породил! Древние евреи, я подозреваю, все были овечьими пастухами, как и я. Со всем этим порождением какой черт следил за их овечками? У них не было винтовок, но было много львов. Все эти порождения заставляли меня думать о женщинах. Бесполезно. Я начал бормотать про себя.

Я начал выходить и кричать только, чтобы услышать свой голос. Желтоглазые овцы следили за мной. Они думали, что я сошел с ума. Порой одна из них умирала от несчастного случая, и я продолжал диету овцы, барана и ягненка, как говорится. Я потерял счет времени и не знал, какой нынче день недели. Черт, я не был уверен даже в месяце.

Однажды я увидел облако пыли. Босая Голова и его старуха приехали в своем грохочущем фургоне посмотреть, жив ли я еще. Они не успели остановиться, как я уже полностью собрался и был готов к отъезду. Они спросили: "Что-то не устраивает? Еда или оплата?" Я сказал им, что они обращались со мной лучше некуда, но я не рожден быть овцеводом. И я уйду, пока не разучился говорить или не женился на овечке.

Я пробыл в одиночестве более трех месяцев и отправился домой с большим комком лягушачьих шкур. Недавно я столкнулся с современным пастухом овец, у которого был в фургоне магнитофон. Я спросил, зачем ему такая штука. И пастух ответил, что с его помощью он разговаривает сам с собой. У него только одна лента. Когда он устает спорить с собой на одну тему, то затирает ее и начинает спор о чем-то другом. Я думаю, что все старые пастухи овец - витко – чокнутые, от долгого пребывания наедине с собой. После того я стал очень общительным, и мои деньги скоро ушли.

Всегда, поработав у белого или поклонявшись по притонам, я возвращался к старикам своего племени, и долгими днями расспрашивал их о знахарстве и древних путях. Видения, мир за пределами мира лягушачьей шкурки, всегда были очень важны для нас. Можно даже сказать, что человек без видения - не настоящий индеец. На равнинах мы трудом получаем видения, голодая и оставаясь в яме видения четыре дня и ночи, молясь о сновидении. И у других племен есть поиски видения, но ищут их по-разному. Восемьдесят лет назад с юга к нам пришла религия пляски духов от священного пайюта. Люди плясала до впадения в транс, пока не видели мертвых родственников. Это танцоров пляски духов вырезали в Вундед-Ни, их сновидение стерто ружьями Гатлинга. Сновидения опасны миру лягушачьей шкурки, и он пытается уничтожить их оружием.

Мне исполнился двадцать один год, когда мне сказали: "Есть новое мощное знахарство. Оно закружит вас. Оно заставит вас увидеть Бога". Как и в случае с пляской духов, люди с новым знахарством были не из нашего племени. Один был арапахо, а другой - черноногий, человек по имени Одинокый Медведь.

Я захотел испытать его и пошел на их первую встречу в одинокой лачуге. Шесть людей сидели на полу пустой комнаты. У них был бидон на полгаллона, наполненный нарезанным пейотлем. Арапахо и черноногий говорили на своем языке. Я не понимал их, но догадался, что они пробуют сказать: "Ешьте это, и Вы увидите новый свет!" Я почувствовал нечто странное в этом новом знахарстве и съел только пару столовых ложек. Пейотль был мощен. Барабан вошел в меня. Тыква вошла в меня. Голоса приходили ко мне из их грохота. Я закрыл глаза и смотрел внутрь себя, я присел на корточки, прислонившись к стене, и чувствовал кости сквозь кожу. Мне понравился пейотль, ибо он закружил меня. К полуночи меня посетило видение. Сначала я увидел, как квадрат превращается в круг, в полумесяц, в бисерный пояс - зеленый и синий - и он обвивался вокруг меня. Я видел себя, словно с высокой горы, сидящего на корточках с другими шестью людьми в углу бревенчатого дома.

Внезапно я очнулся. Мои глаза уставились в бревна, которые очутились совсем близко, словно я смотрел сквозь лупу. В щели что-то ползало. Это был большой муравей высотой футов в десять, самый большой муравей на свете, все усики сияли как у омара. Раз вырос муравей, с ним выросла и комната, я увидел насекомых, и они начали есть меня. Я испугался и попробовал убежать, но не мог шевельнуться. Проводник обряда сказал бы, что меня посетило видение. Он знал о моих ощущениях. Он гремел рядом тыквой и обмахивал меня веером из перьев. Я вернулся к жизни откуда-то извне хижины, как мне казалось.

Я был обескуражен. Я пытался думать о своих любимых - бабушке, дяде по матери, и дяде по отцу - но это не помогало. Мысли уходили от меня с топотом стада. Я пробовал думать о белых, о мире лягушачьей шкурки - и это не помогало. Я пробовал думать о животных, но был не в силах сосредоточиться. Люди сказали мне: "Ешь это, и увидишь Бога". Я не видел Бога. Я даже не мог мыслить полными словами, только слогами, один слог за один раз.

Я молился Великому Духу с просьбой помочь мне, дать видение. Я ощутил приятный запах, – но не носом, а умом. Это не были ни духи, ни природный запах. Он пришел только ко мне. Я увидел, как книга превратилась в скалу, скала - в пещеру. Я не знал смысла этого, но в нем было нечто вакан, нечто священное. Я осознал его добро, и испугался его. Лидер вручил мне посох и тыкву. Был мой черед петь, но я не умел, и меня пропустили. Когда солнце наконец взшло, от усталости у меня голова кружилась. Я был потрясен. Случилось нечто, чего я не мог объяснять. Об этом нужно было долго размышлять.

Я принял этот путь на долгие годы и регулярно ходил на встречи пейотля, но они не захватили меня полностью. Я все глубже проникал в наши старые верования сиу, в мир духа; я слушал пророков, травников и увипи. Я медленно обдумывал, куда хочу идти. Я смутно видел свое место, мне представало множество дорог, ведущих к нему, и еще не знал - какую выбрать. Я перепробовал все, часто заходя в тупик.

Полиция пробовала уничтожить новый культ пейотля, как они уничтожили пляску духов, не из-за того, что пейотль был наркотиком - наркотики не занимали наш ум тогда, - а потому что он был индейским конкурентом миссионеров. Полиции я вообще не сильно нравился, не только из-за пейотля. У меня было одно жилье в Пайн-Ридж, а другое - в Роузбаде. В Пайн-Ридже я содержал девчонку. Мы не были женаты по правилам белого человека. Миссионеры назвали это узаконенным соглашением. В то время такое не позволялось, и вас за это сажали в тюрьму. Они сказали: "Тебе нельзя жить с девушкой, если вы не поженились по нашим обрядам".

Я пошел на встречу пейотля, а полиция решила разогнать ее. Они прибыли в сумерки. Я предполагаю, нас нашли по запаху, а, может, кто-то предупредил их. Они вломились в открытую дверь, ища пейотль, но не нашли. Он хранился в двух милях от дома и еще не был принесен на встречу. Подняв керосиновую лампу, они увидели меня. О пейотле они сразу забыли и решили забрать меня. Я был плохим парнем в их глазах, плохой пример для всех овец в резервации.

Хижина была всего в тысяче футов от границы между резервациями. Полиция Пайн-Риджа и Роузбада проводили рейд, но каждая держалась своей стороны границы. Им не разрешалось пересекать ее. Я бежал по границе, машина патруля Роузбада с одной стороны, фургон Пайн-Риджа - с другой. Они стреляли в меня, пытаюсь остановить, но я понимал, что они не рискнуть ранить меня; они не смели. Если полиция Роузбада подбиралась слишком близко, я перепрыгивал на территорию Пайн-Риджа, и наоборот, прыгая взад и вперед через границу, словно огромный кузнечик. Только когда я полностью вымотался, а мое сердце неистово колотилось, я побежал в сосновые холмы, где их автомобили не догнали бы меня. Они вышли с взведенным оружием, пытаюсь не отстать от меня, но я потерял их в темноте. Они арестовали мою подружку, но, когда я пропал, они освободили ее и сделали приманкой. Но меня было не легко поймать. Я скрывался в Стэндинг-Роке, давая остыть делам. У меня было уютное гнездышко в прерии для моей девчонки.

Шесть лет я был пейотистом, но после я оставил пейотль. Я понял, это - не мой путь. Он был тупиком, глухим каньоном, а я искал свой путь из него. Я не хочу порочить культ пейотля. Во многих индейских племенах люди верят в его магическую силу. Дедушка пейотль собирает много людей, не только приверженцев этой религии, но и индейцев, и это хорошо. Некоторые племена используют пейотль так давно, что он стал их главной и единственной религией. Многие забыли свои старые верования, уничтоженные миссионерами, им остался только пейотль; это – единственная известная им индейская вера. Но для нас, сиу, она в новинку и отличается от нашей веры в Великого Духа и священную трубку. Медленно пришел я к пониманию, что не стоит смешивать две веры, путать их друг с другом. Я почувствовал, что для меня наступило время выбора - трубка или пейотль. Я выбрал трубку.

Оставляя пейотль, я уже знал, на что похоже настоящее видение сиу. Греза - это не видение. Всякий может грезить. И если Вы берете траву - ну, в общем, даже мальчик продавец в мясной лавке получит видение, поев пейотля. Настоящее видение должно идти из самой вашей сути. Это - не сновидение; оно очень реально. Оно поражает вас остро и ясно как удар тока. Вы в полном сознании и вдруг какой-то человек встает рядом с вами, хотя вы точно знаете, что его вообще не может здесь быть. Или кто-то сидит рядом, а вы внезапно видите его на холме за полмили отсюда. Но вы не грезите; ваши глаза открыты. Вам нужно трудиться над ним, освобождать ему ваш ум.

Пейотль - для несчастных людей. Он помогает им выходить из отчаяния, дает силы держаться, но я не мог оставаться с ним, мне нужно было идти дальше. Как только вы попробовали нечто подлинное, вы никогда не захотите ничего иного. Для вас есть только - все или ничего.

Познавание продолжалось всю мою жизнь. Следуя ему, я вечно пересекал границы своего ума. Три года я был бутлегером, управляя кафешкой и баром в Пармли, со столом для игры в кости и игровыми автоматами. У меня было лучшее в округе дешевое крепкое виски. Я играл

с полицией. У меня была бутылка необычной формы, и в ней я хранил настоящее горячительное, крепкое пойло, подлинная моча гремучки. Когда приходил провокатор, я давал ему хлебнуть этой червивой кишки – настоящая гарантия увечья и смерти. Вскоре он возвращался с полицией, доказательство еще стояло на столе, и нас вели к судье, - меня и бутылку.

Судья говорил: "Ну что тут у нас, кварта пойла?" Он принимал большой глоток спиртного, - только в целях официального расследования, объяснял он, - и таращил глаза. "Брр, да это же холодный чай - ужас!!» У меня было две таких забавных бутылки, и я просто переставлял их. И меня были вынуждены отпустить. У меня была полно уловов для них, и на время полиция оставила меня в покое.

Будучи двуличен, я решил выяснить, а как же это выглядит с другой стороны. И когда освободилось место полицейского племени в округе Блэк Пейп, я поступил на службу. Я удивился, что меня приняли, ведь я был чертов бунтовщик, хотя и нравился людям. Мне вручили значок и оружие, но я убрал стреляющую железку в ящик. Я никогда не носил его. Я носил только заряженную болванку, на крайний случай, но крайний случай все не наступал. И с первого же дня на страже закона я выяснил, каково это - когда пьянчужка материт тебя. Я был известен как родной полицейский; каждый был моим родственником. Если ваш кузен напивается, вы же не арестовываете его; вы ведете его домой. Я следовал этой политике. Увидев пьяного, я говорил ему: "Кузен, я - настоящий негодяй. Я тебя не в тюрьму заберу, а отведу к твоей старухе, пусть она поколотит тебя скалкой. Вот какой я негодяй".

А увидев молодую скво, которая вешалась на негодного франта, я отводил ее в сторону. "Знаете, девушка, дайте-ка я отведу вас домой к мамочке. Это дурной человек. У него уже с полдюжины девочек. Он только хочет получить вас по-семейному". "Откуда Вы знаете?" "Да я сам так делаю. Один сукин сын с лихорадкой насчет девиц всегда опознает другого". "А, ну, тогда ведите меня домой. Вы-то уж знаете, о чем говорите". Поработал я и ночным полицейским, но новизна постепенно прошла - для меня, для пьяниц и для совета. Некоторые племпольцейские - полукровки. Им нельзя бить белых, и они бьют индейцев, парней с самого дна. Так они чувствуют себя хоть кем-то. Я же произвел большую перемену. Сдавая значок, я подумал, что пьяницы будут по мне тосковать, но я не любил оставаться на одном месте.

Шли годы. Я становился старше и перепробовал почти все. Я был подобен большой мозаике. Год от года добавлялись новые части, создавая полную картину. Несколько частей все еще отсутствуют. В 1941 году я работал у фермера в штате Небраска. Он был хорошим, весьма общительным парнем с замечательной женой и детьми. Мы с этим белым семейством просто полюбили друг друга. Он жил очень просто, близко к земле, почти без машин и технических новинок. И дом он сам построил из камней и деревьев, словно часть земли. Вы сказали бы, что этот человек был в ладу с деревьями вокруг его жилья. В штатах Небраска и Дакота много скотоводов и земледельцев, столь скаредных, что они оставляют на участке не больше четырех деревьев, два - перед подъездом, чтобы давали немного тени, и два - позади. Все остальные деревья вырубает ради целины, где бы ни росли. Они квадратного фута не потратят впустую, так боятся потерять пятак или гривенник. Эти скареды лагучашьешкурники с ссохшимися душами и зерно выращивают только на продажу, а едят одни консервы.

Мой фермер не был на них похож. У него был лесок, и порой, проходя мимо, он рассеянно гладил ствол дерева, словно домашнее животное. И он сам выращивал себе еду. Я прекрасно ладил с таким человеком. Он дал мне участок земли в пользование, и я растил на нем зерно и картофель. Он был инвалид, и я был должен делать за него большую часть его работы, трудной работы, и управлять его трактором. Но он обращался со мной как с членом своего семейства. Его жена пекла замечательные пироги, и в их доме я чуток нарастил себе мяса на кости.

И вот однажды я получил уведомление правительства, от самого Большого Белого Отца: "Добро пожаловать!" Они хотели, чтобы я убивал каких-то белых людей. Вдруг это оказалось правильно. Сами понимаете! Тот фермер отдал мне зарплату, даже больше, чем задолжал, и устроил для меня и моих родичей большие проводы, большую чертову двухдневную пьянку. Меня посадили на поезд в Форт Ливенуорт в штате Канзас. Я был пьян как филин. И на том же поезде в то же место отправились множество других индейских парней.

Армейские доктора обследовали меня и отправили в 4Ф (?). Наверно, решили, что я уже перестарок. Но я хотел не расставаться с приятелями и пойти туда же, куда и они. Я присоединился к сиу в другой очереди, и на сей раз прошел. У меня была куча всякого оружия, каска и ружье. Дома во времена моего детства лук и стрелы были "тайным оружием". Военная служба сильно разочаровала меня. Они впустую тратили наше время на кучу дурацких приказов, тренировки, бюрократизм, салюты; Девяносто процентов моего пребывания в армии - только стояние по стойке «смирно» в ожидании приказов. Старый индейский стиль был куда осмысленнее.

Как-то после основного курса нам предстояло пройти парадом перед каким-то генералом, важной шишкой. Несколько белых юношей позвали родственников посмотреть на это, но людей из резервации не пригласили. Ну вот, мы стояли неподвижно как кегли, а тот великий вождь держал речь: «Парни, теперь вы - солдаты, а не гражданские жители. Хотя один здесь не любит армию, или, может, у кого жалобы есть?» Он не ждал ответа, но тут вперед выступил я: «Дерьмо, мне не нравится армия белого человека. Учите нас стрелять, но забываете об остальном. Вы тратите впустую наше время». Они пробовали сдерживать меня, заткнуть мне рот, но я добрался до того генерала. «Они обращаются с нами как с рабами. Я не против повоевать, но какого черта вы делаете из меня пугало».

Генерал посмотрел на меня и увидел, что я - индеец. Он произнес другую речь: «Вы, парни, - солдаты, и все мы знаем, что никому не нравится армия. Но никто не признался в этом. Только тот парень сказал правду». Он сходу дал мне еще одну нашивку, и я отправился домой взводным. На следующий день, в получку - день орлиного дерьма, как называли его - я хорошенько надрался, и мои нашивки забрали обратно.

Наконец нас отправили в путь. Я был самым старым в отделении, другие были молокососами передо мной. Когда их подстригли, они по-настоящему плакали, и я нянчился с ними. Наверно, я был очень грубой нянькой. Я думал, что скальпирую немца, подниму его белокурые волосы, «око за око» за Кастера и все такое. Но мое настроение изменилось. Похоже, дешевое вино заставило меня впервые задуматься об этом.

Много ерунды сказано и написано о войне: сражение за вашу страну, за Америку, за демократию, за ваших любимых. Черт, солдат воют, защищая только себя. Кто-то стреляет в него, и он бежит, чтобы другой парень не убил его. Он бежит как олень. Он возвращается и

хвастается: "Я сражался за мой флаг". В этом много та-чески, много бычьего. Когда в тебя стреляют, никто не думает о куске ткани.

Правительство забирает наших индейских парней, наших дядей, кузенов, братьев, сыновей сражаться в своих войнах. Первая Мировая, Вторая Мировая, Корея, Вьетнам. Пока слышна стрельба, мы - герои, как Эйра Хэйза, получивший Почетную медаль Конгресса в Айво Джиме. А по возвращении мы опять становимся некомпетентными подопечными правительства и оказываемся в канаве, как, впрочем, и Эйра Хэйза. Ведь не белые люди убили Сидящего Быка, а индейцы, такие же хунхпапа сиу, как и он, они убили его ради зеленых лягушачьих шкур. Белый солдат ударил Неистовую Лошадь штыком, но это ведь индейская полиция связала вождя по рукам, чтобы белый солдат воспользовался своим штыком. Вы всегда найдете голодных индейцев для сражений в ваших войнах.

Антропологи говорят, мы прибыли из Азии по земляному мосту на Аляску, но, может, это мы были здесь испокон века, и движение шло обратно с этого континента на тот. Возможно, вьетнамцы прежде были индейцами, и мы все сейчас - скауты кроу и ри, и скачем за новым Кастером. Я видел картины Сонгми, Майлай, и видел картины Вундед-Ни - мертвые матери с младенцами. И я помню, как мой дед Славный Лис рассказывал мне о мертвой матери с младенцем, лежащим у ее холодной груди и сосущим ее холодное молоко. В Майлай была жара, а в Вундед-Ни - жуткий холод, и различие только в этом.

Они играют со священным солнечным огнем, превращая его в атомные бомбы. Но в конце они только сдуют свои же головы. Мы могли бы научить их не делать этого, но нас считают слишком необразованными, кого не стоит слушать. Я сохранил копию нашей племенной газеты. Ей - пара лет. Я сохранил ее из-за стихотворения, написанного одним из наших парней сиу во Вьетнаме, Пятнистой Каской, он был в DMZ,(?) когда написал его. Мне жаль, что не я написал это стихотворение, ведь оно выражает и мои чувства, и чувства большинства из нас.

ПЛАЧ ИНДЕЙЦА РЕЗЕРВАЦИИ СИУ

Они схватили всю сиу нацию,
Поместив ее в резервацию.
Они забрали всю нашу жизнь -
Томагавки, луки, ножи.
Детишек забрали в ясли.
И оленью шкуру с наших ребер не снять ли?
Они забрали все, вплоть до нашей речи,
И английскому учатся теперь наши дети.
Наши любимые старые типы
Нынче в шоу они превратили;
Мы вышивали бисером вручную,
А ныне в Японии подделки штампуют.
Пусть они изменили наш древний путь,
Наши души и сердце не перевернуть.
Пусть в костюме я белого, и галстук на мне,
Но внутри глубоко я еще краснокожий вполне.
Хай-я хо, хи хай-я хо
Из "СИУ ГЕРОЛЬД" Роузбада

Через месяц после Нормандии кто-то обнаружил, что мне больше тридцати девяти, и меня освободили от армии. Так я освободился и от мира зеленой лягушачьей шкурки. Мои странствия подошли к концу, и я устроился на свою единственную постоянную работу - быть индейцем.

4. Напившись, Прямиком в Тюрьму

Умные белые люди постоянно учат нас, бедных тупых индейцев, чему-нибудь новенькому. Лично я хотел бы, чтобы нас научили правильно пить. Когда вы покупаете камеру или магнитофон, к ним всегда прилагается буклетик с объяснением, как им пользоваться, но к своему виски белого человека, вы забыли приложить инструкцию. Это ведет нас к нескончаемым неприятностям.

Посмотрите на того жалкого старого пьянчугу на обочине. Он подбирает пустые бутылки "Колы". Собрав двадцать бутылок, он сдаст их за деньги в бакалейной лавке и купит пинту дешевой выпивки, Муската - Не Говори. И напьется до полудня.

Но у того пьянчуги есть преимущество: он белый. В белой части города полно порожней тары. А ниже Индейский Город с картонными лачугами, ржавыми жилищами трейлеров, рассыпающимися бревенчатыми хижинами и качающимися уборными. Вы устраиваетесь в одном из тех двухместных авто и не знаете, не снесет ли вас следующий порыв ветра. Кто-то живет в старых автомобильных коробках, и это - их единственный дом.

В Индейском Городе очень мало пустых бутылок "Колы". У нас нет денег покупать столько шипучки, и дети первыми подбирают тару. Индейскому пьянчуге не найти столько бутылок на свою пинту пойла. Но это самая малая из его неприятностей. К напившемуся белому полиция благосклонна, его забирают в патрульный автомобиль и везут домой к его старой леди. Он может быть пьян, как филин; неважно. Я видел, как они враскачку идут из салуна, штаны пропитаны мочой, а рубашки покрыты "счастливым возвращением" - их рвотой. Я видел, как один пьяный белый мочился на улице перед большим магазином средь бела дня, а полиция подхватила его и влила в него черный кофе, чтобы он немного успокоился и нашел дорогу домой.

С напившимся индейцем все иначе. Полиции нравится играть с ним, как коту с мышью или с птенцом. Не только в Виннере, - во всех белых ковбойских городках вокруг резервации. Каждый день можно увидеть, как из магазина выходит индейская пара с мешком покупок, а полицейский в машине уже впился в них зрачками и пробует вычислить - нет ли у индейцев в мешке виски или пива. Полицейский последует за ними чуть поодаль, а за городом на границе резервации нападет и конфискует товар. Так полиция получает свободную выпивку. Вам разрешено покупать спиртное в городе, но нельзя пить его в резервации. У нас нет равного правосудия. Сезон охоты на индейцев открыт всегда.

Я чаще всего остаюсь хорошим парнем; то есть трезвым. Но порой я вдруг начинаю набирать виски ради прояснения вещей, и воистину вскоре у меня мокрые ноги. Иногда я пью всю неделю, и мне нужно два дня для выхода из запоя. Однажды, давным-давно, я не вернулся домой с Новогоднего пау-вау. Меня нашли в сугробе, откуда торчали только ноги. Тогда старую ванну заполнили снегом и засунули в нее меня, одновременно вливая мне в глотку фляжку самогона для согреву. Снег растаял, а я по-настоящему раскраснелся. Потом

меня снова зазнобило, почувствовал, как замерзли мои уши и пальцы ног. Меня отвели в дядин дом и положили на кровать. Я был так слаб, что дней десять дней только в потолок пялился. Легкие не работали, и бок сильно болел. Мой дядя был знахарем и травами поставил меня на ноги. По сей день я не могу вспомнить, как упал в тот сугроб. Наверно, я был пьяный.

В старые дни индейцам нельзя было покупать спиртное, и мы обычно пили, что придется - лишь бы был алкоголь - политуру, экстракт лимона, лак. Мы обычно прятались за зданиями, где нас не заметили бы. У нас даже не было времени насладиться выпивкой. Мы выпивали быстро, хотя с нами было все в порядке, но уже через полчаса начинались неприятности. Теперь пить разрешено. И в городах полно индейских парней и девчонок, которые болтаются от бара к бару и выпрашивают подачки - еще один глоток спиртного. Это - большая проблема. Многие из нас погибают в автомобильных катастрофах, ибо два этих изобретения белого человека - виски и автомобили - неразлучны. И драки. Они не дерутся с белыми; они дерутся друг с другом - ни за что.

Местная белая полиция любит поработать с Мистером Индейцем, едва он чуток напьется, совсем чуть-чуть. Они колотят его, ведь пьяный ничего не чувствует. Они делают из него отбивную. Иногда индеец умирает; иногда дело кончается сломанным черепом или порванным ртом. Он пьян и не может сопротивляться. Тут есть парочка малорослых полицейских, тощих, ни на что не годных, легковесов, и они пользуются своими ружьями, цепями и дубинками, чтобы отколошматить "большого грубого индейца". От этого они чувствуют себя людьми.

Как-то ночью, несколько лет назад, на меня напали слишком много таких полицейских. Я не очень-то и пьян был, чуть шатался, в дружелюбном и шутливом настроении. Но меня все равно арестовали меня с толчками и пинками. Я попробовал превратить все в шутку, но у офицера не было чувства юмора. Он зарычал как пес: "А ну-ка лезь, краснокожий сукин сын", и с размаху ударил меня дубинкой. Я развернулся и сбил его с ног; тогда ко мне подскочили двое других, и давай обрабатывать дубинками. Парочке я хорошенько вмазал, но под конец они вдвоем сбили меня, а полицейский, ударивший меня сначала, сел сверху на грудь.

У него на пальце было массивное кольцо, и он снова и снова бил им мне по лицу, пока его приятели держали меня. Я видел перед собой только большой кусок резного серебра. Похоже, он носил кольцо для таких случаев. Ну вот, полицейский разбил мне кость под глазом - вдребезги. Наконец его рука устала, и меня отпустили.

Ко мне привели доктора, и тот засуетился вокруг меня. Наверно, они волновались, что просочатся слухи об их издевательствах надо со мной. «С вами все в порядке, - сказал доктор, - только маленький ушиб. Похоже, вы упали, когда были пьяны». Я ничего не сказал. Меня оштрафовали на десять долларов и отпустили. Моя жена Ида, - пылкая женщина с характером. «Кто это сделал с тобой? - закричала она. - Кто бил тебя? Я застрелю его». Она отправилась за спрятанным старым поломанным ружьем 38 калибра, но я привел ее в чувство. Сейчас не Лилт-Биг-Хорн. "Не геройствуй", - сказал я больше себе, нежели ей.

Через неделю я поехал в Роузбад, где меня обследовал правительственный доктор. Он сказал, что у меня серьезный перелом. Это не было для меня новостью. Мое лицо было все разбито в том месте, где прошлось кольцо того полицейского. Я им так ничего не чувствует

все эти годы. Наверно, мне следовало постоять за себя, но внутренний голос говорит «нет». Те индейце-ненавистники губят себя, отправляясь в ад со сверхзвуковой скоростью. Зачем беспокоиться об одном из них?

Всякий раз при виде парня с большим серебряным кольцом щека начинает болеть, но я вспоминаю о семье, - что с ней случится, если я возьму правосудие в свои руки. Но я не забываю. Я жду, я наблюдаю. Один голос говорит мне: "Не геройствуй; это не твое. Ты - целитель, а не воитель". Но другой голос твердит: «Будь человеком!» Может, когда-нибудь старая щека снова заболит, и я сойду с ума. Вскоре я буду слишком стар, чтобы хорошенько отделать кого-нибудь, но в безумии я чувствую себя на тридцать лет моложе.

Пока наши белые братья не прибыли воспитывать нас, у нас не было тюрем. Ведь у нас не было преступников. Нельзя иметь преступников без тюрьмы. У нас не было ни замков, ни ключей, поскольку не было и воров. Если человек был так беден, что у него не было ни коня, ни типи, ни даже одеяла, кто-нибудь давал ему эти вещи. Мы были нецивилизованны и не считали ценностями личные вещи. Мы хотели владеть вещами только ради возможности их отдать. У нас не было денег, и мы не измеряли ими цену человека. У нас не было письменного закона, поверенных и политических деятелей, и мы не обманывали. Мы воистину плохо жили до прибытия белого человека, и я не понимаю, как мы обходились без базовых ценностей, которые, - твердят нам, - абсолютно необходимы для создания цивилизованного общества.

Но теперь прогресс виден повсюду - тюрьмы на каждом шагу, и мы знаем, что тюрьмы эти - для индейцев. Какая жалость, что большинство наших людей их не ценят! Это – уютные тюрьмы с большими надписями "Добро пожаловать" на стенах. А кое-где на дверях написано "Отель Разбитого Сердца". Туристы любят их фотографировать, но никогда не снимают камеры изнутри.

Когда полиция находит пьяную индеанку, они частенько забавляются, вытаскивая ее из кустов и отвозя за множество миль от ближайшего дома. Индейским девушкам еще хуже, чем парням. Кое-где полиция пользуется преимуществом, забирает их в тюрьму и насилует. Множество обвинений в пьянстве, которые они предъявляют, - подделка. Девушке не нужно напиваться, чтобы оказаться в камере, особенно хорошенькой. Полиция знает, что девочки постесняются рассказывать, да если и пожалуются, кто поверит "пьяной скво"?

Чувство юмора есть и у белых владельцев баров. Не так давно на их окнах висели надписи: "Индейцам и собакам вход воспрещен". Ныне их увидите разве что в глубинке. Я показал бы вам парочку, но официально государство и народ Южной Дакоты сегодня не делают между нами разницы; у них есть только чувство юмора. И в их барах висят надписи "Красная Сила" на канистрах пива и среди бутылок спиртного. Вот статья из нашей индейской газеты.

ИНДЕЙЦЫ УАНБЛИ НА ТРОПЕ ВОЙНЫ!

С тех пор, как белый человек впервые захватил нашу землю, мы были объектом насмешек и предубеждения. Предубеждение принимало различные облики - от прямого насилия до более тонких издевок, вроде расистских шуток и плохо скрытого презрения. Мы, народ Уанбли, против всяких форм предубеждения, ибо мы страдали и страдаем от его проявления.

Явный пример расового предубеждения - надпись "Индейская Сила" на винном прилавке в Муниципальном Баре Кадоки. Эта надпись, без сомнения, кажется очень смешной многим

владельцам баров. Мы утверждаем, она далеко не смешна, это - оскорбление и предубеждение. Воистину печально, сколько еще людей потворствует разделению людей на расы, основываясь только на своем ограниченном личном опыте. Еще больше беспокоит факт, что товарищи граждане не в состоянии помочь своим ограниченными способностями в понимании того, как мало юмора содержится в шутках такого рода.

Все больше витает настроение, когда группы меньшинств требуют воспринимать их как людей. Мы согласны с таким настроением и считаем, что вскоре обитатели Кадоки продвинутся до состояния, когда станут обращаться с их соседями, как с людьми.

Община Уанбли, Южная Дакота.

Уанбли - вы едва ли найдете его на карте. Только несколько хижин и лачуг. Белые люди назвали бы ее только очередной сельской трущобой бедноты, безграмотных индейцев. Ну вот, неплохо пишут эти неучи. Записать даже могут. Составили свое мнение «как у людей». Несколько лет назад ни один индеец слова бы не сказал по этому вопросу. Он просто пожал бы плечами, и на лице было бы написано – «А что с этим поделаешь?» Но времена меняются. Я рад увидеть это при жизни.

Алкоголизм - наша проблема, и пока есть спиртное, лучше не станет. Я частенько думал об особом воздействии спиртного на нас, индейцев. За двести лет мы так и не научились с ним обращаться. Он словно корь и другие болезни, принесенные нам белым человеком. Они болеют так же, только мы от нее умираем, а для них это обычно всего лишь пара неприятных дней.

Я вычислил несколько причин нашего пьянства. Может, не все верны; я просто размышляю. Мы называем спиртное - мни вакан, священной водой. Мне кажется, видения были важны и священны для нас из-за того, что изменение одурманенного виски ума вначале поразило нас, как религиозный опыт, греза, видение. Мы быстро напиваемся; по-прежнему очень быстро. Старые французские торговцы из Сент-Луиса были бережливыми людьми. Они не переводили добро на индейцев. Виски, которое они продавали нам за бобровые шкуры, было больше частью водой Миссури, смешанной с головами гремучих змей, порохом и кучей черного перца. Реальной же выпивки в каждой бутылке было совсем чуть-чуть, для запаха. Она была крепкой и с небольшим количеством алкоголя.

Но сегодня нельзя списывать наше пьянство на желание получить видение, нельзя же говорить, что мы надираемся виски из-за его святости, хотя я и скажу вам, что даже пьяницы с остекленевшими глазами часто открывают бутылки и проливают чуток драгоценного пойла на землю для духов ушедших, говоря: «Вот, мой ушедший дружок, и для тебя чуток» или "Раздели-ка со мной, помершая моя старушка, эту выпивку».

Есть вопрос: почему индейцы пьют? Они пьют, чтобы забыть, я думаю, забыть великие дни, когда эта земля была наша, и она была прекрасна, - без шоссе, досок объявлений, заборов и фабрик. Они пробуют забыть жалкие лачуги и ржавеющие трейлеры, которые являются их "домами". Они пробуют забыть, что с ними обращаются как с детьми, а не как с взрослыми. В новых домах О.Е.О. (?) - быстрорастворимых трущобах, как я называю их, ведь они рассыпаются еще во время строительства, - вам нельзя принимать гостей после десяти часов и родственников после полуночи. Нам даже предписывают, в какой цвет их красить и какие занавески вешать. Нам не разрешается тратить наши же деньги по своему усмотрению. И мы

пьем, ведь мы - подростки, а не люди. Мы пытаемся забыть, что даже наши огороженные резервации уже нам не принадлежат. Нам следует сдавать их в аренду белым владельцам ранчо, кто откармливают своих коров и самих себя на нашей земле. В Пайн-Ридже меньше одного процента земли, обрабатываемого индейцами.

Мы пьем, чтобы забыть о своей нищете, о жизни на подачках - восемь различных видов подачки: бывшие служащие, инвалиды, вдовы, матери с золотой звездой, поддержка старикам, помощь родителям, социальное обеспечение, ПЗД - помощь зависимым детям. Ох, уж это ПЗД! Матери получают кучу денег и выгоняют пинком мужей. «Мне он не нужен, - говорят они. – Если он останется в семье, деньги прекратятся. Нам больше нужны деньги, чем он». В моем городе так живут около сорока девчонок.

Мы пьем, чтобы забыть, что для человека нет ничего важного, никаких достойных дел, которые принесли бы ему внутреннее удовлетворение. Есть только горстка рабочих мест для нескольких тысяч людей. И все они - правительственные рабочие места, племенные или федеральные. Вам нужно стать хорошим домашним Индейцем, Дядей Томагавком, настоящим яблоком – красным снаружи, белым внутри, - чтобы получить такую работу. Вам нужно вести себя прилично, никогда возражать. Если у вас есть такая работа, вы пьете, чтобы забыть, кем она вас сделала. Если у вас нет работы, вы пьете, ибо ничего не видите впереди, разве что пара недель сбора картофеля, если повезет. Вы пьете, потому что не живете; вы только существуете. Может, для кого-то этого достаточно; но для нас - нет.

Когда индейца арестовывают за пьянство, он проводит в тюрьме тридцать дней. Так вот, едва похолодает, всегда можно найти тридцать пять или сорок индейцев в камере. Они согласны на арест, только бы согреться, поесть и выспаться на койке. Это один способ - решить "Индейскую Проблему".

Пьянчуге может быть тепло в камере, но каково его семье? Вот что самое печальное - что пьянство приносит детям. Неважно, насколько опустился мужчина, он должен продолжить заботиться о беспомощных женщинах и детях. Мы, индейцы, всегда говорим: дети - главное наше имущество, а не автомобили, дома и телевизоры. Те ничего не стоят. Но половина наших детей просто не живут так долго, чтобы вырасти.

У нас есть птица размером и формой с голубя. У нее круги по бокам головы. Она не щебечет. Всякий раз, открывая клюв, она словно пукает. Белые называют ее ночным ястребом. Мы называем ее пишко. Эта птица не вьет гнезда, не заботится о своих птенцах. Пишко кладет яйца где попало, в канаве или на шоссе. Кое-кто из пьяниц похож на нее, они забывают, что им нужно заботиться о детях, дескать, пусть те вылупляются самостоятельно. Они много говорят на людях, - большой рот, но очень мало мудрости. Но кто виноват? Кто даст им стать кем-то еще кроме того, чем они сейчас являются?

Я не пьянчуга и не пишко, но я и не святой. Знахарю нельзя быть святым. Ему надо испытать и почувствовать все подъемы и падения, отчаяние и радость, небыль и явь, храбрость и страхи своего народа. Он должен быть способен пасть ниже насекомого, клопа, или взлететь высоко как орел. Не испытав обе стороны, он не станет хорошим знахарем.

Болезнь, тюрьма, бедность, пьянство - я испытывал все это на себе. Прегрешения переворачивают мир. Неужели вы будете таким выскочкой, таким жестоким, пожелав остаться чистым, с душой в полиэтиленовом пакете. Вам нужно быть и Богом и дьяволом, обеими. Быть хорошим знахарем – это оставаться правильным посреди суматохи, не

ограждая себя от нее, это попробовать жизнь во всех ее проявлениях и не бояться своего умаления, а порой быть и дураком. Это священно.

Природа, Великий Дух - не совершенны. Мир не выдерживает такого совершенства. У Духа есть и хорошая, и плохая сторона. Иногда дурное учит меня сильнее доброго.

Юношей я бродил по стране пешком, как хиппи, спал в стогах сена или под звездами в открытой прерии. Я перепробовал пять или шесть различных церквей, работал на куче работ. Я словно был разными людьми - проповедником, сборщиком картофеля, скотником, клоуном, художником-оформителем, целителем, бутлегером, президентом индейского НСИМ (Прим. переводчика – Национальный Совет Индейской Молодежи). Я умел быть христианином и язычником, беглецом и преследователем, представлял закон и спасался от него. Я был необразован, но впитывал знание подобно губке. Все эти знания, едва усваивались, производили много шума в моем уме. Период бродяжничества и самоумаления длился с 1926 до 1935 год. Тогда я чаще бродяжничал и хипповал, но и немало тихих месяцев я провел подающим надежды целителем и знахарем.

Меня многие любили тогда. Один день - одна девчонка; на следующий - другая. Порой даже одна девчонка вечером, а вторая - ночью. Все они теперь - бабушки. Когда я сталкиваюсь с ними сегодня, в магазине или по дороге, я говорю себе: вон идет старое чучело, и с этой девчонкой я обычно занимался любовью. Теперь она называет меня старым канюком и пугает мною внуков. У них - седые волосы, а у некоторых лица сморщились как грецкий орех, или же напоминают ландшафт Бедленс. Но в воображении я все еще вижу мерцание в их глазах. Это никогда не умрет.

Нужно рассказать вам, как я однажды напился и устроил великий кутеж, больше не бывает. Я со своим приятелем достали как-то бутылку самогона. Помните этот 1930 год, дни Запрета. Питье было настолько крепким, что я задался вопросом, как оно не выбило пробку. И вот, с ним мы покончили и были иторми - очень счастливы, но искали новых ощущений, прикидывая, где раздобыть еще самогона. А я слышал, что некий бутлегер в Небраске продает самогоном за любые товары. Знал я и белого, у которого вокруг дома на ранчо валялось много мотков проволоки. Я рассказал об этом приятелю, и он заявил: "Эй, вон автомобиль без водителя. Поедем и заберем эту проволоку. Хийюпо, хопо, хока-хей!" Это был автомобиль 1929 года Модели Т, и его забывчивый владелец оставил ключ зажигания. А была пурга, настоящая дакотская снежная буря; едва было видно дорогу. Мы были не против. И дело завертелось. Мы загрузили пятнадцать мотков проволоки, когда залаяла собака. Мой приятель испугался и убежал, но я закончил работу и повез менять свой груз на самогон. Ну вот, по дороге я встретил другого дружка. Когда мы приехали в Аппер Кут Мит, этот парень сказал: "Пока еще мы дотащимся в Коди, чтобы избавиться от проволоки. Давай пока остановимся и попробуем добыть спиртное. Я знаю парня, у кого настоящее крепкое пойло".

Он повел меня к своему знакомому, белому старику, и тот спустился с ними в подвал. "Джентльмены, что угодно для вашего удовольствия?" Он снабдил нас хорошим пойлом - чистое молоко гризли и моча гремучки. Снег валил так, что мы не могли уехать сразу же и решили ненадолго остаться - за бутылкой и игрой в карты. Тот бутлегер был просто маленький старикан, такой пьяный, что не нашел бы руками свой нос. Время от времени он выходил. Но он выиграл все деньги моего друга, которых было не очень-то и много. Наконец снегопад стих, и мы поехали снова. На рассвете мы добрались до Коди в Небраске и продали проволоку за тридцать галлонов самогона.

Весь день мы наслаждались. В городке было кафе с надписью: "Леди вход разрешен, индейцам или подросткам - нет!" А мы все равно пошли в него и затеяли большую драку. Мы сбили спесь с парочки белых игроков в пульку, возражавших против нашего присутствия, и славно повеселились. Полиция прекратила это пау-вау, решив арестовать нас за "пьянство и беспорядки", но забрать не сумела. Мы как-то освободились в такую погоду по дороге в участок и вернулись к Модели Т. К тому времени мы уже жалели ее владельца и подумали, что он оценит, если мы вернем ему авто. Но нам встретилось много подпитых людей, а среди них миленькие скво, и для начала мы решили развести всех по домам. Мы возили их по всей карте, одного за другим, в Аппер Кут Мит, в Бед Нешн, в Потато Крик, в Поркупайн, в Возозо, по всем местечкам. Потом я снова взял курс на юг в Небраску. В Килгоре мы застряли из-за снегопада, оставшись вдруг с парнем, кто помог нам допить наш "вырви-глаз". Через день дорога развиднялась, и мы, проехав Валентайн, продали немного самогона в Крукстоне. Наверно, я порядком напился, ибо гонял тот автомобиль по кругу и застрял. Пробуя выехать из канавы, я разбил багажник. Ну вот, тогда мы бросили Форд. Мы пробирались в Крукстон по пояс в сугробах. Белый снег ложился волнами по течению ветра - где-то наметая сугробами, где-то обнажая землю. Вся округа была пушистой; но вести машину я еще мог. На главной улице я наткнулся на Шеврольку 1928 года с включенным из-за холода мотором, прямо перед залом в пульку. Это было сильным искушением.

Я велел приятелю принести весь самогон из брошенной Модели Т и подождать на шоссе, куда я и выехал на новом "шевроле". Я был все еще полон воодушевления. На пути в Гордон мы встретили еще одного индейца. Он потерялся в сугробах и замерз до полусмерти. Он страшно обрадовался при виде нас. Мы оживили его, но на это ушло все оставшееся спиртное. Я решил пополнить запас в Пайн-Ридже, где нам рассказали, что полиция повсюду ищет меня. Услышав это, мой приятель сказал: "Я пойду, отдохну немного", и не вернулся. Струсил из-за меня. Но тот человек, желавший уехать в Гордон, ну, которого мы оттаили, он сказал, что жаль заканчивать такую забавную поездку. Он был веселый парень, но потерял сознание. Бесполезно было ждать, когда он очнется. Он не проспался бы несколько дней.

Я искал нового товарища, а вместо этого столкнулся с племенной полицией - «Эй, Джон, ты украл Модель Т в Норрисе в Южной Дакоте. Ты под арестом». Я только посмеялся над ними. «Смотрите сами. Вот мой автомобиль - шевролька с лицензией Небраски. Парни, вы, что, не видите разницы? Сколько у нас тут полиции!» Они выглядели смущенными. Они не в силах были это обмозговать. «Да не грустите, - сказал я им. - Лучше выпейте глоток жучьего сока». Они были вынуждены разрешить мне уехать.

Я снова был один. Поездка на восток оказалась непростой. Снег был высотой в четыре фута, а дорога не шире колеи автомобиля. Я подъехал к бензоколонке в Вундед-Ни и велел служащему закрепить цепи на всех четырех колесах и заполнить бак. Он все сделал, и я попросил его принести мне еще масла. Пока парень его доставал, я врубил самую большую скорость, но меня задерживал снег. Оглянувшись сотни через две ярдов, я увидел, как человек выхватил винтовку и выстрелил в меня. Наверно, он был хорошим стрелком, ибо чуть не прикончил меня. Одна пуля свистнула мимо моего овчинного воротника, а другая прострелила шляпу, опалив прядь волос. На заднем сидении моей "шеврольки" лежала винтовка .30-.30. Я остановился и давай палить в ответ. После парочки "пиф-паф" мы остыли. И не удивительно, если учесть, что температура опустилась ниже 20 градусов (прим. переводчика – видимо, все же по Цельсию).

Я все еще держал курс на восток, и у меня оставалась пинта мни-вакан для сугрева внутренностей. Добравшись до Мартина, я оставил "шеврольку" среди тополей за городом. Я полагал, что никто не будет искать меня пешего. Наступила ночь, и я спрятался в дверном проеме. Я был в некоем тумане, но все еще отслеживал основные события. Я наблюдал, как идиоты полицейские проверяют ручки дверей автомобилей в поисках отпечатков пальцев, рыскают по кафешкам и барам. Я догадывался, кого они искали. К моему укрытию приблизилась девушка. «Винсинкала, милашка, - шепнул я. — Иди сюда». Она не испугалась ни меня, ни темноты. «Где ты?» - спросила она и выхватила скорняжный нож. Неудивительно, что она не боялась. Я попросил ее пококетничать с полицией и выяснить, что происходит. Она вернулась мгновенно. "Говорят, Джон, ты украл все их автомобили. Они озабочены и жаждут наложить на тебя лапы. Ничего себе, ты - какой-то воин, какой-то сорвиголова. Шесть машин!"

Шесть автомобилей! Я был огорошен. Я еще не знал, что какой-то другой человек развлекался в это время точно также, угоняя автомобили налево и направо. Это и сбilo с толку закон. Им шли сообщения по телеграфу и телефону о моих ограблениях на далеком севере в Холаберде, Теннисе, Грасропе, Гриндстоне, и Игл Батте в Южной Дакоте, и в то же время, по их сведениям, я неистовствовал в Хире, Черри, Валентайне и Нонпарейле в Небраске. Самое забавное состоит в том, что я ни разу не встретил того другого весельчака, хотя наши дорожки, наверно, пересекались порой. Он объехал кучу мест. И полиция, наверно, посчитала меня великим кудесником, раз я появлялся в разных местах одновременно.

А пока я прятался в дверном проеме в Мартине, болтая с симпатичной девчонкой. «Тут чересчур холодно, Джон, - сказала она. — Давай, я приглашу тебя в одно местечко, где можно согреться». Мне не нужно было много тепла. «Вырви-глаз» огнем пылал в моем желудке. Винсинкала отвела меня к бутлегеру полукровке. Тот был обнажен до пояса, так раскалена была печка в его доме. На сосках у парня было две больших татуировки; одна гласила «пиво», а другая – «вино». Я слышал об этом человеке и его старухе, у которой, по слухам, на сосках тоже были татуировки, но с другими надписями – «сладкая» и «кислая». Ее не было видно. По слухам же, этот бутлегер наострился в делах с долларом, когда был трезв. Тогда в нем брала верх природа белого. Но, напившись, он становился настоящим индейцем со щедрым сердцем. А тогда он был сильно навеселе, заложив за воротник, как говорится. Он двинулся к подвалу. «Давай-ка сам. Это мое». А потом лег на пол и захрапел. Дело было уже ночью. Ну вот, нам не нужна была его помощь. Парень, какой славный был у него самогон! Наша одежда отпотела, как горячие ключи парка Йеллостоун. Мы оставались в том доме до утра, а потом мне снова загорелось куда-нибудь пойти. Я принял галлон жучьего сока, но, видать, еще не просох и оказался в другом автомобиле, в "шеврольке" новой марки всего лишь с двадцатью пятью милями пробега. Симпатичная девчонка обняла меня на прощанье и пожелала удачи.

Я направился в Роузбад. Снег был таким глубоким, что сияющий новый автомобиль вот-вот готов был отказать. Когда я вернулся в округ Тодд, наездник на черной лошади перекрыл мне дорожку. Сквозь пургу я опознал племенного полицейского. Не успел он вытащить оружие, как я уже направил винтовку .30-.30 прямо ему в грудь и приказал бросить его правительственный особый .38. Он спорить не стал и бросил пистолет. Я сказал ему: «Держись, Дядя», и выстрелил возле ушей его лошади, он ускакал, как жирный пук на молнии. Я отъехал назад ярдов на двадцать и поднял .38.

На дальнейшем пути я встретил несколько индейцев, увязших в снегу. Они сказали мне: "Будь осторожен, тебя ищут оба штата и вся Правительственная полиция. Радио говорит, ты опасен и будешь сопротивляться аресту". Я вернулся в Парлми, где у меня было много друзей, но никто не решился подойти ко мне. И я направил следы в Кадоку. Снегопад залеплял окна, мягкий и пушистый как мыльная пена. Я поискал сигареты в бардачке, но вместо них нашел 44-й. Все окончательно перепуталось. Где-то, как-то я потерял около двенадцати часов, и ничего о них не помню. К моменту приезда в Норрис, где начался мой великий кутеж, я протрезвел – к черту! Я дал человеку новую запасную шину в обмен на пять галлонов молока гризли. А потом столкнулся с владельцем машины Модели Т, ну той, на которой я начал путь. Он, по всему, спешил пообщаться со мной, но увидев у меня в руках всю эту артиллерию, быстро переменял решение.

Потом опять все как-то стерлось. Между Норрисом и Бельведером в двух милях южнее моего тогдашнего жилья я бросил автомобиль в овраге. Я сунул два револьвера в карманы и каким-то образом оказался в своей хижине. Я был добрым и усталым. В конце концов, я тяжело трудился три дня - или их было четыре?

Меня разбудил лай собак. Я знал, - за мной пришел закон. К счастью, первой прибыла индейская полиция, люди сиу с понимающим сердцем. Они остановились за пятнадцать ярдов от хижины и окликнули: "Племянник, мы к тебе с миром. Смотри, мы бросаем наш тридцати-тридцатый". Они бросили ружья в снег прямо передо мной, и это зрелище порадовало меня. Я отыскал свои ружья и тоже бросил их на землю.

"Дяди, не надевайте на меня наручники", - попросил я. «Не положено, племянник, - ответили они. – За нами приедет белая полиция. И они начнут стрелять в тебя, если увидят со свободными руками. Но мы защитим тебя". Ну вот, я поблагодарил их. Они повели меня к дороге, и там было точно около дюжины белых представителей, которые поджидали меня с дробовиками, винтовками и пистолетами, торчавшими из их автомобилей. Еще больше патрульных машин подъезжало отовсюду, даже из Рэпид-Сити, Пирра, Чамберлена, Янктон, Уелла и Хот Спрингс. Журналисты окружили меня, фотографируя, веля повернуться так и эдак, улыбнуться. Все превратилось в настоящую похоронную процессию. На меня надели наручники, два парня шли за моей спиной, а еще двое держали за руки. Они держались со мной настороже. Я пытался разъяснить, что вовсе не такой опасный, но было заявлено о моем отчаянном характере, о том, что меня нужно тщательно стеречь.

Я оказался в резервационной кашка, в нашем отеле горя в Роузбаде. Быстренько решили, что мои преступления слишком велики, и разбирать их должен не племенной суд. Меня забрали из камеры предварительного заключения и перевезли в Дидвуд Сити в Черных Холмах, где в большом зале мне предстояло давать показания. Их записывали четыре или пять стенографисток; они даже сделали гипсовые слепки моих следов. Зачем - я не знаю. Меня привлекли к суду по Акту Дира за кражу автомобилей за государственной границей, а это было федеральным правонарушением. У них было против меня одиннадцать обвинений, но им требовалось время для разбирательства во всех фактах. В это я верил. Я оставался в Дидвуде два месяца. К тому времени мои друзья и родственники собрали деньги, чтобы выпустить меня на поруки, и я снова был на свободе.

Мне захотелось попоститься и уйти на холм ради ханблешия, поисков видения. Я оставался один в вырытой яме и думал о своих проблемах, позволяя сновидениям посетить меня. Мой дядя, сам - известный знахарь, растолковал мне видения при возвращении. Он сказал тогда: "Племянник, тебя посадят, но ты просидишь не больше года. Тебе будет трудно, но не бойся.

Во всем этом для тебя есть урок. Ты выйдешь из него цельным человеком с хорошим сердцем".

В июне мой случай наконец разобрали. Я прибыл через два дня после начала суда, и они подняли из-за этого шум. «Что вам надо? - спросил я. - Я же здесь. Но я считаю по индейскому времени. Вы вечно так торопитесь». Пока шел суд, мне платили три доллара в день, доллар на гостиницу и два на еду. Я ежедневно тратил свои два доллара в борделе, заканчивая образование. Дидвуд был тогда доступным шахтерским городом, наверно, он и теперь такой же. В нем были спортзалы и толпы необычных женщин. Сейчас он еще и туристический центр, ну, вы знаете, Уйлд Билл Хикок, Саламити Джейн и вся эта банда. Они похоронены у подножия холма, и в туристский сезон еженощно проходят театрализованные представления "Застрели Дикого Быка" в историческом старом салуне, где это и правда случилось. Дидвуд был самым правильным местом для моего суда. Это было стильно.

Суд был одним большим недоразумением. Был пьян я, когда угонял те автомобили. Были пьяны мои приятели и все, с кем я встречался. Все свидетели были пьяны. В подпитии была и часть полиции, даже владельцы угнанных нами автомобилей... Похоже, парни не садились за руль, поскольку сами тайком баловались спиртным. Наверно, было что-то такое в атмосфере во время моей веселой поездки, может, ветер Кайюзы приносил весь этот мягкий снег и заставлял каждого человека в Южной Дакоте, белого или красного, внезапно встать и сказать: "Давай выпьем!"

Свидетели противоречили друг другу и самим себе. Полиция делала то же самое. Верхом всего была постоянная путаница, - ну, меня вечно путали с Бегущей Лошадью, тем другим парнем. А во всей этой заварушке действовала еще и парочка подростков, ничего достойного упоминания, но они то и дело вдруг возникали, и никто уже не знал, кто и что делал.

Судья опустил руки. Он был на грани нервного срыва. "Пожалуйста, Вождь, - попросил он меня, - пожалуйста, признайся виновным в первом обвинении, и я откажусь от десяти других. Только слушание всего этого дела вызывает у меня одно большое похмелье. Вождь, отнесись ко мне по-хорошему, и сделаю то же самое для тебя". Это казалось достаточно честным. Я переложил все на адвоката, друга моего отца. Он и судья посоветовались, и, вернувшись, адвокат сказал мне: "Признай первое обвинение, Джон. Они просто пошлют тебя в исправительное заведение, не в полицейский участок. Что-то вроде школы - наполовину учишься, наполовину работаешь. Тебе дадут год и день. А за хорошее поведение сбросят до девяти месяцев".

Тогда я встал очень торжественно и сказал: "Я сделал то, о чем говорится в первом обвинении". Судья так обрадовался, что избавляется от меня, он так долго тряс мою руку. Судебный исполнитель США отвез меня в исправительное заведение в Чилликоте в Огайо. Первые тридцать дней меня держали на тяжелой работе. А потом стало легче - школа утром и обучающая работа днем. Мне советовали выбрать торговлю, а я выбрал оформительство. Оно имело какое-то отношение к искусству, которое всегда привлекало меня. Босс был такой же преступник по имени Нолан, он сидел уже пять лет. Он был хороший художник-оформитель и хорошо учил меня. Сперва мне дали самое сложное, - нарисовать надпись наверху огромного бункера, зерноэлеватора. Пристроившись на дощечке среди двух веревок, когда ветер швырял меня как сухой лист, я обрызгал краской всю сельскую местность. С моей высоты штат Огайо выглядел очень маленьким. Я по-прежнему - художник-оформитель от и до. Местная Палата Торговли, доски объявлений на шоссе, фасад универсама, картины на

приезжей продуктовой лавке - это все моя работа. Но, наверно, я брошу это. Эти новые современные краски полны химикалий и ядов. Вы дышите испарениями и заболеваете. Вы кашляете, они портят вам глаза. Они - просто новая форма загрязнения. Не думаю, что выдержу дольше.

Но в Чилликуте я узнал не только о торговле. Когда я попал в тюрьме, я был почти неграмотен. Я почти не говорил по-английски. Как я упомянул ранее, причиной тому было, что наша школа не поднималась выше третьего класса. Я и все мои сверстники ходили в третий класс восемь лет, делая одно и то же много раз. В результате, мы не понимали преподавателей, а они не понимали нас.

В тюрьме я ходил в школу всю неделю кроме воскресенья. Я выяснил, что хорошо понимаю математику, хотя она и казалась мне странной. Но еще больше я узнал от товарищей по заключению – времени-то для разговоров и рассказов было полно. Я научился проклятьям и всем грязным словам из трех букв. Это было большое достижение, ведь мы индейцы не умеем ругаться. Если белый человек грязно обзывал меня, в ответ я только мог зарычать медведем - хрррн, хрррн, - показывая свой гнев. Но его-то это не задевало, он не понимал. Кроме того, порывав медведем, вам следует сражаться с ножом в руке. А дело не всегда того стоило. Теперь я мог просто сказать: "Ты, паршивый сукин сын!" и позволить ему броситься на вас. Это, конечно, делало социальное общение с белыми куда легче и проще.

Выйдя из исправительного заведения, я почувствовал, как вырос. Я пробыл в нем девять месяцев. За это время младенец появляется на свет. Я сам родился вновь. Порой я задаюсь вопросом, что заставило меня устроить этот великий кутеж. Ответить проще всего: в давние дни человек добивался уважения великодушием и подарками, но у нас не осталось ничего для раздачи даров. Можно было добиться уважения, будучи знахарем. Я был знахарем, но мою религию подавляли и загоняли в подполье. С ней обращались, как с чем-то позорным - диким суеверием. Я был должен практиковать тайно, если вообще практиковать. Тогда знахарство часто смущало вас, и к нему не допускали незнакомцев.

Некогда человека почитали, как хорошего охотника и добытчика, но мы больше не могли охотиться. А приносить домой скудные правительственные пайки, нелюбимую еду, - ведь она не была для нас естественной, мы к ней так и не привыкли, - почета не доставляло. Нечто мы были воинами, нас восхваляли за храбрость. Теперь мы были никем. В прошлом человек мог родиться калеккой, неспособным делать нечто приносящее почет и восхищение, но если у него был ясный ум и вдумчивость, его уважали просто за мудрость. Но теперь наша мудрость измерялась умом белого человека, нам постоянно твердили, что мы глупы, необразованы и ни на что не годны.

Мы не хотели быть никем. Мы хотели быть кем-то. Я чувствовал себя человеком только наполовину, но все старые почетные, общепринятые пути для молодого человека добиться почта были запрещены. Они огородили не только нашу резервацию, они огородили нашу гордость. Ну вот, мне нужно было изобрести для себя новый путь создать имя и разрушить ту ограду. Я не мог жить славой моего прадеда, погибшего в сражении с генералом Майлзом. Та веселая поездка была для меня подобна военной тропе, подобно «подсчету ку».

Я был молод, и, наверно, это был ребяческий путь выражения: "Взгляните, я - человек. Я существую. Заметьте мое существование!" Ныне я старая коряга, возможно, очень мудрый и уважаемый, но по-прежнему не в силах сдержать улыбку, вспоминая великое волнение,

которое я учинил. Тогда я чувствовал себя человеком, сумевшем показать миру свое мужество. Я чувствовал, что моя жизнь важна, и у нее есть цель. Ради этого стоило пойти в тюрьму.

5. Сидя на Макушке Тэдди Рузвельта

Мы сидим на голове Тэдди Рузвельта, доставляя ему, наверно, головную боль. Если нам надоест вид с этой головы, мы переберемся и усядемся на Вашингтона, Линкольна или Джефферсона, но Тэдди - лучше всех. Его затылок оброс мхом, всюду полно деревьев и валежника, к валунам удобно прислониться спиной, а расселина окружена соснами, - отличное место для лагеря. Особенно, с тем утесом сзади, большая надпись на котором гласит "Красная Сила - Индейская Земля". Неплохо выглядит, не так ли? Вообще-то мы сидим не совсем на голове Тэдди, лысой и гладкой, а чуть ниже на полпути к Линкольну. Мы сейчас воистину выше всех этих голов. На Горе Рэшмор хорошо сидеть уже потому, что только с этого места не видны те большие лица, гигантские туристские сувениры, пепельницы, пресс-папье. Я знаю индейца санти, который вместе с друзьями несколько лет назад поднялся на гору ночью с единственной целью - спилить нос на одном из тех лиц. Он назвал это "символическим жестом". По его рассказу, они совершили настоящий подвиг. Его друзья создали человеческую цепь, чтобы он сумел подняться.

Поймите меня верно – мы не против Линкольна, Джефферсона или Вашингтона. Они подписали с нами немало хороших соглашений, и не по их вине те не соблюдались. Мы против высокомерия белого человека, его себялюбия и отрицания природы, которое заставляет его осквернять нашу священную гору своими гигантскими бледными лицами. Символично, что эта "Святыня Демократии", эти четыре лица, до подбородков завалены огромной грудой щебня, миллионами тонн разбитого, взорванного динамитом камня, которая тянется до самого центра посетителей. Если взглянуть на гору и дорогу, по которой проходит большинство туристов, видно, что эти четыре головы поднимаются из гигантской заброшенной свалки. Но никто этого не замечает.

Любопытно, что мы все поднялись сюда в общем порыве - вы, белый художник с женой, я, старый знахарь сиу, горстка индейских леди с детьми и внуками, а также толпа молодых сердитых парней из "Красной Силы". Мы все разные и поднялись по разным причинам, и у каждого – свой личный гнев. Ну вот, хороший гнев - это тоже хорошо. Он способен превратиться в любовь. Гневом мы можем делиться, как и едой.

Послушай, мой белый друг Ричард привел мне свои причины неприязни к Горе Рэшмор. Мы, индейцы, не любим ее из-за множества причин, но он привел новые доводы, которые не приходили нам в голову. Он называет эти лица одним большим походом белого эгоизма. Он говорит, что хорошее искусство создается не отбойным молотком, а художник знает, о чем говорит. Он называет подобную дисгармонию с природой плохим искусством. Да пусть даже сам Микеланджело создал этот памятник, монумент был бы не менее уродлив, ведь он торчит в этих горах, наших священных Черных Холмах, подобно раскаленной железной кочерге в глазу. Я правильно вас понял?

Ричард нашел еще одну болезнь нашего общества - думаю, вы имеете в виду белое общество, а не нас, - путать величину с величием. Мы согласны с этим, но вы сказали и нечто новое для меня. Оказывается, во всем мире только одни горы высечены подобно Рэшмору - огромные утесы в Азии. Они навечно утвердили величие Вавилона, или же египетского фараона,

попирающего людей ногами. А под ними всегда идут надписи типа: "Я, великий царь, царь царей, живой бог, я сразил пятьдесят городов там, закопав жителей живьем, и я разбил пятьдесят городов сям, заколов всех, а потом я победил еще пятьдесят поселений и сжег всех, и дабы показать вам, какой я великий парень, я велел тысяче рабов высечь это на горе".

Это навело меня на размышления. Что Гора Рэшмор означает для нас, индейцев? Выходит, большие белые лица говорят нам: "Сначала мы заключили с вами, индейцами, соглашение, отдав вам эти Черные Холмы навсегда, пока сияет солнце, в обмен на обе Дакоты, Вайоминг и Монтану. Потом мы нашли золото и забрали остаток земли, ведь мы сильнее, нас больше, чем вас, а еще у нас - ружья и винтовки, а весь ваш прогресс не создал даже стального ножа. И раз вы не захотели уйти, мы уничтожили вас, поселив выживших в резервацию. И мы забрали золото, миллиард долларов, но нам мало. Мы любим доллары и туристов, а потому превратили ваши священные Черные Холмы в один обширный Диснейленд. И сделав это все, мы высекли в горе, в жилище ваших духов, наши четыре сверкающих белых лица. Мы - завоеватели".

И больше миллиона туристов ежегодно смотрят на те лица и чувствуют себя хорошо, по-настоящему хорошо, ведь они ощущают свое величие и могущество, ведь это их народ создал такие лица, и туристы думают: "Мы, белые, и мы сделали это, мы получаем, что хотим, и ничто не остановит нас". Возможно, они не признаются в этом себе, но глубоко внутри так думают многие. И это означает завоевание. Они могли бы превратить эту гору и в огромный кавалерийский ботинок, поправший мертвого индейца.

Святыня одного человека - кладбище другого. Но теперь и белые устали вечно смотреть на большое сувенирное пресс-папье. Но ничего не изменишь. Вы превратили прекрасную гору в большое пресс-папье, но сумеете ли вы вернуть ей природную естественность? Не думаю, что вам достанет умения.

Репортер "Рapid-Сити Джойрнал" спросил меня, зачем я поднялся сюда. И я ответил, что лица президентов на Горе Рэшмор загрязнились, а я хочу водрузить посох, как алтарь, на самой вершине и сделать гору вновь священной. Тот парень явно был озадачен, долго молчал, а потом спросил: "Каково истинное значение этого посоха?" Я сказал ему: "Нижняя часть посоха окрашена черным. Это - ночь. Это - черная раскраска лица на войне. Это еще и моление людей с закрытыми глазами или в темноте. Установлением посоха я словно набрасываю одеяло на гору, и лица Президентов останутся грязными, пока соглашения о Черных Холмах не будут выполнены. Верхняя часть посоха - красная, она представляет день и солнце, красную раскраску радостных лиц. И когда правительственные обещания индейцам будут выполнены, Черные Холмы снова засияют, но это будет нескоро. А пока мы, индейцы, переименовали Гору Рэшмор в "Гору Неистойой Лошади".

"Ладно, - сказал репортер, - надеюсь, я все понял верно". Я сказал, что тоже на это надеюсь.

Так, у Ричарда появилась новая хорошая мысль. Он сказал, что нужно принять закон о помещении всех статуй выше сотни футов в брошенные горные шахты. И тогда нам не нужно будет вечно на них пялиться. Вам нужно, - платите четверть доллара и спускайтесь, глазейте на гигантские скульптуры. И все будут счастливы. Мне жаль, что такого закона не было до начала создания той махины. А может, не поздно поместить подъемник под всю эту святыню демократии - нажимаешь кнопку, и целый памятник исчезает. А раз в неделю - скажем, каждое воскресенье с девяти до одиннадцати - вы опять нажимаете кнопку, и четыре головы

поднимаются под гром музыки. Эти парни отправили астронавтов на луну, неужели они не сумеют сделать это для нас, - индейцев, художников и любителей природы.

В одном только вы не правы. Вы сказали, что уже можно расслабиться, ибо самое страшное позади; они сделали все, что могли, с Черными Холмами, в них больше не осталось места. Так я расскажу о вашем товарище белом художнике - о скульпторе. Я где-то записал его имя, вот - в заднем кармане. Мы, индейцы, так неграмотны, что не запоминаем даже простых имен. Хотя после наших-то сложных имен - Красное Облако, Хромой Олень, Галл - мы должны легко запоминать простые, цивилизованные имена белого человека. Но я не запомнил и должен посмотреть. Вот оно: М-р Корчак Зюлковский (прим. переводчика - кажется, так давалось написание его фамилии по предыдущим публикациям). Он - ученик Гудзона Борглума, строившего Гору Рэшмор. Кажется, Зюлковский и Борглум поссорились. Зюлковский не нравилось работать над такой мелочью, как Гора Рэшмор.

Он ушел и стал работать на Громовой Горе, а та почти вдвое больше Горы Рэшмор. Зюлковский называет себя другом индейцев. По его словам, он хочет что-нибудь для нас сделать. Когда белый говорит такие слова, индейцам впору бежать. И что же Зюлковский хочет делать для нас? Создать гигантскую статую Неистойой Лошади, перед которой четыре Президента будут выглядеть карликами.

Предполагается, что статуя вождя верхом на коне будет длиной около 650 футов и высотой 560 футов. А с головы будет свисать перо футов в сорок. Зюлковский сделал огромную модель своего памятника. Правда, Неистовая Лошадь и его пони выглядят не сильно индейскими. У Неистойой Лошади нет кос, и перо в его волосах напоминает воздушный клапан в шине. Рука вождя указывает вперед, словно указывая на «мужской туалет». Говорят, все люди нашей резервации поместились бы на той руке, а, может, и на одной ладони. В ту статую, вроде, даже протянут звуковой провод. Возможно, его челюсти откроются, и военный клич будет слышен даже у Сиу Фоллз. А куча щебня после такой работы переплюнет в десять раз свалку у подножия скалы Горы Рэшмор. Реклама говорит: "Гора будет высечена в виде вождя Неистойой Лошади гением скульптором Корчаком Зюлковским". Этот человек не мелочится.

Мне говорили, что этот гений зарабатывает больше 100,000 свободных от налогов зеленых лягушачьих шкурок в год за входную оплату с туристов и гипсовые модели его статуи по три доллара и выше - он свободен от налогов, ибо делает все это ради нас, бедных индейцев. Где-нибудь в статуе или под нею предполагается построить за полста миллионов долларов университет для индейцев, в большом пальце ноги или в копыте, наверно, я не совсем уверен - где. Но я абсолютно уверен, что, индейцы никогда не получают за нее никаких денег.

Идея статуи неправильна по двум причинам. Неистовая Лошадь никогда не разрешал белым рисовать его. Он не хотел, чтобы белые люди смотрели на него. Он умер в бою, но не дал белым солдатам заточить его в каменную гауптвахту. Вождя похоронили по его желанию, и никто не знает, где его могила. Идея превратить красивую дикую гору в статую - осквернение пейзажа. Это противоречит духу Неистойой Лошади.

М-р Дурачащий Ворона, один из самых уважаемых наших знахарей, говорит: "Гора противится созданию статуи. Это не хочет и дух Неистойой Лошади. Она никогда не будет закончена".

Годфри Чипс, самый молодой наш знахарь, сказал мне: "Неистовая Лошадь изначально был мирным человеком, но, увидев, как весь его народ вырезается подчистую... ну, в общем, ему была дана сила, и он начал бороться. Он был мягким, но жизнь превратила его в убийцу. В нем появилась ненависть. Он не любил белых людей, и с этим умер. И его дух сказал мне, что не хочет создания памятника Неистойой Лошади для туристов".

Другой увипи сказал: "Громовая Гора - древнее название. Оно означает, что некогда на горе жили птицы грома. Им это не понравится. Не хотят этого и наши мертвые. Статуя не нравится деревьям и животным. Все наши знахари знают это".

Создание статуи неправильно и по другой причине. Прошло время, когда белый человек решал за нас строить или не строить памятник в наших священных холмах без нашего спроса. Тридцать лет назад, в начале того творения, еще можно было найти индейцев, польщенных идеей белого гения скульптора сделать статую индейского вождя. Но эти дни закончились.

Зюлковский порой говорит, что индейцы суеверны, что у них недостает воображения понять его. Наоборот, что мы слишком хорошо понимаем его. Не понимает он. Пусть у него и добрые намерения, но он не видит, что это гигантское разрушение наших священных гор является просто новой формой расизма.

Но не волнуйтесь. Скульптор гений теряет зубы, а его статуя не особо продвигается. А еще он крайне занят, собирая платы с туристов, работая гидом, продавая гипсовые модели всевозможных размеров, разрешая смотреть в платный телескоп и взрывать динамит. Может, дух Неистойой Лошади задерживает его. Мой отец любил пари. В споре между Корчаком Зюлковским и духом Неистойой Лошади, он не поставил бы деньги на скульптора. Говорю вам, статуя останется безликой.

Почему я трачу время впустую, говоря о гигантских статуях белых? Это - форма дискриминации. Она привела нас на макушку Тэдди Рузвельта. И о ней я хочу говорить. Кое-кто из нашей индейской молодежи лепят наклейки на бамперы автомобилей: "Кастер Умер за Ваши Грехи!" - но я говорю вам, Кастер жив! Он не один, множество Кастеров одурачивают ныне индейцев. Дух Кастера - во всех туристских ловушках, оскверняющих эти горы. Он - в Истории Матери Гусыни Бук Айсленда, в Эл-Эборде, в Узкой Грани, Сценическом Поезде 1880 года, во Флинтстоунс Бед-Рок Вилладж, в Кукольном Музее, в Музее Безлошадного Вагона, в Незабываемой Забаве Дома Серьезного Семейства, в Намойте Своей Золотой Пыли, во всех фальшивых театрализованных представлениях, полное дерьмо. Кастер жив в туристах, охотниках за сувенирами, геологах, туристских спекулянтах, мошенниках и проститутках Дидвуда, покрывших эти холмы огромным муравейником.

Ну вот, я поднялся помолиться и провести церемонию водружения посоха. Сейчас я уйду за валуны петь и слушать голоса. А вы пока расспросите этих леди, Мюриэль Вайказу и Лиззи Быструю Лошадь, зачем они пришли сюда.

МЮРИЭЛ ВАЙКАЗУ и ЛИЗЗИ БЫСТРАЯ ЛОШАДЬ:

"Идея подняться на гору принадлежит женщине из Пайн-Риджа в Южной Дакоте. Сначала демонстрация прошла у подножия Овечьей Горы близ Сценика. Правительство забрало

двести тысяч акров индейской земли для испытаний бомб. Их обещали вернуть после окончания Второй Мировой, но так и не отдали. Тогда мы напечатали листовки о движении, где рассказали обо всем случившемся. И мы носили листовки от дома к дому, раздавая их, и велели индейцам, которым раздали листовки, ничего не говорить. Поэтому индейское население Рапид-Сити знало о захвате Горы Рэшмор за месяц до того, как оно произошло. Но белые люди ничего не знали о нем. Мы им просто не сказали.

Мы начали утром в понедельник, 24 августа. Нас было только три женщины. Мы думали, что подъедут еще люди, но они не приехали. Наверно, испугались. Всю дорогу сверкали молнии, но мы думали о Неистойой Лошади и знали, что он с нами. Мы очень боялись, что нас арестуют зрители. Несколько дней мы раздавали листовки туристам на стоянке автомобилей. Потом нас пришел поддержать Ли Брайтман, а за ним приехали индейские студенты. Мы становились все храбрее и храбрее, и теперь не боимся никого".

ЛИ БРАЙТМАН:

"Я - сиу с Чейенской Реки. Я горжусь своей семьей. Мой прадед был убит в Последней Битве с Кастером. Мои родичи были убиты в Вундед-Ни. Мне сорок лет, я возглавляю Индейскую Образовательную программу в университете Калифорнии. Я привел сюда группу людей. Мы поднимались ночью, и нас ослепили прожекторы на холмах. Они боялись, что мы уберем красную краску с тех лиц. Нам велели покинуть гору. Но мы сели и смеялись, ведь у них не было оружия. И что бы они с нами сделали? В ответ на их приказ мы только встали и разбились на группы. Кое у кого из зрителей были ружья. Мы скрывались всю ночь, а утром поднялись на пик и развернули наш флаг Силы Индейцев Сиу. Мы решили оставаться все лето, теперь уже октябрь, а мы – по-прежнему здесь. Индейцы общины приносят нам еду и воду.

Вот причины, по которым мы вторглись на Гору Рэшмор. Федеральное правительство забрало у нас двести тысяч акров для строительства военного полигона. Они не вернули ее, как обещали. Мы ждали двадцать шесть лет. А теперь Министр Внутренних дел сделал заявление, что собирается превратить ее в национальный парк. Это - нарушение чертова соглашения, которое они заключили с нами.

Мы разрываем его, и собираем изменить тяжелое положение Черных Холмов. В 1868 году было заключено соглашение, по которому эта земля будет принадлежать нам, пока сияет солнце и растет трава. И договор не считался дерьмовым. А спустя шесть лет Кастер нашел золото. И нашу землю сразу же отобрали, не заплатив за нее до сих пор. Они забрали миллиарды долларов, не дав нам ничего взамен. А это - лес, железо, уран, известь. Еще они делают миллионы на торговле от туристов - "Приходите в Индейский Край", - а мы не получаем возмещения. Эта земля священна для нас, а что делают они? Они и дальше оскверняют ее лицами четырех белых людей.

И еще мы хотим воспротивиться другому виду дискриминации. Моя организация, Объединенные Коренные Американцы, проводила обзор по дискриминации в Соединенных Штатах, мы создавали список о состоянии расистских настроений в разных штатах. Так Южная Дакота - самый расистский штат для индейцев, а Рапид-Сити - самый плохой город в Южной Дакоте. И вот поэтому мы забрали гору.

Вот - наши требования. Мы хотим оплату за Черные Холмы, за все добытые полезные ископаемые и срубленный лес. Мы хотим вернуть наши священные горы. Чейенны, вероятно,

захотят вернуть свою святыню Бир Батт. Еще здесь продаются сувенирные открытки с нашими погибшими в Вундед-Ни, где Седьмой Кавалерийский вырезал двести пятьдесят индейских женщин и детей. Солдат наградили тридцатью двумя Почетными Медалями Конгресса за ту резню. Вот что самое жуткое. Мы требуем, чтобы они немедленно убрали эти непристойные открытки. Еще мы требуем позволить индейцам продавать предметы своего искусства и ремесел на своей же земле. Ныне белые концессионеры продают "подлинную бисерную работу индейцев" из Гонконга - все это дерьмо. И мы хотим нанять побольше индейских смотрителей леса. У них пропадает впустую большой амфитеатр, так отдайте его нам, чтобы наш народ приходил и устраивал свои театрализованные представления.

Мы слишком давно продали нашу землю белым, и не намерены остаться ни с чем. Комитет по эрозии почвы сделал доклад, где говорится, что половина индейских земель разрушается сильно или критически, а вторая половина - в начале процесса. Пятьдесят шесть миллионов акров индейской земли подвержены эрозии. Лично я первым делом запретил бы, черт возьми, арендовать или покупать нашу землю белым. Уже сейчас заключаются арендные договоры на нашу землю на сто лет. Большинство индейцев окажутся рабами на своей же земле. Около девяноста процентов резервации Пайн-Ридж сдано в аренду белым владельцам ранчо и фермерам, и арендные договоры возобновятся через сто лет.

Часть аренды и продажи проводят люди, называющие себя индейцами, ведь множество наших племенных лидеров лживы и позволяют такие вещи. Думаю, скоро появится новый индеец. Молодой индеец, неистовый, с отвращением ниспровергающий все их планы. Появятся люди, кто, как и я, устали от племенных лидеров и белых политиканов, эксплуатирующих нас. И к нам присоединяться старики. Они долго были сбиты с толку. Они привыкли принимать свою участь, были приучены к нищете. Но они узнают, что это – сплошное бычье дерьмо.

Трудно высказываться в резервации, ведь Бюро по Делах Индейцев сразу уволит тебя. Юноша и высказался бы, но его отец работает на БДИ и заткнет парню рот, едва тот его откроет. БДИ управляет индейцами, запугивая их и шантажируя. Если вы встаете на защиту своего народа, у вас и ваших родственников возникают проблемы. Если Вы работаете на БДИ, вас просто переведут в другую резервацию. Старое чертово "разделяй и властвуй".

И белые боссы суперинтенданты. В Бемиджи в Миннесоте один суперинтендант порядком напортачил, его долго проверяли и наконец избавились. Но БДИ перевело его из Миннесоты в Южную Дакоту, они спихнули его сиу, этого некомпетентного ублюдка. Его еще и в должности повысили. Так они передвигают своих некомпетентных людей. Если так рассудить, раз вы достаточно некомпетентны, то закончите Представителем по Делах Индейцев.

Меня это так бесит, что я кричать готов. Но я хочу прояснить. У меня нет ненависти к белым, я просто ненавижу то, что белые люди сделали с нами. На гору намерены подняться индейские дети, а старики раздуваются гордостью, видя, как мы отбираем памятник у самого сильного правительства в мире, отбираем эту гору и переименовываем ее. Доверьте нам управлять своими делами, своей судьбой, дайте право быть самими собой - вот за что мы боремся. Я думаю, очень скоро придет время, когда индейцы соберутся и заберут это право. Мы просто устали от людей, которые твердят нам, что делать и как делать. Вот почему мы здесь".

Ну вот, я попел и вышел из-за скалы. Знаете, Ли Брайтман здорово напугал наших стариков, используя все эти сильные слова публично, "бычье дерьмо" и т.п. Они привыкли говорить их только между собой. Но я думаю, это очень поучительно. Когда старая индейская леди встает и говорит "бычье дерьмо" громко и ясно чиновнику БДИ, или же публично обращается к системе, дела никогда не пойдут по-прежнему. Они уже начаты. Посмотрите на Лиззи Быструю Лошадь, эта бабушка поднимается на гору день за днем.

И это неплохо. Знаете, почему? Совсем недавно индейские женщины вообще не участвовали ни в чем таком. Может, студентки большого университета, но не наши местные леди. Да и такая старая коряга, как я, я сам не принял бы участия. Я сказал бы себе: "Ты - знахарь, занимайся духовным, не вмешивайся в политику". Но когда мы услышали о Горе Рэшмор, вы посмотрели на меня, я посмотрел на вас, и мы сказали вместе: "Мы встанем на ней!"

И еще, год назад большинство молодежи и не задумалось бы о старом знахаре. Какую роль он сыграет в их борьбе? Теперь все изменилось. Молодые, образованные индейцы пришли ко мне и сказали: "Расскажите нам о старых путях, о священной трубке; мы хотим стать больше индейцами". И, пойдя на гору, они попросили меня водрузить на ней священный посох и провести церемонию. Все мы, старики и молодежь, мужчины и женщины, большая толпа индейцев и вы с женой, а с нами та белокурая синеглазая девушка - никто из нас не останется прежним, когда мы спустимся. Эта гора изменит нас.

Как она изменит меня? Думаю, сначала я предъявлю иск городу Виннер за дискриминацию. Это будет нечто новое для меня. Я думал и так и эдак, а теперь так и сделаю. События в нашем городке Виннер – вот еще почему я пришел на гору. Есть два города. Наверху белый Виннер – асфальт на улицах, тротуары, пожарные насосы, уличные фонари, водопровод, чистые туалеты и все их службы.

И внизу на дне - другой Виннер, Индейский Город с примерно восьмьюдесятью семьями сиу, как вы назвали бы "коренные кварталы". Ни асфальта, ни фонарей, пожарных насосов или туалетов. Мы - примитивные аборигены, как говорится. Нам все это не нужно; нам сгодятся надворные постройки. Всем это известно. В Индейском Городе живет и несколько белых семей. Они столь же бедны, как и мы, может, еще беднее. И за это преступление с ними обращаются как с индейцами - белыми индейцами.

Даже дождь в Виннере расистский. Он сбегает по асфальту красивых белых улиц, затопляя коренные кварталы, и Мистер Индеец по задницу в грязи пробирается от своей лачуги к уборной во дворе.

У нас не просто два города; у нас еще и два закона - один для белых, другой для индейцев. Я прожил в Виннере около двадцати лет, и время от времени, как и любого другого плохого парня, меня бросали в тюрьму за «пьянство и беспорядки». Иногда я просто посещаю ее. Так или иначе, я хорошо знаю ту тюрьму. Мистера Индейца внезапно бросают в нее, а судят уже на утро. Вы входите в небольшой офис с судьей один, он зачитывает жалобу и сообщает Мистеру Индейцу: "Если Вы признаете себя виновным, с вами закончат прямо сейчас, но если Вы признаете себя невиновным, вы получите поручителя, а пока вас не взяли на поруки, вы останетесь здесь на две недели. Так, почему бы вам не облегчить участь и не признать

себя виновным - пятнадцать дней и десять долларов штрафа". И Мистер Индеец признает себя виновным, ведь он может остаться в тюрьме навсегда, ибо не в состоянии внести залог.

Однажды я видел такого Индейца - он шел домой, трезвый как судья. Полицейский остановился прямо перед ним: "Лезь в машину!" Индеец говорит: "Я не пьян", но ему велят снова: "Лезь!" И давай обрабатывать дубинками, а затем бросили его в кутузку. Я не знаю, что они имеют против него. Может, он мысленно жаловался и протестовал. С ним так обращаются, чтобы запугать не только его, но и нас. Никто в городе не говорит о дискриминации открыто, ибо все знают, что полиция будет за ними следить.

Но самое двуличное правосудие проявляется в случае убийства. За убийство белого ювелира индейский парень Белый Ястреб был приговорен к смерти. Позже приговор был изменен на пожизненное заключение, но все мы знаем, что Белый Ястреб был не в себе, когда это сделал. Таков приговор за убийство белого - смерть.

Приговор за убийство краснокожего - иной. Семнадцатилетний белый парень убил индейского отца пятидесяти лет, выстрелив семь раз из своего Герман Лугера, и отделался двумя годами. Белый из Уайт Ривер убил индейского подростка из Мурдо, а получил месяц тюрьмы и сотню долларов штрафа за нападение и побои. Было сказано, что его нельзя обвинить в убийстве, ведь он попросту женился на главном свидетеле убийства, молодой индейке, видевшей преступление.

Богатый белый владелец ранчо застрелил молодого индейца, очень тихого и застенчивого парня, завсегдатая церкви. Белый человек был вооружен, индеец - нет. У нас нет свидетелей, но владелец ранчо признался в убийстве того индейского юноши. Прошло две недели, а белого даже не арестовали. Суд же оправдал его. Возможное оправдание убийства - так они это называли. Мы помним это.

Я вижу восход солнца, оно красное - настоящее солнце Индейской силы. Мы хорошо провели эту ночь, беседуя друг с другом на макушке Тэдди Рузвельта. Настало время установить священный посох на вершине. Где? Вы хотите, чтобы я поднялся туда? В ту узкую расщелину? Сниму-ка я лучше свои ковбойские ботинки с высокими каблуками. Но мои носки скользят - нет, так не лучше. Что вы делаете? Нам нужно, чтобы вы с камерой поднялись. Ох, не думаю, что вы сумеете так же хорошо. После рассказа обо всех ваших подъемах в горах Австрии. Но тогда вы были худее. Трещина узкая, а вы чересчур раздались в талии нынче. Кажется, это называется "цыпленок табака". Попробуем еще. Дайте мне отдышаться, да и вы тоже, брат, - нам следовало бы лет на двадцать быть моложе для таких чокнутых вылазок. Ну вот, я помолюсь со своей трубкой мира. А это - мой священный посох с привязанным пером, посох старого знахаря. Пусть кто-то из юношей установит его в расщелине скалы. Возьмите топор и всейте поглубже. Вот и развевается вновь орлиное перо над Паха Сапа, священными Черными Холмами. Когда-нибудь они снова станут нашими.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В августе 1971, где-то через полгода после совместного написания этой главы, Джон и я с семьями разбили общий лагерь в Черных Холмах. И под влиянием минуты мы решили спуститься к Корчаку Зюлковскому. Все выглядело, как мы примерно и ожидали - проложенная дорога, пункт сбора пошлины за въезд в виде двух долларов с автомобиля, гигантская парковка, а за ней поднималась огромная гора, на которой не было еще и признака

начала статуи. Ровная вершина и куча туннелей в граните – только это Зюлковский и сделал за двадцать четыре года своей борьбы с горой.

Его дом-студия - кроличья нора, пятьдесят семь комнат облицованы сосной, а над всем доминирует обширный зал из дерева, Великая Центральная Станция Равнин, где туристы сидят за буфетной стойкой и жуют пирожки с бизоньим мясом, или же покупают в сувенирной лавке сиропные точные копии Монумена Неистойой Лошади. Дочери скульптора водили скучающую толпу по выставкам и достопримечательностям под рев громкоговорителей. Наконец нас провели в самые недра улья в удобную студийку, где шум толпы стих до слабого гула: Святая Святых Корчака.

Наверно, ошибочно - встречаться с человеком, когда вы уже раскритиковали его. Дело в том, что и Джон, и я полюбили Корчака с первого взгляда. Он был космат как медведь, с большой неопрятной бородой. Рукава выцветшего на солнце жакете "Леви" просто лопались по шву, когда хозяин размахивал обнаженными руками, - так поприветствовал бы нас гризли.

Мы признались, что писали плохое про его памятник, и по какой причине. Он только усмехнулся и поставил бутылку вполне приемлемого французского вина передо мной и бутылку хорошего виски перед Джоном. Он охотно согласился с парочкой наших доводов. Он тоже считал, что цельная гора лучше выглядит. Он сожалел, что мало встречается теперь с индейцами. Он отверг свою туристскую фабрику и сиропные копии Неистойой Лошади непристойным жестом.

Но Корчак никоим образом не примирился. Он делал свое дело и любил его. У него была эго-мания и гордость. Он признал получение около 200,000 долларов ежегодно за входную плату, но указал, что почти все деньги возвращаются в проект. Он рассказал нам о своих врагах среди местных белых, которым не нравится памятник Индейскому Вождю. Он показал на заряженные ружья вокруг: "Я даже научил свою жену стрелять".

Он признал, что ныне индейцы охладели к его проекту, но показал письмо от вождя сиу Генри Стоящего Медведя, где говорилось: "Пожалуйста, воссоздайте нас в горе, покажите белому человеку, что и у красного человека были великие герои". Это письмо, по словам Корчака, и привело в движение весь проект. Он говорил об Индейском центре с больницей, университетом и музеем за пятьдесят миллионов долларов, который появится в результате его работы. Он казался очень искренним в этом, хотя, может, просто его дурачили.

Ему было шестьдесят три года, а он создал только несколько больших дыр. И мы спросили его, когда он думает закончить памятник. «Кое-кто говорит, что я не закончу, - сказал он. - Так вот, пусть отправляются к черту. Это не стоило им ни гивенника". И он поразил нас странным философским замечанием: "Знаете, если русские или китайцы когда-нибудь завоюют эту страну, они разнесут Гору Рэшмор по кусочкам, оставят же они только мой Монумент Неистойой Лошади; и он затмит пирамиды Египта".

Корчак был хорошим и интересным хозяином, мы беседовали далеко за полночь, присоединившись к его любимой песне:

Будь у меня бизоньи шары,
И бизоний шип,
Я стоял бы на вершине Горы Неистойой Лошади,

И мочился на ублюдков внизу.

Вернувшись в лагерь, мы с Джоном согласились, что нам по-прежнему не нравится проект Корчака, но человек Корчак нам очень понравился.

6. Круг и Квадрат

Что Вы видите, друг мой? Просто старый котелок, черный, в саже, с вмятинами.

Он стоит на старой деревянной печке, вода кипит и подбрасывает крышку, когда белый пар поднимается к потолку. В горшке - кипяток, мясо с косточки и жиром, картошка.

Что говорит нам этот старый котелок, наверно, вы и не задумывались об этом. Разве что аромат отличного супа напоминает вам, что вы голодны. Может, вы переживаете, что в нем тушится собачатина. Не волнуйтесь. Это обычная говядина, а не жирный щенок для особой церемонии. Стандартная ежедневная пища.

Но я - индеец. Я размышляю об обыденных вещах, вроде такого котелка. Кипяток - олицетворение дождевой тучи, и представляет небо. Огонь – это солнце, согревающее нас - людей, зверей, деревья. Мясо нам дают четвероногие братья животные, отдавая себя, чтобы мы жили. Пар - живое дыхание. Он был водой; а теперь поднимается к небу и снова становится тучей. Все это священо. Глядя на котелок с добрым супом, я думаю, как просто Вакан Танка заботится обо мне. Мы, сиу, немало размышляем об обыденном, для нас оно смешано с духовным. Мы видим в окружающем мире много символов, которые учат нас смыслу жизни. У нас есть поговорка, - белый видит мало, ибо смотрит только глазами. Мы видим многое, чего вы уже не замечаете. Вы заметили бы это, только пожелай, но вы так заняты. И индейцы живут в мире символов и образов, где духовное и обыденное едины. Для вас символы - только слова, сказанные или записанные в книге. Для нас они - часть природы, часть нас самих - земли, солнца, ветра и дождя, камней, деревьев, зверей, даже маленьких насекомых вроде муравьев и кузнечиков. Мы пытаемся понять их не головой, а сердцем. Нам достаточно намека, что понять смысл.

Вам это кажется обыденным, а для нас оно - символично и невиданно. Забавно, ведь у нас нет даже слова «символика», но все просто обернуто ею. У вас есть слово, и только.

Посмотрите на этот пояс. Его сделала моя бабушка. Вы называете его красивым, и ваши слова мне нравятся, ибо я хочу дать его Вам. Но он не просто красив; он рассказывает историю. Вы видите только геометрический узор из бусинок - линии, треугольники и ромбы, - но они рассказывают о делах моего деда. Этот ромб

(рисунок)

означает перо, которое дается воину после деяния, храброго поступка, вроде «удара ку». Эти прямоугольники без одной стороны

(рисунок)

представляют следы лошади. Они говорят о пони, захваченных у врага. Этот образ

(рисунок)

означает лошадь, убитую в битве, а ее всадника спас мой дед. Два треугольника
(рисунок)
это - стрелы, выпущенные во врага. Этот пояс говорит о битве.

Женщина, выражая свою любовь к природе, создавала другой пояс. Эти линии
(рисунок)
тропки, по которым она гуляла. Вот задетые ею листья.
(рисунок)
Это
(рисунок)
прелестная бабочка, присевшая ей на плечо. Эти ступеньки
(рисунок)
далекая гора. А вот
(рисунок)
тучи, вот три порывы ветра:
(рисунок)

Этот пояс рассказывает, как молодая женщина, гуляя, попала в грозу, промокла и поспешила домой, где и начала вышивать этот пояс. Другая девушка делала пояс своему возлюбленному, вкладывая в работу самое тайное и сокровенное. И юноша понял бы ее.

Абстрактные узоры – обычно женская работа. Мужчины рисуют фигуры людей и животных реалистично, но и в рисунке и в человеке - много скрытого смысла. Возьмите этот пейзаж. Его нарисовал мой друг. Вы видите только два круглых холма на фоне неба, прерию, темную долину с кустарником, расселину, ручей. Ну вот, это вовсе не пейзаж. Это - тело женщины. Холмы - ее груди, равнина с мягкой травой - ее живот, а та долина с ручьем - ее виньян шан, ее женская часть. Мой друг рисовал не ради вашей ухмылки. Он видел тело своей женщины прекрасным пейзажем. Художник не мог пропустить долину с расселиной, ведь она - главная часть ее женственности, ее священная суть. Она означает любовь и рождение ребенка. Думаю, это - красивая картина.

Символика помогала нам "писать" без алфавита. С помощью символов мы передавали даже абстрактные мысли, и все их понимали. Две руки, открытые и протянутые друг другу
(рисунок)
наш знак мира. Человек с трубкой мира
(рисунок)
означает молящегося.
(рисунок)
Вот знахарь. Его глаза закрыты; у него видение, внутреннее зрение. Извилистые линии над головой, - духовная сила, нисходящая на него. А вот человек окружен пунктиром.
(рисунок)
Он испуган, окружающее наступает на него.

Знаете, меня всегда смешит, когда я слышу, как белые подростки они называют некоторых людей "квадратными" или "прямолинейными" - стариков, убежденных умом и сердцем в своем образе жизни. Для этого даже стариться не надо. Быть "прямолинейным стариком" можно и в восемнадцать. Так или иначе, индеец назвал бы их также. Мы, индейцы, считаем себя кругом, обручем. Природе нравится округленность. У тел людей и животных нет углов. Для нас круг означает близость людей, собравшихся вокруг походного костра, родственников

и друзей, объединенных в мире, когда трубка проходит из руки в руки. Это лагерный круг, где каждое типи стоит на своем месте. И в круглом типи люди сидят кругом. Все семьи в поселке были кругами в одном большом кругу, частями большего обруча, семи походных костров сиу, представляющих один народ. Народ был только частью вселенной, в самом круговороте круглой земли, круглого солнца и круглых звезд. Луна, горизонт, радуга - кружатся в кругах кругов, без начала и конца.

Для нас это красиво и уместно, символ и реальность одновременно, выражение гармонии жизни и природы. Наш круг бесконечен и текуч; новая жизнь, исходящая из смерти - жизнь, торжествующая над смертью.

Символ белого человека - квадрат. У него квадратные дома, здания офиса, где стенки разделяют людей. Квадратная дверь, запертая для незнакомцев, квадратные долларовые банкноты и тюрьмы. Квадратные устройства белого человека, - коробки, коробки, коробки и снова коробки, - телевизоры, радио, стиральные машины, компьютеры, автомобили. У всего есть углы и острые грани, - чтобы указывать на время, время белого человека с его условленными встречами, часовыми стрелками и часами пик. Вот что углы означают для меня. Вы становитесь заключенным во всех этих коробках.

Все больше белой молодежи хотят перестать быть "прямолинейными" и "квадратными", и пытаются стать круглыми, присоединиться к нашему кругу. Это хорошо.

С рождения до самой смерти индейцы окутаны символами как одеялом. Колыбель индейского ребенка покрыта узорами, которые обеспечивают ему счастливую, здоровую жизнь. На мокасинах мертвых подошвы вышиты бисером, чтобы облегчить путь в будущем. По той же причине у большинства наших людей на запястьях есть татуировки; они не похожи на татуировки ваших моряков - кинжалы, сердца и голые девчонки. Нет, только имя, пара букв или знаков. Совиная Женщина, которая сторожит дорогу к жилищу духа, смотрит на эти татуировки и пропускает нас. Они - словно паспорт. Многие индейцы считают отсутствие таких знаков на теле верной приметой того, что Женщина Дух не пропустит вас, а сбросит на утес. И вы будете бесконечно бродить по земле ванаги, призраком. Вы сможете только пугать людей свистом. Может, и неплохо быть ванаги. Наверно, даже забавно. Не знаю. Но, как видите, на моих руках есть татуировка.

Ежедневно в своей жизни вижу я символы в формах корней или ветвей. Я читаю послания камней. На них я особо обращаю внимание, ведь я - увипи, это - моя работа. Но не я один. Так делают многие индейцы.

Иньян - камни - священны. Каждому человеку нужен в помощь камень. Для доброго знахарства есть два рода булыжников. Один - белый - подобен льду. Другой похож на обычный камень, но вы узнаете его по необычной форме и подберете. Вы просите у камней помощи в поиске пропавших или потерянных вещей. Камни могут предупредить о враге, о приближении неудачи. Ветра символизируют ворон и черный камешек размером с яйцо.

Иньян-ша - красный трубочный камень - возможно, самый священный из всех камней, его красный цвет означает саму кровь жизни наших людей.

В старые дни у нас было много валунов, мы раскрашивали их, покрывали перьями или шалфеем, обращались к ним с молитвой и использовали как алтарь. Иногда такому валуну приносили в жертву собаку. На север отсюда, в Монтане, около города Басби есть огромный

камень, названный Скала Шаманского Оленя. Он высок словно дом, а, поднявшись на его вершину, вы увидите, что она полностью покрыта изображениями людей и животных, или же абстрактными узорами - завитками, спиралями и зигзагами. Одна нарисованы, другие выбиты в скале. Слои этих изображений накладываются друг на друга, ведь поколения за поколениями индейцы оставляли свои рисунки на том камне.

Как раз перед сражением Литл-Биг-Хорн сиу и чейенны провели пляску солнца у Скалы Шаманского Оленя, и Сидящий Бык, пожертвовав сотнями кусочков своей плоти с обеих рук, получил видение: "Много белых солдат отступят в лагерь", - предсказание поражения Кастера.

Всякий раз, попадая в Монтану, я стараюсь помолиться у той скалы. Она стоит кораблем посреди земли владельца коровьего ранчо. Он - неплохой человек, тот владелец ранчо. Он открывает нам ворота и машет из-за забора. Думаю, его удивляет, когда к нему врывается грузовик, полный чокнутых индейцев.

Камень - классический образчик нашего мира символов. Он круглый и бесконечный. Бесконечна и его сила. Все круглые вещи родственны друг другу, как вагмуха - тыква, священная погремушка с 405 камешками, собранными с муравейников.

Ничто - мало и незначительно, но у него есть дух, данный Вакан Танкой. Тункан - вы назвали бы божество камня, но и он - часть Великого Духа. Божества - другие сущности, но все они объединены в Вакан Танка. Это трудно понять - что-то вроде Святой Троицы. Вам не понять этого, пока вы не вернетесь к идее "кругов в кругах". Дух заключен в камнях, деревьях, даже крошечных насекомых, его вечное присутствие делает их вакан. И в свою очередь все они, несметным количеством составляя вселенную, текут назад к их источнику, объединенному в одном Духе Прародителе.

Тункан – каменное божество, самый старый дух, считаем мы, ведь он тверже всех. Он представляет создание, знаете, подобно мужской части. Твердый, вертикальный, пронзающий, - как создаваемые из него в древности копье и наконечники стрел.

Иньян Васичу Вакан - Святой Белый Человек С Камнями - так мы вызываем Моисея. Он обращается к нам. Он восходит в полном одиночестве на вершину своей горы словно индеец в поисках видения, - в полном одиночестве со своим Богом, и Тот говорит с ним с помощью огня, кустарника и камней. Моисей, возвращаясь с холма, приносит каменные выбитые скрижали - он стал бы хорошим индейским знахарем.

Тункан, каменный дух; Вакинъян, дух грома; Такусканска, дух движения; Унктеши, водный дух – все они вакан: таинственны, замечательны, непостижимы, священны. Они все - часть Великой Тайны. Наши четыре великих сверхъестественных силы, принесенные нам иной символикой - магией чисел, которую мы разделяем с многими другими народами.

Четыре - наиболее вакан, наиболее священное число. Четыре означает Татуйе Тора - четыре четверти земли. Один из его главных символов - Умане – похож на:

(рисунок)

Он означает неиспользованную земную силу. Я хочу сказать, что Великий Дух вкладывает огромное, невообразимое количество силы во все - в гальку, в муравьев, листьев, порывы ветра – что пожелаете. Много неисчерпанной силы остается в его даре, и нужно мудро и умеренно использовать данную нам ее часть.

Эта сила символизирована Умане. Прежде люди создавали в типи алтарь Умане из насыпанной земли только в крайних случаях. Он был настолько вакан, что нельзя было коснуться его или даже провести над ним рукой.

Даже сегодня мы насыпаем для наших церемоний увипи земляные алтари, украшенные связками табака и флажками.

Четыре - священное число - означает и четыре ветра, чей символ - крест.

В Знахарской Сумке Великой Тайны лежали четыре символа, каждый - из четырех разных предметов. Унктеши, водный дух, создал землю и людей на ней. Все берет начало в воде. Унктеши дал нам этот Мешок Тайн. И лебединый пух в нем представлял всех домашних птиц, а клочок бизоньей шерсти символизировал четвероногих животных, трава означала все целебные травы, кору и корни - деревья. Связка содержала четыре вида шкурок птиц, четыре вида меха животных, четыре вида растений, четыре вида скал и камней.

Четыре вещи создают вселенную: земля, воздух, вода, огонь.

У сиу говорится о четырех достоинствах, какими мужчина должен обладать: храбрость, великодушие, выносливость, мудрость. Для женщины это - храбрость, великодушие, правдивость и деторождение.

Мы, сиу, делаем все четырежды: четыре затяжки при раскуривании трубки мира. Приверженцы Туземной Американской Церкви берут четырежды по четыре ложки пейотля во время ночной молитвы. Мы четырежды льем воду на горячие камни в потельне. Четыре ночи мы ищем видение во время ханблешия. Четыре дня и ночи перед важной церемонией мужчины воздерживаются от общества женщин. Женщины, в свой черед, уходят из мужского лагеря на четыре дня, когда они - иснати - менструируют – или же после рождения ребенка. По крайней мере, в давние времена было так.

Семь – тоже священное число, оно представляет семь кругов походного костра Народа Сиу, семь священных обрядов, семь групп тетон-сиу, но четыре - самое вакан. Мы ставим четыре цветных флажка на всех наших церемониях, и они напоминают мне о символике и силе цветов.

Черный представляет запад; красный - север; желтый - восток; белый - юг. Черный - ночь, темнота, тайна, закатившееся солнце. Красный - земля, камень трубки, кровь людей. Желтый - солнце, которое поднимается на восток и освещает мир. Белый - снег. Белый - яркий свет солнца в зените.

Красный, белый, черный, желтый - это истинные цвета. Они дают нам четыре направления; вы сказали бы даже - путь нашим молитвам. Еще одна причина, по которой мы так очарованы этими цветами: они означают единство человека - черную расу, алую расу, желтую расу, белую расу, наших братьев и сестер.

Слова - тоже символы, они дают великую мощь, особенно имена. Не Чарльз, Дик и Джордж. В них мало силы. Но Красное Облако, Черный Лось, Вихрь, Две Луны, Хромой Олень - эти имена сродни Великому Духу. Каждое индейское имя обладает своей историей, видением, поиском грез. Мы получаем великие дары от источника имени; они связывают нас с природой, со звериными народами. Они дают силу. Вы опираетесь на имя и получаете от него силу. У вас есть свое имя, оно только ваше - не Дик, Джордж, Чарльз и тому подобное.

У каждого индейского имени - своя история, и посторонние не знают ее, пока им не объяснят. Возьмите нашего известного вождя - Человек-Пугающий-Своей-Лошадью. Забавно звучит на английском. Пугающий Человек некогда вел воинов на битву с врагом, и тот бежал перед ним. Знахари хотели почтить его и подарили ему имя, которое означает: Он настолько храбр, что враги пугаются и бегут при виде даже его лошади, пусть он сам и пеший. Это - сильное имя. И соответствует хозяину.

Помимо обычных имен у сиу было и тайное, второе имя, которое никогда не произносили громко. Оно было нашей удачей, именем долгой жизни. Порой тайное имя давали ребенку дед или знахарь, но лучше было пойти за ним к винкте.

Винкте были мужчинами, которые одевались по-женски, напоминали женщин и действовали как женщины. Они делали так по своему желанию, или подчиняясь грезе. Они не были похожи на других мужчин, но их создал винкте Великий Дух, и мы принимали их такими. Считалось, они обладали даром пророчества, и по поверью тайное имя, данное ребенку винкте, было особенно мощным и действенным. В прежние дни отец отдавал винкте за такое имя прекрасную лошадь.

Для белого человека символы – просто нечто приятное, о чем можно поразмышлять, поиграть в уме. Для нас они - намного, намного большее. Жизнь для нас - символ необходимости жизни. Вы видите, как я рассыпаю красную землю на полу. Я разглаживаю ее сначала ладонью, потом - пером орла. Я рисую пальцем бесконечный круг. Человеческая фигура - часть этого круга. Это - я. И это - дух. Из головы торчат четыре рожка, означающие четыре ветра. Они разветвлены на концах, раздваиваясь на хорошую и плохую часть. Плохую часть можно использовать для убийства кого-либо. Посмотрите снова на бесконечный круг, и вы увидите еще и половинку луны. Я делаю большим пальцем двадцать четыре точки вокруг круга. Они представляют двадцать четырех новых знахаря, кого, как мне сказывали, я буду должен посвятить. Восемнадцать я уже посвятил. Мудрая старуха сказала мне как-то, что я умру после посвящения последнего. И вы видите, я не тороплюсь сделать (рисунок)

это. Хорошенько рассмотрите мой рисунок на земле. Такой духовный рисунок человеку нужно обдумывать.

Двадцать четыре точки представляют и четыре направления вселенной, четыре точки - для севера, востока, запада, юга, небес и земли под нами. Я направляю свою трубку мира на все четыре стороны. И вот мы - наедине с вселенной, со всем живущим, мы связаны с бесконечным кругом. Это означает: мы были здесь задолго до прибытия первого белого, мы - здесь и ныне, мы будем здесь и в конце времени - Индейского Времени. Мы будем жить! Теперь давайте закурим. Хе-хетшету.

7. Беседа с Совами и Бабочками

Сядем все вместе посреди открытой прерии, где нам не видны шоссе и изгородь. Не надо одевать, почувствуйте землю под телом, землю и упругую траву. Пусть трава станет нам подстилкой, с ее острыми и нежными стеблями, а мы станем камнями, растениями, деревьями. Станем животными, будем чувствовать и мыслить словно звери.

Прислушайтесь к воздуху. Вы можете слышать, чувствовать, нюхать его. Вонийя вакан - священный воздух - все возрождает своим дыханием. Вонийя, вонийя вакан - дух, жизнь, дыхание, возрождение - он означает все сразу. Вонийя - мы сидим вместе, не касаясь друг друга, но чувствуем его присутствие между нами. Доброе начало для размышлений о природе и бесед о ней. Скорее бесед с нею, бесед с реками, озерами, ветрами, словно с нашими родичами.

Из-за ваших дел нам, частице ее самой, стало трудно понимать природу. Даже здесь мы осознаем, что за теми холмами расположены ракетные шахты и радарные станции. Белые люди всегда выбирают чистые, прекрасные, внушающие благоговение места для своих отвратительных затей. Вы попрали эти края, назначили им цену, вы вечно твердите: "давай, давай, давай" (?), и ничего не возвращаете. Вы взяли 200000 акров нашей резервации Пайн-Ридж и превратили их в полигон для бомб. Этот край так прекрасен и необычен, что кое-кто из вас хочет превратить его в национальный парк. Но пока вы используете взятую у нас землю только для взрывов. Вы разграбили не только землю, скалы, минералы, все, что вы называете "мертвым", хотя оно очень даже живое; вы изменили животных, в которых есть частица нас и частица Великого Духа, вы изменили их самым жутким образом, и никто не узнает их. Есть сила в бизоне - духовная, магическая сила - но нет силы в Агнусе, в Херефорде.

Сила есть в антилопе, но она отсутствует в козе и в овце. Они покорны, даже когда вы забиваете ее, они даже газету съедят из ваших рук. Огромная сила в волке, да и в койоте, но вы превратили в каприз, в уродов - карликовый пудель, пекинес, комнатная собачка. Вы не сумели сделать то же с кошкой, и она похожа на индейца - неизменна. Так вы определили ей границы, изменили ее, обрезали когти, даже голосовые связки, вы проводите над нею лабораторные опыты, и ее крики не мучат вас.

Куропатку, тетерева, перепела, фазана вы превратили в кур. Эти твари даже летать не могут и носят солнцезащитные очки, чтобы не поклевать друг друга глаза, "неклюющие птицы". На других фермах выращивают кур на мясные грудки. Птиц держат в низких клетках, принуждая все время горбиться, чтобы развить грудные мускулы. Успокаивающие мелодии играют в этих куриных тюрьмах. Один громкий звук - и куры помешались, они убивают себя, бросаясь на ячейки их клеток. Они проводят всю жизнь сутулыми, и становятся неестественными, сумасшедшими, нехорошими птицами. И делают неестественными, нехорошими людей.

Вы дурачите себя. Ваши крылатые и четвероногие кузены – измененные уроды без когтей; вы сделали их подстать себе. Вы и людей изменили - в председателей советов, в офисных служащих, в наемных ковбоев. Вы превратили женщин в домохозяек, поистине страшные создания. Я был как-то приглашен в дом одной такой.

"Осторожней с пеплом, не курите, вы испачкаете занавески. Осторожней с аквариумом, не дышите на паркет, не прикасайтесь головой к обоям; ваши волосы, наверно, грязные. Не пролейте ликер на стол, у него тонкая отделка. Вытирайте вашу обувь; пол только что натерт. Не то, не это, не так..." Это сумасшествие. Мы не выдержали этого. Вы живете в тюрьмах, которые сами построили для себя, назвав их "домами", офисами, заводами. У нас в резервации появилась новая шутка: "Что такое культурное лишение?" Ответ: "Быть белым ребенком среднего класса, живущим в загородном доме с разными этажами и цветным телевизором".

Порой мне кажется, даже наши жалкие лачуги из картонных коробок лучше ваших роскошных домов. Пройти сотню футов от дома в ясную зимнюю ночь по грязи или снегу, - хоть какая-то связь с природой. А летом... за городом... отставить дверь туалета открытой и слушать жужжание насекомых, пока солнце согревает ваши кости сквозь тонкие деревянные планки: вас незнакомо даже такое удовольствие.

Американцы помешаны на сплошной гигиене. Никаких запахов! Даже хороших естественных запахов мужчины или женщины. Уничтожьте запах ваших подмышек, вашей кожи. Сотрите его, а взамен пшикните или помажьте тем нечеловеческим ароматом, за который вы заплатили кучу денег, десять долларов за унцию, а потому знаете, что он хорош. "ОБ", плохой запах изо рта, "Интимный женский одеколон" – я постоянно вижу это по телевизору. Скоро вы выведете людей без щелей в теле.

Белые люди так боятся созданного ими мира, что не хотят ни видеть, ни чувствовать, ни нюхать и слышать его. Ощутить дождь или снег у вас на лице, когда оно покалывает от пронзительного ветра, а оттаивает от огня сигареты, покинуть жаркую потельню и прыгнуть в ледяной поток – только так вы почувствуете себя живым, но вы ведь не хотите этого. Вы живете в ящиках, скрывающих вас от летнего зноя и зимнего холода, живете с телом без запаха, слушаете звуки хай-фай вместо звуков природы, пялитесь на актера по телевизору, верите опыту, который не испытали сами, едите безвкусную еду. Вот ваш образ жизни. Это не хорошо.

И еду вы обработали подобно своим телам, убрав все природное - вкус, запах, терпкость, вы раскрасили ее в искусственные цвета и создали искусственный вкус. Мы, чистокровки старой формации, вонзаем зубы в сырую печень и в сырые почки. В старые дни мы ели кишки бизона, мы спорили из-за них, два парня держали длинный кусок кишки с разных концов и, начав жевать, смотрели, кто быстрее доберется до середины; вот это еда. Бизоньи кишки были полны наполовину переброженной, полупереваренной травы, целебных растений, и вам не нужны были никакие пилюли и витамины, когда вы поглощали их. Используйте для вкуса горькую желчь, а не рафинированные соль или сахар. Васна, - мясо, почечный жир и ягоды, растолченные вместе, - комок душистой васны поддерживал человека весь день. В такой еде была сила. А не в том, что вы даете нам сегодня: порошковое молоко, обезвоженные яйца, пастеризованное масло, куры с одной только грудкой или ножками, в которой ничего птичьего и не осталось.

Вам не нужна дичь. Вы недостаточно храбры, чтобы убивать достойно, отсечь куриную голову, общипать и выпотрошить ее, - нет, вы больше не делаете ничего такого. Все доставляется вам в аккуратных пластиковых мешках, уже разделанное и готовое к употреблению, без вкуса и без вины. А ваши меха из норки и морского котика, - вы не хотите знать, с какими кровью и болью они получены. Ваш образ войны - сидеть в самолете, среди облаков, нажать кнопку, сбросить бомбы и не взглянуть на землю под облаками – все без запаха, без вины, очень гигиенично.

Когда мы убиваем бизона, мы знаем, что делаем. Мы молим прощения у его духа и пытаемся объяснить, почему мы так сделали. Мы почитаем молитвой его кости, давшие нам мясо для сохранения жизни, молимся о его возвращении, молимся за жизнь его братьев, бизоньего народа, так же как за свой народ. Вы не поймете этого, вот почему была Резня в Уошите, Резня в Сенд-Крике, мертвые женщины и дети в Вундед-Ни. Вот почему ныне существует Сонгми и Майлай.

Для нас жизнь, всякая жизнь, священна. В штате Южная Дакота есть служба контроля за паразитами. Они поднимаются на самолете и расстреливают койотов с воздуха. Они подсчитывают убитых, записывая их в свои книжечки. Овцеводы и пастухи платят им. Но именно койоты съедают больше всего грызунов, полевых мышей и т.п. Очень редко они нападают на ягненка. Они - наши естественные мусорщики, подбирающие гнилье и больных животных. Они стали бы любимцами, дай вы им шанс. Но их жизнь человек может оборвать за пару центов, и койотов убивают с воздуха. Они были здесь до овец, но теперь стоят поперек дороги; вы не сумели сделать их пригодными вам. Все больше и больше зверей умирает. Животные, творение Великого Духа, должны жить. Разрешено остаться только творению человека, - по крайней мере, пока эти звери не расплодились до возможности убивать. Ужасное высокомерие белого, поставившего себя выше Бога, выше природы, говорит: "Этому зверю я жизнь оставляю, он приносит деньги. А этого нужно убить, от него нет никакого дохода, вместо него можно вывести кого-нибудь полезного. Хороший койот - это мертвый койот". Они обращаются с койотами так же плохо, как привыкли обращаться с индейцами.

Вы распространяете смерть, куплю-продажу смерти. Несмотря на все ваши дезодоранты, вы пахнете ею, и боитесь ее в яви; вы не желаете с нею встретиться лицом к лицу. Вы обеззараживаете смерть, кладете ее под ковер и лишаете чести. Но мы, индейцы, много думаем о смерти. Думаю и я. Сегодня был бы хороший день умереть - не слишком жаркий, не слишком холодный. В такой день хорошо оставить что-то за собой. Это день завершения пути для удачливого человека. Счастливого человека с кучей друзей. Другие дни не столь хороши. То дни эгоистов или одиноких людей, в трудное время оставляющих землю. Но для белых все дни плохи.

Восемьдесят лет назад наш народ танцевал Пляску Духов, они пели и плясали до изнеможения, до обморока и потери сознания в поисках видений. Они плясали, желая вернуть своих мертвых, вернуть бизонов. Пророк сказал им, что с помощью Пляски Духов земля свернется ковром со всеми трудами белого, - изгородами и шахтерскими городками, заводами и фермами, с испорченными уродливыми животными, железными дорогами и телеграфными столбами, - и под скатанным ковром белого мира мы найдем снова цветущую прерию, незапятнанную, со стадами бизонов и антилоп, с тучами птиц, которые принадлежат каждому и радуют всех.

Я думаю, тогда еще не наступило время для такого события, но оно придет. Я чувствую его, грея свои кости. Не старая Пляска Духа или свертывание - нет, новый старый дух, не только среди индейцев, но и среди белых и черных, особенно среди молодежи. Словно дождевые капли, которые стекают в тонкий ручеек, ручейки становятся потоком, а когда все потоки сольются в одну большую реку, она смоет любые дамбы. Мы, пишущие эту книгу, беседующие о таких вещах - эти капли дождя.

Послушай, не так давно перед моим умом прошло: электрический свет однажды погаснет. Его слишком много используют для теликов и освещения. Придет день, когда природа погасит электричество. Полиция окажется без карманных фонариков, пиво согреется в рефрижераторах, самолеты упадут с небес, даже президент никому не сможет позвонить по телефону. Придет юноша, или мужчина, который сумеет погасить все электричество. Это будет больно, словно при рождении. Грабежи в темноте, пьяницы, громящие винные склады, разрушения. Все эти умники станут беспомощны, когда останутся машины, ибо они

разучились обходиться без машин. Придет Человек Света с новым светом. Это случится еще до окончания века. Могущественный человек сделает и хорошее, - остановит атомную энергию, войны, - просто выключит всю электрическую власть белого. Я надеюсь увидеть это и боюсь. Что будет, то будет.

Мы движемся по кругу, или, может, по спирали, поднимаясь чуть выше каждый раз, но всегда возвращаясь в ту же самую точку. Мы снова приближаемся к природе. Я чувствую это, и ваши двое мальчиков это чувствуют. Неплохо будет остаться без массы привычных вещей, которые вы взяли из земли и глупо растратили. Вы не вернете их, никогда. И вы станете жить более по-индейски. Взрослым это не понравится, зато понравится детям. Надеюсь, машины встанут прежде, чем в бедные индейские убогие проведут электричество.

Мы выйдем из наших ящичков и вновь познаем погоду. В старые дни мы принимали любую погоду, следуя за журавлями, идя на юг со стадами. В Южной Дакоте обычно говорят: "Если вам не нравится погода, подождите пять минут". Вечером может быть десять градусов в тени, но вдруг приходит шторм с градом не меньше мячей для гольфа, и вот прерия уже вся белая, а ваши зубы стучат. Неплохое напоминание, что вы - только частичка природы, и не так могущественны, как думаете.

Вы пытаетесь убежать от погоды, улететь на Майами, где лето круглый год, вы убегаете от дождя, убегаете от снега. Жаль. До 1925 года у нас были старики, которые собирались вместе в своеобразный клуб. Так они умели предсказывать погоду. Им не нужны были прогнозы со всеми этими приспособлениями, спутниками и прочими вашими затеями. Их собственная мудрость говорила им, что будет с природой.

Иные знахари обладали властью влиять на погоду. Они не пользовались ею по пустякам, лишь в крайней нужде. Проводя пляску солнца, мы всегда пытаемся обеспечить подходящую погоду. Когда у нас была свадебная церемония в Виннере, прошлой весной, вы видели, как я рисую на земле фигуру черепахи. Я научился этому у стариков. Как-то мальчиком я был на вечеринку с играми. Шел дождь, и я был взбешен. Мы хотели играть, а погода не давала. Моя бабушка сказала: "Почему вы не нарисуете черепаху?" Не успели мы ее закончить, как дождь прекратился. Я в силах устроить в стране засуху, или, нарисовав перевернутую черепаху, все затопить. Ты хочешь знать правильную молитву для этого, правильные слова. Я не скажу их. Это очень опасно. Не глупи с ними. Я вижу, что написано у белого на лице. Ты в это не веришь. Спроси моего друга, Пита Катчеса, брата знахаря.

ПИТ КАТЧЕС:

"Джон прав. Но той пляске солнца, о которой он говорит, мы срубили столб для пляски солнца и подхватили дерево. Ему нельзя было касаться земли. Мы стояли гуськом, а я был возле ствола дерева, и, падая, оно поранило мне бедро над коленом. Поэтому для меня пляска солнца была мучительной. Но я не протестовал. Ведь она стала ближе к настоящей. Я пронзил свою плоть утром, а разорвал путы около трех пополудни, продержавшись дольше всех с тех пор, как мы возродили священную пляску. И после разрывания пут огромное грозное облако возникло на западе. Люди хотели разбежаться, уйти домой до грозы. А она была все ближе, ближе. И во время пляски мне подали трубку, мою трубку. Я называю ее своей главной трубкой. Я взял ее и просил Великого Духа разогнать бурю, разорвать облако пополам, чтобы мы закончили церемонию. И на глазах у всех огромная туча разорвалась

посередине - одна часть ушла на север, неся опустошение в район Белой Реки, сметая все на пути, срывая крыши, уничтожая сады и тому подобное. Часть грозы ушла на юг к Пайн-Риджу, усыпая все градом, но над землей пляски сияло солнце. И для меня эта пляска солнца в 1964 году была лучшей в жизни.

Мы знаем, что власть рисунка черепахи, о которой Джон рассказывал тебе, истинна. Сердце Кеха, черепахи - самое крепкое. Я слышал, как ее сердце билось и билось через два дня после смерти черепахи. В нем столько силы и выдержки. Съешь такое сердце - и ты станешь стойким. Она передает силу любому, кто съест его. Моя сестра съела сердце черепахи, рассеченное надвое, чтобы она проглотила его. И оно превратило ее в сильную женщину, со стойким как у воина сердцем. У нее была опухоль на груди. Доктора сказали: у нее рак. Она зажгла пять сигарет, велела детям раскурить их и держать горящими. Она брала горящие сигареты, одну за другой, и выжгла у себя это зло. Все сильнее и сильнее прижигала она грудь, но ее лицо оставалось холодным все время; ни один мускул не дрогнул. Теперь она здорова. Сердце черепахи делает вас такими.

Но сила есть у всех животных, ведь Великий Дух живет во всем, даже в крохотном муравье, бабочке, дереве, цветке, скале. Современный путь белого человека не дает нам этой силы, разжижает ее. Чтобы прийти к природе, почувствовать ее силу и позволить ей помочь вам, нужно время и терпение. Время подумать и выразить все это. У вас так мало времени для раздумий, вы вечно спешите, спешите, спешите. Из-за этой тяготы, этой спешки и беготни по кругу у вас совсем не остается времени на личную жизнь. Наши старики говорят, у них не было проблем с сердцем. У них не было рака. Свои болезни они умели излечивать. Но между 1890 и 1920 годами большая часть знахарства, звериные связи, трубки, древние святыни, которые мы веками хранили как сокровище, погибли, - были уничтожены БДИ, полицией правительства. Они приходили и разрушали наши потельни, заходили в дома, ломали трубки, издирали знахарские сумки, бросая их в огонь и сжигая, они полностью стирали мудрость поколений. Но у индейца, даже если заберешь у него все, есть рот, чтобы молиться и петь древние песни. Он по-прежнему проводит церемонию увипи в темной комнате, бьет в свой барабанчик и возвращает силу, возвращает мудрость. Возвращает, но не все. Лосиное знахарство ушло. Медвежье - тоже. У нас жил знахарь, там вверх по ручью, он умер около пятнадцати лет назад. Так он был последним медвежьим знахарем, которого я знал. И он хорошим был знахарем. По-настоящему хорошим».

Но она возвращается, сила медведя. Мы издаем медвежьи звуки, говорим по-медвежьи в воинственном настроении. "Хррн" - и вы на взводе. Правильно обработанным медвежьим когтем вы пронзаете человека для пляски солнца, и он не чувствует боли. Дайте, я расскажу о силе медведя, природной силе зверя, восставшего против одного из тех переделанных неживотных.

Еще мальчиком я как-то путешествовал с отцом. Мы возвращались в Стэндинг Рок. Это случилось на дороге. Мой отец остановился в салуне поиграть в покер. В комнате по соседству забился в угол молодой медведь, почти еще детеныш. Он был на цепи, по-настоящему жалок. Его дразнили, заставляли вставать на задние лапы.

Игроки в карты не обращали на него внимания. Перед каждым из них лежали груды серебряных долларов. Я сидел под столом. Мне нравились эти большие круглые, сияющие

куски серебра. Я потянулся и стащил один. Никто не заметил, а может, не счел важным. Большой белый человек в черной косматой шубе и котелке вошел и сел в углу. С ним был огромный бульдог, поистине громадный.

«Хороший у тебя звереныш, - сказал буфетчику громила, закулив сигару. - Но приглядывай за ним получше. Если мой пес вырвется, он слопаёт твоего медведя целиком».

"Твой бульдог ни на что не годен. Он даже не лизнет моего малыша!"

"Ставлю пятьдесят баксов, слопаёт. Ставлю пять против одного - мой бульдог разорвет звереныша. Давай устроим большой бой!"

Они выложили деньги, картежники оторвались друг от друга посмотреть на зрелище. Медведя и бульдога повели на улицу к большой коричневой палатке, где обычно проводили представления. Вскоре четыре или пять больших ковбойских шляп заполнились поставленных на кон монетами - за пса и за медведя. Новости о бое разнеслись степным пожаром, и люди все подходили и подходили.

У моего папы после продажи скота были с собой деньги. Он сказал мне: "Сынок, я поставлю сотню долларов на маленького медвежонка". Белый громила в котелке был так уверен в своей зверюге, что поставил кучу денег против моего отца - те большие старые банкноты в двадцать долларов, золотые и серебряные монеты. Все встали в палатке по кругу, больше никому не давая войти. А поставившие деньги уселись впереди - на корточки и на земле, позволяя другим увидеть происходившее. На открытой трибуне не было мест. Из одеял сделали круглое ограждение, чтобы не выпускать животных. Владелец пса и хозяин салуна сели в круг вместе с человеком, державшим банк. Я никогда не видел такой огромной кучи денег. Все пыхтели сигарами, наполняя палатку дымом. Наконец громила с псом сказал: "Еще пять минут, и больше никаких ставок!"

Начался переполох. Теперь все старались поставить. Люди так загорелись спором о том, кто сейчас выиграет, что застучали кулаками, монеты покатались по земле. Эти старые дни азартных игр!

"Прекратите суматоху и ставьте! - сказал громила. Затем он глянул на часы. - Время вышло. Все. - Он повернулся к псу и немного отодрал его за уши. - Окей, возьми этого медведя, убей маленького ублюдка. Разорви его!»

Бедный медвежонок сидел как ребенок, словно шоу его не касалось. «Один раунд, и все, - сказал буфетчик. - Все закончится за один раунд». Прибежали еще ранчиро и ковбои с деньгами в руках. Им не повезло, а, может, повезло, смотря, на кого они собирались ставить, ибо владелец пса взял ружье и выстрелил в знак начала.

Бедный медвежонок все так же сидел, когда на него науськали пса. Тогда маленький медведь медленно поднялся. Под старой газовой лампой его глаза выглядели голубыми. Пес рычал и ворчал, его нос был сморщен сильнее, чем мое лицо сейчас. Медведь передвинулся на фут ближе и снова сел. Он смотрел на рычащего, на огромную пасть с белыми зубами. Медвежонок просто потер лапой о землю и бросил чуток грязи на голову пса. Тот бульдог, похоже, был сообразительнее своего хозяина. Наверно, он что-то понимал. Он ворчал, рычал, делал много шума, но держался на расстоянии. Громила в котелке разозлился. "Вперед, возьми его", - сказал он и пнул пса в бок. Пес собрался для атаки и прыгнул наконец.

Медведь просто лапу поднял, челюсти блеснули сотней ножей, и он один раз ударил пса, только один раз, но старый бульдог упал, холодный, с разорванным горлом, и умер. А медвежонок произнес убийственно - "хррн", как индеец сиу.

Мой папа выиграл свыше 700 долларов на медвежонке. Большинство белых ставили на бульдога; но все индейцы поставили деньги на тщедушного медведя. Они знали, что у него есть сила.

То же и с бизонами. У них есть сила и мудрость. Мы, сиу, в сродстве с бизоном. Он наш брат. У нас много легенд о превращении бизона в человека. Индейцы и похожи на бизона - большие плечи, узкие бедра. По нашим поверьям трубку мира – основу нашей религии – принесла нам Бизониха. Она была прекрасной девушкой, но, научив наши племена обращаться с трубкой, снова превратилась в белую бизониху. Поэтому бизон для нас священнее всего. Вам не понять природы и наших чувств к ней, если вы не поймете нашу близость к бизонам. Они были почти частью нас, частью наших душ.

Бизон давал нам все необходимое. Без него мы ничто. Типи шили из его кожи. Его шерстяная шкура была нам постелью, одеялами, зимней одеждой. Она становилась нашим барабаном, стучащим всю ночь, живым, священным. Из его кожи мы делали мешки для воды. Его плоть укрепляла нас, становилась плотью нашей плоти. Не пропадало ни кусочка. В его желудок мы бросали раскаленные камни, ибо это был наш котелок для супа. Его рога были нашими ложками, кости - ножами, женскими шилами и иглами. Из его сухожилий мы делали тетиву и нитки, из ребер - салазки нашим детям, копыта становились погремушками. Его могучий череп с положенной на него трубкой, был нашим священным алтарем. Имя величайшего из всех сиу было Татанка Йотаке - Сидящий Бык. Когда вы убили бизонов, вы убили и индейца - настоящего, природного, "дикого" индейца.

У бизона была мудрость, а выведенные быки - просто вещь с конвейера. У них нет разума. Те мексиканские бойцовские быки постоянно тупеют перед плащом. Они храбры, да, но не очень сообразительны. Представьте, если бойцовские быки ринутся на бизона. Они все погибнут. Выведенный бык вечно пялится на плащ. Бизон не стал бы гоняться за куском красной тряпки и бодать его. Он углядел бы за тряпкой человека и забодал бы его. Бизоны сообразительны. У них есть и чувство юмора. Помните, когда мы вместе были в Черных Холмах? Когда после теплого дня вдруг пошел снег? Мы увидели у Блю Белл шесть больших черных быков, словно шесть огромных грузовиков пикапов. Они так радовались снегу. Прыгали, бегали по кругу, играя, как котята. А после мы проезжали мимо домашних коров, сбившихся в стадо, несчастных, жалких. "Му, му, му - мне холодно". Настоящие природные животные не замечают холода; они счастливы в косматой куртке и галошах, данных им Великим Духом. Белые охотники обычно называют бизонов тупыми, ибо они не боятся ружья, и их легко застрелить. Но бизон не приучен бороться с современным оружием. Он привык иметь дело с индейскими стрелами.

Я рассказал тебе о медвежонке и бульдоге. Дай я расскажу о бизоне и быке. Речь пойдет о ранчере, устроивших бой бизона и быка на ранчо Филлипса. Мы, сиу, все природные спорщики. У нас было много игр на пари задолго до прихода белого. Пари – этому точно не вам нас учить. Скорее, мы поучим вас. Мой отец умел рассудить дело. Это случилось в 1919 или 1920-м. У нас был тогда один из этих старых забавных Фордов. Требовалось три доллара на поездку из Форта Пирр до ранчо Филлипса. За три бакса можно было проехать с сотню миль. Мне было около шестнадцати. Отец еще заботился обо мне. Ну вот, мы добрались до

ранчо. Корраль был переполнен, черен от людей. Сначала дрались между собой два петуха, разогревая толпу, чтобы люди начали ставить деньги. Мой папа не ставил на цыплят. Два бедных петушка, царапающих и клюющих друг друга, кого бы это возбудило?

Наконец через дверцу выгнали бизона. Бык уже ждал на скате. Он принадлежал человеку из Вайоминга. У того было короткое имя, но я его не помню. Скажу тебе, мы всегда называем бизона одушевленным местоимением, если только не говорим о корове. Но выведенный человеком бык, он - неодушевленный. Он был по-настоящему большим, истинный бык Булл Дурхам, самый известный бык страны. Его шары болтались так низко, что он почти спотыкался о них. Открыли скат. Мальчик, я видел много быков в свое время, но – глянь! - эти рога! Огромные, светлые, с черными кончиками.

Старикан разбрасывал грязь во все стороны, рыл землю, поглядывая на толпу. Кое-кто сидел на верхушке корраля, даже леди. Они носили длинные юбки в те дни, но я видел несколько прелестных ножек. Толпища была! Они ревели словно при Билли Грэхеме. Все собрание возбудил вид бизона, шум возбудил и самого бизона.

Мой папа сделал много ставок - два-к-одному и три-к-одному. Он поставил на бизона, но не об этом я рассказываю. Наверно, они столкнулись бы со скоростью сто миль в час. Бык был готов к нападению. Его хвост ходуном ходил в воздухе. Я испугался, что он проломит корраль. Па сказал мне: «Держись все время за тем столбом. Вдруг что-нибудь пойдет не так». Мой папа говорил только в крайнем случае. На миг я испугался, что бизон проиграет, ведь он не обращал на быка внимания. Перед началом боя они были ярдах в двадцати. Весь корраль был маленьким – сто футов в поперечнике. Наконец началось. Они промахнулись, выставив рога, словно разошлись два поезда. Толпа издала громкое разочарованное "ох". А потом мы увидели, что бизон разорвал бычий бок словно бритвой. Ребра быка были рассечены. Два ковбоя завопили: "Этот бык мертв!" Тот взбрыкнул ногой пару раз, но был мертвее ада. У прирученных животных нет силы.

Хока - барсук - настоящий зверь. Как-то мой дядя верхом на сером коне сгонял своих пони. Он скакал без седла, только с уздой в сером носу. И увидел барсука. Барсук обычно торчит в своей норе, но три или четыре человека сумеют выгнать его. Мой дядя поймал хока веревкой, но не мог вытащить. Барсук лез в нору, аркан полз за ним. А вскоре пошел и конь. Мой дядя пытался отвязать веревку, но голова коня уже уткнулась в нору, и дядя перерезал веревку надвое. Барсук нырнул, и с этим ничего нельзя было сделать.

На мертвом барсуке гадают, сколько вы еще проживете. В нем есть дар пророчества. Я знал человека по имени Ночной Преследователь. Он разрезал мертвого барсука и выпустил кровь – в ней, как в красном зеркале, и видно будущее. Просто ты видишь себя мертвым. Три или четыре человека смотрели на этого хока. И я был с ними. Мы все были молоды. Первый сказал, поглядев: «Парни, я - старик, сморщенный и седовласый, сутулый и совсем беззубый». Он обрадовался этому, поняв, что доживет до глубокой старости. Второй сказал: «А со мной все наоборот. Я выгляжу точно как сейчас. Я умру прежде, чем поседеют мои волосы!» Затем настал мой черед, но я увидел только темную кровь. Но те двое были правы. Один все еще жив, и уже старик. Второй умер давно, лишь через пару месяцев после предсказания того барсука, - как он и сказал, прежде чем поседел его волосы.

Мы пользуемся костью барсучьего пениса как шилом или иглой. Если отполируешь ее до блеска, она останется такой навсегда. Хороший инструмент, за него можно выменять добрую лошадь.

Есть еще стремительные суслики, те - с черной полосой на мордах. У них много силы; они могут загипнотизировать тебя, и даже убить. Сила в их глазах. Они живут с прерийными собачками. Настоящие пользователи подземки, всегда путешествуют под землей. Они так стремительны, что ваши глаза не уследят за ними. Ваш глаз еще здесь, а он уже там. Рассказывают любопытную историю о человеке, пожелавшем поймать этих тварей. Он говорил, что быстренько пальнет, потом помчится как дьявол и схватит, пока суслик не исчез в норе. В уме человек придумал все очень быстро. Он пальнул, он помчался как дьявол. И что-то цапнуло его сзади за штаны - его же пуля! Земля из норы суслика очень могущественна. Она сохранит тебя на войне, сделав пуленепробиваемым. Ею я лечу определенные болезни.

Сила животного не зависит от его величины. Есть сила муравья. У иных муравьев нет глаз, но они чувствуют дорогу. Они ходят и возвращаются с камешками увипи, которые кладут на свои муравейники. Крохотные камни, размером с бисер, сияющие как агаты, чистые как снег. Порой они приносят взамен них крошечные ископаемые. Такой камешек нужно нести двум муравьям. Один может оступиться и умереть. У муравьев нет шанса.

Мы, знахари, ищем муравейники и собираем эти камешки. Они священны. Мы кладем 405 таких камней в тыковки и погремушки для наших церемоний. Они представляют 405 деревьев нашей земли. Раздавленных красных муравьев - ташушка шаша - мы кладем в свои снадобья и даем выпить их раненым пулей, ибо муравьиное снадобье затягивает рану быстрее. Мы используем и то, что вы называете ископаемыми. В глубине Бедлендс мы находим кости унктежила, гиганта, водного чудовища, жившего задолго до появления людей. На холме лежит позвоночник одного из них, вон на том холме. Я бывал наверху, там можно проехать только на коне. И его дух похож на скачущее чудовище. Ночью огоньки духов танцуют над холмом. Свои находки с того места я использую в своем лечении.

Иктоми - паук – тоже обладает силой, но дурной. Из середины его короткого тела торчат ноги. Он сидит в своей паутине и поджидает муху. Иктоми в реальности человек. Он - глупый парень, сообразительный осел; он хочет всех обхитрить, хочет мучить людей, делая их несчастными. Но его легко обмануть.

Ты прислушиваешься ко всем этим созданиям, слушаешь умом. Они много чего расскажут по секрету. Даже сверчок – птевойаке, - бескрылый попрыгунчик, подсказывал нам, где найти бизонов. Но ныне он ничего не говорит нам.

Бабочки беседуют с женщинами. Дух превратится в прекрасную бабочку, прилетит к юной скво и сядет ей на плечо. Дух подскажет юной скво через эту бабочку, как стать знахаркой. У нас есть пара таких леди. Я помогал одной, учил ее, и она хорошо трудится в резервации. Она очень уважаема, и даже самые бедные отъявленные пьяницы верят в нее. Она не берет у них денег, но помогает от всей души.

У меня есть племянник, Джо Громовый Ястреб. Он - целитель. У него сила койота. На своем барабане он нарисовал образ койота, пришедшего Джо в видении. Сила койота в семье Громовых Ястребов издавна. Много лет назад дед Джо странствовал зимой. Снег был глубоким, и темнота застала его в каньоне. Он вырыл нору, не желая замерзнуть до смерти.

Посреди ночи кто-то прыгнул на него и устроился возле ног. Дед Джо разглядел койота. Они согревали друг друга, чтобы выжить до утра. Когда человек снова отправился в путь, койот последовал за ним.

И после того дед Джо слышал лай койота ночью близ дома. Тот лаял по-разному - как собака, и как маленький мальчик. Один лай означал доброе событие, другой предсказывал несчастье. Дед Джо стал знахарем и пророком. Койот рассказывал ему о грядущем. Когда старик умер, его знание умерло вместе с ним. Старик не смог передать его.

Однажды Джо Громовой Ястреб проезжал тем же каньоном, где в давние времена его дед и койот согревали друг друга. Племянник сидел в машине. Вдруг он почувствовал, как кто-то преследует его. Он оглянулся и увидел прямо позади койота, хромого и очень худого. И тот начал лаять - как собака и как ребенок.

Той же ночью Джо Громовому Ястребу был сон о койоте, и он понял свое предназначение - быть знахарем и продолжать труды деда. И ныне он идет по индейскому пути, своими снадобьями исцеляя больных людей, которые иначе попали бы на хирургический стол. Так сила койота вернулась в семью Громового Ястреба.

А мне кое-что рассказывают птицы. Орел, сова. В орле вся мудрость мира; вот почему мы прикрепляем перо орла на вершину столба в церемонии увипи. Если вы решили убить орла, на минуту задумайтесь о том, что он знает, знает о вашем решении. У чернохвостого оленя - своя мудрость. Поэтому его хвост привязывается к столбу увипи чуть ниже. Выстрелив в этого оленя, вы не повредите ему. Он будет стоять, где стоял, а пуля вернется и ранит вас. Как в поговорке - не рой другому яму, сам в нее упадешь.

В одном из своих великих видений я беседовал с птицами, крылатыми созданиями. Я был опечален смертью матери. Она держала мою руку и говорила только одно слово "бедный". Не думаю, что она горевала о себе; мама печалилась обо мне, бедном индейце, которого она оставляет в мире белого. Я плакал об этом видении на холме, взывал о помощи, протягивая руки к небу, и затем завернулся в одеяло. У меня только и было, - одеяло и трубка, и чуток табака для приношения, я не знал, чего ожидать. Я хотел прикоснуться к силе, почувствовать ее. Я хотел взлететь, пусть это и убьет меня. И я отдал себя ветрам, природе, не проклиная всего, что случилось бы со мной.

Совсем неожиданно я услышал крик большой птицы, она быстро ударила меня по спине распростертыми крыльями. Громче прочих птичьих голосов я услышал крик орла. Он словно бы говорил: "Мы ждем тебя. Мы знали, ты придешь. И ты здесь. Твой след ведет отсюда. Пусть наши голоса ведут тебя. Мы - твои друзья, пернатый народ, о двух ногах, четырех ногах, мы твои друзья, создания, крохотные, о восьми ногах, о шести ногах - все ползающие по земле. Все малые летающие и плавающие. Мы поделимся с тобой своей силой, и ты навечно получишь себе духа - себя иного.

Это - ты, но иной ты, другой и тот же самый, невидимый и очень настоящий». Я испугался. Я не понимал тогда. Понимание этого заняло всю мою жизнь.

И снова я слышал голос среди птичьих звуков, щелканье клювов, чириканье и щебет. "Ты любишь все, что есть на земле, но не любовью матери к сыну, или сына к матери, а куда сильнее, эта любовь включает всю землю. Ты просто человек, испуганный, плачущий под этим одеялом, но в тебе столько места для любви, что в него вместится вся природа". Я дрожал, все сильнее кутаясь в одеяло, но голоса вновь и вновь окликали меня: "Брат, брат,

брат". Вот что происходит со мною. Порой я чувствую себя первым человеком из наших индейских легенд. Он был гигантом из земли, воды, луны и ветров. Вместо волос у него была поросль деревьев, целый лес деревьев. Огромное озеро было в его желудке, и водопад - в промежности. Я чувствую себя этим гигантом. Вся природа во мне, и часть меня во всей природе.

ПИТ КАТЧЕС:

"Я тоже так чувствую. Я живу в прошлом веке. Я живу как сорок лет назад, как сто лет назад. И мне это нравится. Я хочу жить скромно, как можно ближе к земле. Ближе к травам, плодам, цветам, которые я кладу в снадобья. Великий Дух виден в том, что человек может выжить, живя так, живя, как хочет. Поэтому я и моя жена живем в маленькой хижине - не электричества, ни водопровода, ни воды в кране, ни дороги. Таково наше желание. В простой бревенчатой хижине спокойно. И так мы хотим провести остаток наших жизней. Я хочу удалиться от современного мира, уйти и жить еще ближе к природе, чем ныне. Я даже не хочу называться знахарем, - только целителем, ибо ради этого я тружусь. Я не прошу ничего. Белый доктор берет гонорар, священник берет гонорар. У меня нет гонорара. Люди уходят от меня исцеленными. Вот моя награда. Временами у меня нет силы - это печалит меня. Когда сила возвращается, я счастлив. Другие думают о деньгах, где их раздобыть. Мне это никогда не приходит на ум. Мы с женой живем данным природой; мы едва ли в чем-то нуждаемся. Великий Дух создал цветы, ручьи, сосны, кедры, и заботится о них. Он обвевает их ветерком, дает их дыхание, поит водой, дает им расти. Даже тем - в скалах и на утесах. Ему это по нраву. Он заботится обо мне, поит меня, кормит меня, разрешает жить с растениями и животными в единении. Я хочу оставаться индейцем до конца жизни. Это не значит, что я хочу запереться. Множество людей как-то отыскивает путь к моей хижине. Мне это по нраву. Я хочу общаться и всегда тянусь к людям, желая поделиться с ними малым из нашего индейского пути, пути духа.

И в то же время я хочу уйти от всего все дальше и дальше, жить как древние. На шоссе чистокровный индеец порой падает на всем скаку. Я никогда не падал. Идя по дороге, я собираюсь пройти весь путь. Нечто сидит глубоко внутри меня, что-то вроде гордости. Порой я переносу хижину еще дальше в холмы, может, не всю хижину, только часть деревьев. Для нас по-прежнему есть дух открытия - целебная трава, почки, побег, цветок - совсем маленький цветок, может быть, и вы в долгом созерцании думаете о нем. Не о розе - желтой, белой, искусственной, огромной. Я слышал, вывели черные розы. Это неестественно. Против природы. Они ослабляют нас. Мне они отвратительны.

И чем старше я становлюсь, тем все больше и больше углубляюсь в холмы. Великий Дух сделал их для нас, для меня. Я хочу смешаться с ними, войти в них, и под конец исчезнуть в них. Как сказал мой брат Хромой Олень, вся природа в нас, и все мы - в природе. Так должно быть. Скажи мне, как ты намерен назвать главу твоей книги, в которой опишешь эту нашу беседу? Я знаю, ты назовешь ее "Беседуя с совами и бабочками".

8. Двое в Одеале

Теперь обо всех этих женско-мужских делах. Говоришь, нынче в любой книжке найдешь хоть толику секса? С этим у меня все в порядке. Для начала я открою тебе большой секрет. На ушко шепну, я просто не посмею произнести это громко: мы, сиу, очень застенчивы. Юноши-то стыдливы, а девушки - еще больше. Вот вам кот в мешке!

В старые дни винсинкала, хорошеньких девушек, было трудно разглядеть. Непросто было мужчине найти подходящую женщину, ведь они вечно отворачивались, прятали лица, и ты не понимал, - красивы они или уродливы. Если заговоришь с ними, они не ответят. Если приблизишься, - убегут. Кое в чем эта нерешительность остается. Но, несмотря на свою застенчивость, сиу не жеманятся. Погляди на эти семьи с восемью, десятью, двенадцатью детьми, и ты поймешь, чем народ занят ночью, особенно когда нет телевизора и более важного занятия - паяться в него.

В то же время мы не показываем при окружающих, свою привязанность, не целуемся и не держимся за руки. Не только любовники, женатые люди тоже застенчивы друг с другом на публике.

В старые дни юноше и девушке было нелегко встретиться. В семейном типе было сложно уединиться, а пробираться за кусты - и вовсе опасно, в них мог лежать враг, охотившийся с ножом за вашим скальпом. Забираясь же в типи, вы обнаруживали, что маменька по привычке обвязывала волосяной веревкой талию своей дочки, которая проходила через ее ноги. Это был знак: "Не нарушай границу". Если мальчик сдуру запутывался в веревке, женщина могла сжечь его типи или убить его коня. Бабушка рассказывала мне, как юноши санти использовали одно снадобье, пробираясь в типи. Оно вроде бы ослепляло и оглушало всех, а парень делал свое дело. Но если когда такое снадобье и было, оно давно забыто.

Можно было поджидать девушку у реки, куда она каждое утро проходила с кожаной сумкой за водой для ее семьи. Это было место знакомств. Но какой с него был толк? Вы оба слишком стыдливы, чтобы начать беседу. Можно привлечь внимание, выпустив стрелу в ее сумку. Неудачное начало! Был только один реальный путь общения молодых. Девушка вставала перед типи своей семьи с большим одеалом. Ее возлюбленные приходил, девушка одеалом накрывала обоих, и под ним они прижимались щекой и шептались. Люди видели парочку, но уважали их уединение и предпочитали не замечать. Если девушка была хорошенькая и популярная, выстраивалась очередь холостяков - три или четыре парня ждали своего черед. Очень невинным был этот старый стиль свидания.

Если мальчик не желал просто стоять под одеалом и тереться носами со своей девушкой, он просил лосиного знахаря сделать флейту и дать ему песню, которая вскружила бы девичью голову. Флейты были всегда похожи на птичьи головы с открытым клювом и обладали большим могуществом. Услышав такую флейту, сделанную лосиным знахарем, девушка оставляла типи и бежала за ее звуком. Она не могла противостоять, таким крепким было волшебство.

Я знал много этих лосиных песен, старых и новых. И спою тебе песню призрака возлюбленного. В давние годы жил юноша, перед кем не устояла бы ни одна женщина. Колдун дал ему сильные любовные чары, и по ночам тот парень играл на флейте. Любая девушка тотчас подскакивала и бежала к нему. Ум велел ей оставаться в типи, но ноги сами

вели к юноше. Этот человек хотел завоевывать женщин, как воин побеждает врагов. Он считал девушек как «удары ку».

Однажды этот юноша не вернулся с охоты. Его родители ждали сына день за днем, но он не возвращался. И они попросили знахаря найти юношу своими камнями. Знахарь сказал: "Он убит", и объяснил родителям, где искать тело. Оно лежало в прерии - мертвое с раной в груди. Тело юноши положили на помост, а племя перебралось к новой стоянке. Как-то вечером люди сидели у костров, ели и беседовали, и вдруг на краю лагеря завывали собаки, как по покойнику. Никто не видел, что их потревожило, слышны были только тихие крики сов на манер духов, да деревья издавали странные звуки. Народ заволновался. Все потушили огни и зашли в типи.

Воины прислушались и поняли, что к ним пришел призрак. А потом они узнали голос того юноши. Он пел: «В рыданиях брожу. Я думал, что один такой. Я думал, я один знал много возлюбленных, много девушек. Теперь мне тяжело. Я брожу, и бродить мне, пока стоит мир". После той ночи люди слышали эту песню не единожды. Девушка слишком поздно возвращалась домой, женщина ходила по воду еще до первой зари, - все они слышали песню и видели облик мужчины в сером одеяле, даже став призраком, этот юноша не оставлял женщин в покое.

Во время разлуки наши девушки придумывают песни для любимых, ушедших на войну. Услышав эти песни, ты рыдаешь, не важно сколь ты крепок душой. Во время Пирл Харбора девушка спела такую песню для своего любимого парня: "Раз ты оставляешь меня, я докажу, как люблю. Люди услышат мой громкий плач о тебе. И в день разлуки с тобой я буду плакать при всех, не стесняясь. Слезы мои пусть все увидят. Помни, что б ни случилось, я буду ждать тебя. Во всех газетах ты прочитаешь, как плачу я о тебе при всех". Наши девушки умеют любить, хотя и стесняются показать это на людях.

Хоть мы и застенчивы, но секс у нас был, и хороший. Главное, конечно, было пожениться и нарожать детей. Даже самая старая наша леди – она настолько стара, что не помнит, когда родилась, даже христианского имени у нее не было... Так вот, у нее лицо словно Бедлендс, а она говорит: "Нарисовал бы ты меня, когда я была красива". Ее глаза все еще сверкают. Это никогда не умрет.

Чаще всего будущую свадьбу обсуждали обе семьи. Невозможно было жениться без родительского согласия. Юноша отдавал за жену несколько хороших коней в знак того, как он уважает ее и как хорошо будет ее обеспечивать. Но беднякам, у кого не было и одной лошади, был другой путь. Эта наша церемония называлась - "Он хочет ее так сильно, что ее мы отдаем ему», и была свадьбой не хуже других.

Порой родители хотели отдать дочь за известного военного вождя, а девушка отдавала сердце юноше, неимущему и неизвестному. Тогда она бежала на одной из отцовских лошадей с любимым. Они скрывались пару дней, затем возвращались и отдавали лошадь. Ну вот, все понимали, что произошло, когда те двое остались наедине. Не возникало ни раздражения, ни пыхтения. Что сделано, то сделано. В сексуальных вопросах мы всегда были очень понятливы, испытывая жалость к молодежи, - старшие помнили время, когда сами были разлучены. Семьи принимают таких беглецов, и устраивают хорошую свадьбу.

Все чаще и чаще юные индейские пары, поженившиеся по белому обычаю только в церкви или в свадебном бюро, чувствуют, как что-то потеряли. Они не ощущают подлинности

обручения, если я не соединяю их старым индейским способом с одеялом вокруг них и священной трубкой в руках, когда я связываю их запястья жгутом из красной материи. Мои церемонии очень просты и безыскусны. Ты видел мой обряд в Южной Дакоте, а однажды я поженил прекрасную юную навахскую пару у тебя. У вас хорошая для этого квартира, ведь ты хранишь мой бизоний череп с пляски солнца, да и свит грасс с кинник-кинник в твоём доме всегда найдется. У тебя есть все, что мне нужно.

Во время такой церемонии, желая воздействия духа, я не надеваю причудливых одежд. Я снимаю куртку, желая обнажить руки, чтобы дым обвивал меня, касался меня. Такая церемония подобна сну. Я словно не замечаю ничего иного. Касаясь в этом ритуале юной пары, я чувствую добрую судьбу, и это радует меня. С другой стороны, у меня было два печальных рукопожатия. Эти люди заболели бы или даже умерли через год или два. Я даже не знал их, но рукопожатие сказало мне о несчастье. Я ощущал это в миг, когда трубка - чашечка и чубук – была соединена для курения. Когда же я поднимаю трубку и разъединяю ее, добрые или дурные предчувствия исчезают.

Я кладу красное одеяло на навахских юношу и девушку, даю им в руки трубку мира, тканью связываю запястья и произношу над ними старую молитву. Я говорю им: "Мы сейчас в большом городе белого человека. Вы хотите стоять на земле, нашей матери, но вы - в квартире на восьмом этаже. Я попрошу, чтобы вы, пока я занимаюсь своим трудом, притворились будто вы - дома. Забудьте этот старый город, представьте под собой холм, кусок земли, из которой созданы, почувствуйте присутствие духов. Город - не подходящее место для такой церемонии, но наши мысли сделают его правильным. Забудьте об уличном движении, великом шуме за окном, сосредоточьтесь и держите вашу трубку; тогда наша церемония станет хорошей. Со всех четырех углов мира, с неба над нами и земли под нами, благословение Великого Духа да будет с нами.

И вы, индейцы, наши гости, вспомните, откуда вы, вспомните ваших родителей и дом, вспомните прадедов, вспомните ваши трудные времена, и времена добрые. Я дам вам зеркальце, совсем маленькое зеркальце. Ну, что вы видите? Вы видите в нем индейское лицо. Все наши радости и страдания, все, сделанное нами, и все, сделанное с нами, можно увидеть на ваших лицах. Так осознайте, что вы - индеец, который сражается за выживание в грубом безжалостном мире.

Но ты и она наедине, дух пребывает с вами, когда вы стоите под этим одеялом, и Великий Дух даст вам малый дар, новую жизнь, а когда вы получите этот дар, моя церемония будет завершена. Вы строите гнездо, и я молюсь Великому Духу помочь вам. А теперь мы все раскурим трубку. Хе-хечету".

Я добавлю еще, что твоя жена прекрасно готовила в тот день, и все наелись досыта. После церемонии обычно едят. Хорошая еда на свадьбе, чтобы никто не остался голодным, а кусочки достались духам - это хорошее начало.

Когда я соединяю по-индейски юношу и девушку дома, там всего еще больше - больше разговоров, больше знахарей, типи, алтари, большая поляна под открытым небом, певцы и барабанщики, большой пир и раздача подарков, а с наступлением темноты все облачаются для большой пляски. Но все церемонии хороши. А это главное.

И самое главное в браке - дети. Мы, сиу, обычно сами принимаем своих малышей. Тебе нужен хороший ребенок, ищи хорошую повитуху. У нас есть одна старуха, которая

прекрасно принимает роды. И за хорошие роды эта старая скво всегда получает лошадь, или ее эквивалент. При ней ребенок всегда рождался здоровым и добродушным. И редко кричал. Та женщина занята все время. Она хорошая знахарка.

Появление ребенка всегда было великим мигом, как «подсчет ку» для воина. Обычно в землю втыкают посох, чтобы роженица держалась за него. В нашем племени Обоженного Бебра женщина сначала стоит, а потом опускается на корточки, чтобы вытолкнуть ребенка, прижимаясь к этому посоху, и снова встает, ожидая выхода последа. Множество наших снадобий помогают рождению ребенка, я расскажу о них во время беседы о целебных растениях и врачевании.

Другие старухи поясом скво помогали матери родить ребенка, стягивая ее живот, нажимая вниз и массируя. Пояс из оленьей кожи хорош и для живота матери после рождения ребенка. Новорожденного клали на чистую оленью шкурку и обмывали теплым настоем травы ваканга. Детский пупок посыпался порошком из дождевика и забинтовывался. Для пеленок мы использовали промокательную траву каттайл.

Перед рождением ребенка бабушка всегда делала две куколки - черепаху и ящерицу. Ящерица, манитукала, - маленький дух страж. Она почти ничего не ест и берет влагу прямо из сырой земли. Они такие быстрые, что их трудно убить. Ей отрываешь ногу или хвост, а эта зверушка вырачивает другую. Черепаха также очень стойкая. Эти животные означают силу и долгую жизнь. Поэтому их выбрали защитниками ребенка против злых духов. Куколки ящерицы и черепахи - не больше ладони. Они сделаны из оленьей кожи и расшиты бисером. Пуповина кладется в один из амулетов; а второй наполняется травой, ибо он сделан для привлечения глупых злых духов. Амулет с пуповиной пришивался к колыбели ребенка, а позднее, когда он начинал ходить, к одежде. Спустя пять лет амулет переходил на хранение к матери.

Тетя юной матери обычно делала изящную колыбельку, полностью расшивая ее бисером. Колыбели были очень тяжелыми. Если со стороны отца была не одна тетя, можно было получить несколько колыбелек. У нас немного их осталось, ведь музейные работники дают за них хорошую цену - от 300 до 400 долларов.

Я всегда надеюсь на появление близнецов в соединенных мною браках. Это порадовало бы меня. Видишь, любовь - нечто, что можно оставить за собой после смерти. Это нечто могущественное. Наги, душа, будет бродить и странствовать. Если два человека любили друг друга очень сильно, они вернутся близнецами. У них была великая любовь, они вертелись по кругу, и Великий Дух пожалел их, разрешив родиться снова. Маленькие души бродяжки возвращаются двойняшками, тройняшками. Так возвращаются не только возлюбленные, но и брат с сестрой, особо привязанные друг к другу. И новорожденный может помнить о возвращении. Я знал одного человека по имени Некто, так он помнил часть прежней жизни 200 лет назад.

Если у родителей умер ребенок, самый любимый малыш, они стараются сохранить его душу, "получая призрака". Они хранят локон волос ребенка больше года, а затем проводят большую церемонию сохранения духа, - делают хижину духа и чашу с едой для маленькой души. Для этого дня они хранили вещи на раздачу. Отдается все вплоть до последней рубашки, не как фигура речи белых, а по-настоящему, ибо дело воистину заканчивается отданной одеждой родителей. Ты раздаешь все, не остается ничего.

Большинство индейских браков длятся дольше, чем у белых, ведь мы чувствуем большую ответственность за детей. Обе семьи жаждут нянчиться, баловать малыша. Это удерживает людей вместе. Но у нас есть и разводы. Мужчина может отослать плохую жену вместе с вещами к ее семье. Он может даже провести церемонию випейя, "выбрасывание его жены". Если она ленива или связалась с другим мужчиной, он собирает мужчин своего военного общества, пляшет и тычет особой палкой в друзей со словами: "Кто хочет ее, идите и берите. Я не хочу ее больше".

У парня должна быть чертова убедительная причина для такого действия, или его имя погибло, а ее родственники потом с ним разберутся. Или она сойдет с ума! Выброшенная жена придет к нему с ножом для выделки кожи и ударит его, а, может, и того хуже - подберется к его лучшей лошади и подрежет той сухожилия. Но разрешалось и наоборот - женщина могла развестись с мужем, просто выбросив все его вещи из своего типи. Он знал, что это значит: уходи и не возвращайся.

Если говорить о фактах жизни, мы всегда очень честны. Мы не сочиняем детям басен и не понижаем голоса, рассказывая сексуальную историю. Но у нас сильно чувство уединения, умения не замечать. Оно очень важно, ведь мы умеем уединяться даже при отсутствии настоящего уединения. В типи спит вся семья, да и сегодня в одной комнате часто живет много людей, а вам нужно уметь сохранять уединение – свое и окружающих. Вы словно не слышите шепот, стоны и возню, хотя знаете, что Па и Ма занимаются любовью, ибо каждый год появляется новый маленький брат или сестра, как живое тому доказательство. Мы, индейцы, учимся заниматься любовью как дикобразы - очень осторожно. Не потому что скрытны, просто никому не хотим показывать свои чувства и проблемы, привлекая их участие.

У нас есть особое слово для сексуальной стыдливости - вистелкийя. Это застенчивость родственников - мужчин и женщин - означающая, что вы не произносите имена кое-каких родственников, не смотрите им в лицо и не беседуете с ними напрямую. Мы не стыдимся сексуального акта, но боимся того, что вы называете кровосмешением. Для нас оно хуже всего, о таком зле мы не хотим даже думать, даже слышать о нем.

Можно добродушно посмеяться со свояченицей, заигрывая с нею и подшучивая. Она в ответ заигрывает с тобой. Если ты хоть раз выйдешь за границы - это приведет к большому скандалу, к чертовой драке с ее мужем. Но это не является чем-то стыдным или неестественным - просто плохое поведение.

Совсем иначе с собственными родичами мужчины - его сестрами или кузинами. Ты не смотришь им в глаза, обходишь, не касаешься их. Девушка тоже избегает братьев и кузенов. Между мужчиной и его тещей, женщиной и ее тестем - словно кирпичная стена. Они полностью избегают друг друга. Вот почему родичи со стороны мужа или жены похожи на настоящих родителей. Связаться с тещей - все равно, что спать со своей мамой; тебе ведь такое и в голову не придет.

Я знавал молодого человека, который был дружелюбен со старой леди. Он любил заглянуть к ней, чтобы поболтать или съесть кусочек пирога. Они по-настоящему нравились друг другу, но вскоре юноша завел любовь с дочерью старой леди. Он любил ее как жену, у них

появились дети, но он не женился. Ведь тогда старая женщина, которую он сильно любил, стала бы его тещей. И они перестали бы быть друзьями.

Трудно полностью избегать тещи. Случайно оказавшись в одной комнате, зять нервно усаживается в один угол, она - в другой, подальше друг от друга. Он голоден и бормочет себе под нос, но достаточно громко, чтобы она услышала: "Неплохо бы, если кто-нибудь приготовил мне поесть". Он говорит не с нею, понимаете; он просто думает вслух. Но ей вдруг приходит идея поставить котелок на старую деревянную печку. И она говорит – тоже себе: «Ленивцы, никто не нарубил дров сегодня. Хоть бы кто-нибудь это сделал". Ну вот, и юноше внезапно приходит в голову выйти и нарубить дров. Вот один способ общения. Мой отец всегда был жутко старомодным. Он никогда не говорил с тещей. Желая что-то сказать, он обращался к жене, а та уже передавала маме.

Еще наши сексуальные верования с осторожностью относятся к женщине во время месячных. Мы называем это иснати – одинокое житье. В прежние времена девушка оставалась одна в маленькой хижине четыре дня, только мать ходила порой покормить ее. Мы не считаем менструацию нечистой или стыдной. Наоборот, когда у девушки в первый раз приходят месячные, родители почитают это событие священным, превращающим ее в женщину. После первого иснати в ее честь устраивается большой пир с раздачей подарков.

Но в менструации есть странная сила, способная навредить при некоторых обстоятельствах. Порой сила вредит девушке, иногда кому-то еще. Если девушка во время месячных выделяет звериные шкуры, у нее может вскочить нарыв. Она воздерживается от разных дел, как мужчина четыре дня воздерживается от сексуальной связи перед видением поиска или иной религиозной церемонией. В это время женщина не приближается к священной знахарской связке и не участвует в церемониях. Наши юные женщины больше не живут отдельно во время месячных, но мы по-прежнему стараемся, чтобы их сила не сталкивалась с силой знахарей. Это причинит вред им обоим.

Если в животе женщины растут двое малышей, если она собирается родить близнецов, а вместо рождения двух детей в ее утробе образуется одно полуженское, полумужское существо, мы называем такого человека винкте. Он может быть гермафродитом с женскими и мужскими признаками. В старые дни винкте одевались как женщины, готовили и вышивали бисером. Они вели себя подобно скво, и не ходили на войну. Для нас человек таков, каким его сделала природа или видения. Мы принимаем его таким, каким он хочет быть. Это возвышает его. Но отцы не любили, когда их мальчики шатались возле жилища винкте и прогоняли их.

Среди винкте есть хорошие мужчины с немалым могуществом. Насколько я знаю, белый никогда не брал интервью у винкте. Вот почему мы пошли в тот бар, где я обнаружил одного такого. Подозреваю, ты не уверен даже, беседовал ли я с мужчиной или с женщиной.

Ну вот, первым делом этот винкте спросил меня: "Не угостишь ли вином?" Я сказал, что он получит все, что хочет, если расскажет мне правду о винкте. Он ответил - если природа обременяет человека, создав его другим, она дает ему и силу. Он рассказал о даре пророчества у винкте, сам он, к примеру, предсказывает погоду. В нашем племени к винкте ходили за тайным именем для новорожденного. Чаще - для мальчиков, но иногда он давал такое имя и девушке. У Иды есть такое. Имя, данное винкте, по поверью, приносит его носителю долгую жизнь. В старые дни за него отдавали хорошего коня, по меньшей мере.

Винкте сказал мне, что эти имена очень сексуальные, даже странные, - очень откровенные имена. Необычнее ты не найдешь; в этом он тебя не обманет. С именем винкте человек мог стать знаменитым. Сидящий Бык, Черный Лось, даже Неистовая Лошадь обладали тайными именами винкте, известными лишь немногим. Винкте в баре делает маленькое пророчество, сказав женщине, что она проживет до восьмидесяти лет, и получает за это изящную пару мокасин. Он лечит и болезни, используя целебные травы, известные винкте. Ну вот, этот мужчина-женщина сказал мне, что в старые дни винкте обычно называли друг друга сестрами, их хоронили на особом холме. Я спросил его: когда он умрет и пойдет на юг, кем он хотел бы быть в стране духа - женщиной или мужчиной. Он ответил, что хотел бы быть ими обеими. Это было длинное интервью, длиной в две бутылки вина.

Антропологи вечно таскаются за нами, желая узнать о сексуальной жизни Мистера Индейца. Долгие годы обычным был вопрос - "Кто убил Кастера?". Ныне - "туземные образцы сексуальности". Одна леди антрополог средних лет зашла так далеко, что попросила индейца раздеться и встать перед ней. Она хотела, чтобы он держал свое военное знамя поднятым, и приглашала уже на третью вечеринку зарисовать его. В интересах науки, я думаю. Но индеец почтительно отказался. Кое-кто высмеивает антропологов, рассказывая им дикие истории, подшучивая над ними. Звучит это примерно так:

Антрополог: Как ваша сексуальная жизнь?

Индеец: Прекрасно. А ваша как?

Антрополог: Вы всегда в одной и той же позиции?

Индеец: Да, я водитель госпиталя вот уже двадцать лет.

Антрополог: Есть у вас табу на ваш орган?

Индеец: Единственный парень в округе с органом - католический священник. Вам стоит увидеть его за работой.

Иные наши люди сильно развлекаются в таких делах.

Я знаю веселого парня, который ухаживал за девушкой с намерением жениться. Но сначала они решили сдать кровь на тест. Они пытались, но все как-то шло не так. То автомобили застревают в грязи, то кончился бензин, то снег валил как в преисподней. Наконец однажды все состыковалось. Автомобили были на ходу, и погода была подходящая. Он взял в поездку и ее родителей. Они прибыли в кабинет доктора, но того куда-то вызвали, тогда они договорились вернуться на следующий день. Устроившись на ночлег, тот весельчак и его девушка хорошо провели ночь. А утром он раздумал жениться. Но парень не хотел разочаровывать ее родителей, проделавших такой долгий путь. Он широко им улыбнулся. "Послушайте, когда вы женились, у вас ведь не было теста на кровь. Значит, вы женились неправильно. Я проведу вас". Он проводил их в кабинет доктора, и родители сдали тест на кровь.

Пару лет назад я случайно оказался в кабинете управляющего. Дверь открывается и входит пухленькая леди, толкая перед собой человека с большим пером на шляпе. Она говорила по-индейски с оттенком непристойности: "Этот мужчина противный. Мы поженились две недели назад, и он все время занимается любовью. Он любит меня просто до смерти. Вам следует остановить его". Муж молчит; он только сонно смотрит.

А у нас как раз только приехал новый управляющий, и вот он рассматривает первое дело. Я перевожу. Эта женщина не перестает жаловаться; она идет все дальше и дальше. "Я

несчастлива. Этот старый козел не перестает вовсе. Мы совсем не спим. Что вы скажете, Управляющий?" Управляющий краснеет. И начинает объяснять: "Мы, белые, называем это медовым месяцем. Великое время. Будьте счастливы. У него права мужа. Дайте ему еще одну попытку". Я пытаюсь не рассмеяться, переводя все это. Я говорю ей "медовый месяц", но индейцу это ничего не говорит. Она просто закипает: "Мед, месяц, что это значит. Этот белый чокнутый". Управляющий все багровее и багровее. Он повторяет снова и снова по-английски: "ме-до-вый ме-сяц, ме-до-вый ме-сяц". Я говорю ей по-индейски: "Белый делает это с начала и продолжает все время. Вот что означает медовый месяц. Так и у тебя". Она бросает на управляющего грязный взгляд и говорит: "Если я умру преждевременно, это будет на твоей совести". И она толкает мужа в дверь. "Окей, старик, пойдем и тавитон, тавитон, тавитон, пока не умрем". У вас есть слово для тавитон, но оно короче.

Видишь, у нас нет великих сексуальных проблем. Может, у старожилов были, ведь у них было много жен. В двадцатых я как-то спросил старика, у кого было некогда шесть жен. «Как ты это выдерживал?» Он открыл мне тайну. Он сказал: "Ты не выделяешь любимиц. Твоя первая жена может быть старой и сморщенной, а шестая - юной и темпераментной. Но ты хорош со всеми. Ты прекрасно проводишь с ними время, с одной за другой, но не "хлоп" с самой старой. Ты сохраняешь это для юной и горячей".

Во времена моего детства был еще у нас один старик, который открыто жил с двумя женами. Однажды миссионеры пришли к нему и сказали: "Вождь, на тебя смотрит все племя, а иметь две жены - дурной пример для них". Старик глянул сурово на миссионера и сказал: "Иди к ней сам и скажи!" И этому пришел конец.

Секс и знахарь? Ну, как я сказал раньше, ему платят не за добродетель, а за силу. Знахарь узнает все о жизни и сексе. Для него это важнее всего, и, конечно, знахарь лечит и сексуальные болезни. Один знахарь, мой учитель, говорил мне, что вылечил нимфоманию травами. Если она была несчастна, все правильно, но если она была счастлива, зачем ее лечить?

Есть снадобье, прерывающее беременность, такой травой знахарь может промыть утробу женщины безо всякого вреда, словно как касторкой белого человека. Но нам вовсе не нравится помогать женщине избавляться от детей. Мое лечение – правильное действие. В резервации люди часто просят у меня эту траву, но я не даю и не продаю ее; это самое лучшее. Но, если дух шепчет мне, что женщине лучше не рожать, когда я знаю, что у нее внутри уродливый или заторможенный ребенок, тогда я использую так называемое снадобье плоти.

Что я думаю о контроле над рождаемостью? Ну, я обошел много народа. Расспросил десять моих лучших друзей, и девять из них сказали: "Не хорошо". Один лишь одобрил контроль над рождаемостью, но он же - пьяница, алкоголик. Видишь ли, взрыв рождаемости не сильно нас тревожит. Все эти долгие годы, когда хорошим индейцем был только мертвый индеец, все эти трупы в Вундед-Ни, Сенд-Крике и в Уошите, все эти убитые женщины и дети, корь и малый сифилис, стирающий целые племена – я смотрю, индейцы уже давно превысили контроль над рождаемостью в сотни раз. Наша проблема - выживание. Перенаселение – ваши заботы.

Иные чары заставляют девушку влюбиться в мужчину. Я могу развести пару, заставить мужчину оставить жену, или женщину покинуть мужа. Денежное дело колдуна-лекаря, но я

оставляю его колдунам. Я никогда так не делаю. Я могу пойти в холмы за растениями со скатанными в шар семенами, оно действует как шпанская мушка. Кладешь два или три таких семечка в питье или сэндвич девушки, и вскоре она самым приятным образом расцарапает и искушает тебя всего. Оно действует и на юношу. Я сделаю старика молодым, по-настоящему молодым. Но я храню и этот секрет. Ну, может, когда ты и твоя жена состаритесь и ссохнете, я не оставлю тебя без помощи.

9. Знахарство, хорошее и плохое

Я - знахарь, вичаша вакан. "Знахарь" - слово белого человека, как и скво, сиу, томагавк. Таких слов нет в индейском языке. Я искал слово получше для прояснения смысла "знахаря", но, как и вы, не нашел, поэтому пусть будет знахарь. Но оно не передает различные нюансы, возникающие в уме индейца, когда вы говорите "знахарь".

У нас много имен для разных людей с разными занятиями, а вас для них есть только одно тщедушное название. Во-первых, мы выделяем травника - пезута вакан. Он лечит не только травами, у него должна быть и вакан - сила исцеления. Еще у нас есть увипи - связанный человек, использующий силу сыромятных ремней и камней для поиска и лечения. Мы также говорим о ваайтан – предсказателе грядущих событий, кому дана сила предвидения. Его предсказания всегда верны и называются вакиньянпи. Так еще называют крылатых, ибо сила предсказания будущего приходит от них.

Затем есть вапийя - колдун - как вы называете чародея. Добрый колдун занимается вааназин - прогоняет болезнь, вытаскивает и высасывает из вашего тела предметы зла, попавшие в человека со злым духом. Вроде особого кролика, который втыкает вам в тело острые листья травы и кусочки игл дикобраза из своей земляной норы, отчего то покрывается нарывами.

Плохой же колдун сам загонит в вас болезнь, которую только он и может излечить - за плату. Среди таких людей есть обманщики. Они дают снадобье солдату, которое должно защитить его, сделать пуленепробиваемым, обеспечить безопасное возвращение домой. Если парень возвращается невредимым, они забирают плату. Если нет, - ну, это просто плохо.

Другой тип знахаря - хейока, священный клоун, - использует в исцелении людей силу грома. Если же натягивать слово большим одеялом на всех, то под него попадет даже глава встречи пейотля, он тоже будет считаться знахарем. Но чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что единственный настоящий знахарь - вичаша вакан, священный человек. Он может и лечить, и предсказывать, и беседовать с травами, он приказывает камням, руководит пляской солнца и даже меняет погоду, но для него все это не очень важно. Они - просто ступени. Вичаша вакан уходит дальше, у него есть ваканья вованьяке - великое видение. Сидящий Бык был таким человеком. В видении пляски солнца у Скалы Знахарского Оленя он увидел, как множество солдат в синих мундирах погибают в индейском лагере, и услышал голос: "Я отдаю их тебе, ибо у них нет ушей". Сидящий Бык понял, что индейцы выиграют следующую битву. Он не сражался сам, он не командовал людьми, он делал ничего, просто заставил свою мудрость и силу трудиться на благо своего народа.

Вичаша вакан хочет быть самим собой. Он хочет уйти от толпы, от ежедневных дел. Ему нравится созерцать, опершись на дерево или скалу, ощущать дрожь земли под собой и вес

великого пылающего неба над ним. Так он узнает обо всем. С закрытыми глазами он многое видит ясно. Видение с закрытыми глазами имеет смысл.

Вичаша вакан, завернувшийся в одеяло, любит молчание - громкое молчание с громоподобным голосом, который многое рассказывает ему. Такому человеку нравится сидеть в тишине, когда слышно только жужжание насекомых. Он смотрит на запад, моля о помощи. Он беседует с растениями, и они отвечают ему. Он прислушивается к голосам вама каскан – всего живого на земле. Он наедине с ними. К нему приходит нечто от всех живых существ, и что-то постоянно исходит из него. Я не ведаю, откуда и что, но оно есть. Я знаю.

Такой знахарь и не хорош, и не плох. Он живет - и все, этого достаточно. Белые платят проповеднику за «праведность», приличное поведение на публике, за белый воротничок и воздержание от определенного сорта женщин. Но никто не платит индейскому знахарю за хорошее и правильное поведение, за приличия. Вичаша вакан просто действует сам по себе. Ему дана свобода - свобода дерева или птицы. Свобода может быть прекрасной или уродливой; это не важно.

Знахари – и травники, и священные люди – все действуют по-своему согласно своим видениям. Великий Дух хочет, чтобы люди были разными. По его воле человек любит отдельного зверя, дерево или траву. По его воле людей влечет к любимым местам на этой земле. Им там так хорошо, что они говорят: «Здесь я счастлив, я часть этого края». Великий Дух един и многообразен. Он - часть солнца, а солнце - часть его. Он может быть в птице грома, в животном, в растении.

И человек многообразен. Что бы ни составляло воздух, землю, травы, камни - оно так же часть наших тел. Нам нужно учиться быть разными, чувствовать и пробовать наше многообразие. Вакан Танка учит зверей и растения их поступкам. Они не похожи. Птицы отличаются друг от друга. Одни выют гнезда, другие - нет. Одни звери живут в норах, другие - в пещерах, третьи - в кустарнике. Некоторые бродят бездомными.

Даже звери одного вида - два оленя, две совы - ведут себя отлично друг от друга. Даже хомячки твоей дочки различаются в поведении. Я изучил много растений. Листья одного растения на одном стебле - не похожи. На всей земле не найти двух одинаковых листьев. Великому Духу это нравится. Он лишь грубо намечает тропу жизни для всех созданий земли, показывает направление - куда идти, куда приходить, но разрешает идти по-своему. Он хочет, чтобы все действовали независимо, согласно своей природе и порывам.

Если Вакан Танке нравятся такие поступки растений и зверей, даже маленькой мышки и жука, то какое же отвращение он испытывает к людям, которые одинаковы во всех своих делах и поступках, одеваются в одинаковую магазинную одежду, ездят в одинаковой подземке, работают в одном и том же офисе на одной и той же работе, глядят на одни и те же часы, и хуже всего, постоянно думают одинаково. У всех созданий своя цель. Даже муравей понимает цель - не умом, чем-то иным. Только люди пришли к тому, что не знают цель своего существования. Они не используют ум, они забыли тайное знание своих тел, своих чувств, своих снов. Они не используют знание духа, заложенное в каждом из них. Они даже не осознают этого и ковыляют, спотыкаясь, по дороге в никуда – по асфальтовому шоссе, которое сами же и сделали бульдозером и катком, чтобы быстрее идти к большой пустой дыре, которая ожидает их, и в конце поглотит их. Шоссе – быстрое и удобное, но я знаю, куда оно ведет. Я вижу это. Это было в моем видении, и я дрожу при одной мысли о нем.

Я верю, знахарь величественнее всего. Это состояние ума, взгляд и понимание земли, ощущение всего окружающего. Я - вичаша вакан? Подозреваю, что да. Что еще я могу сделать или сделаю? Вы смотрите на меня в заплатанной изношенной рубашке, в стоптанных ковбойских ботинках и со слуховым аппаратом, свистящим в моем ухе, вы смотрите на хлипкую лачужку с дурно пахнущей уборной, которую я называю своим домом – и все это не подходит к представлению белого о священном человеке. Ты видел меня пьяным и побитым. Ты слышал от меня ругательства или сексуальные шутки. Ты знаешь, я не лучше и не мудрее других людей. Но я был на вершине холма, получил видение и силу, а остальное – просто бирюльки. И видение никогда не оставляло меня – даже когда я сидел в тюрьме, рисовал забавные объявления на забегаловках, был в салуне, или же был с женщиной, а тогда особо.

Я знахарь, ибо сновидение повелело мне стать им, мне велено стать знахарем. И старые священные люди - Грудь, Громовой Ястреб, Чипс, Хорошее Копье - помогли мне им стать. И я ничего не могу, да и не хочу с этим поделаться. Я могу вылечить вашу болезнь глотком чистой холодной воды и трудом своего видения. Не всегда, но частенько. Я хочу быть вичаша вакан, человеком, чувствующим горе других. Чужая смерть делает меня несчастным. Юная женщина с ребенком погибли той ночью на шоссе. Я так глубоко переживаю о них. На рассвете я помолюсь за них Великому Духу. Я наполню мою трубку и предложу ее во имя их. Я всегда так делаю. Поверишь ли ты, когда Роберт Кеннеди был убит вскоре после встречи с нами, индейцами, я пошел в потельню и сделал приношение ради него. А можешь ли ты представить, чтобы белый молился за Неистовую Лошадь? Я прошел через все фазы - исцеление травами, увипи, пейотль. Я просто взял свою трубку и ушел от них к высшей точке.

Я хочу рассказать побольше о путях наших знахарей, еще живых и уже ушедших. Я закрою глаза и буду думать, пока говорю, я дам духу говорить через меня. Это воспоминание. У нас есть особое слово для такого воспоминания, - ваки-ксуа. Оно значит - воскресить в памяти, вернуться в прошлое, связываться с духами, получать от них послание, прийти в умы мертвых друзей и услышать их голоса снова, даже получить видение. Не нужно мне привидений. Я не хочу делать все это сейчас. Я просто хочу откинуться и закрыть глаза, позволив прийти чему-то еще. Я просто буду говорить и дам словам волю.

Ты становишься пезута вакан, знахарем или целителем по велению сна. Ни одному человеку не снятся все виды целительства. Ты лечишь только то, чья сила тебе знакома. Ты не наследуешь ее; ты трудишься и постишься ради ее получения, ты ищешь снов, а она не всегда приходит. Да, в некоторых семьях есть целые династии хороших знахарей, а если среди твоих родичей есть священный человек, то он помогает, учит тебя, старается передать тебе свою силу. Иногда это выходит, но не всегда. Знахари - не лошади. Их нельзя вывести как породу. Нынче можно дать парню машину и научить ее водить, но если в баке нет бензина, учеба и машина не помогут ему поехать. Порой сила перескакивает через поколение и переходит к внуку.

В старости знахарь пытается передать свое видение и силу сыну. Но и наследственная сила порой не передается. Если же человек не получает силу несмотря на все обучение и мольбы о видении, он поймет это и чаще всего будет честен и прекратит попытки. Но порой человек прикидывается знахарем, претендует на то, чего у него нет. Это приносит несчастье его же дому. Пытаясь дурачить других, он только себя одурачит. И большинство людей этого не делают.

Один из наших величайших священных сиу был старый Чипс. Без него, может, и наша религия умерла бы. В самые темные годы он хранил свое видение живым, трудился на благо людей. Он был настоящий вичаша вакан. Если бы он не учил нас, ныне у нас не осталось бы знахарей. Он почти все делал сам. Ну вот, он передал силу сыну Эллису Чипсу, хорошему человеку. Но настоящая великая сила старого священного человека перешла к его внуку Годфри, которому пока еще шестнадцать. Сперва сила была дана его старшему брату. Но юноша не умел обращаться с нею. Он слишком любил крепкие напитки, пропуская то и дело стаканчик или два. "Снимите с меня эту ношу, - сказал он. - Мне это не нравится".

И сила вернулась в младшем мальчике Годфри. Никто не пытался передать силу ему. Его толкали духи, увипи, они говорили с ним три месяца. Он не понимал их и сначала пугался. Наконец он рассказал все отцу, а тот ответил: "Почему ты не попросишь вложить что-нибудь тебе в ухо, чтобы понимать их?" Ну вот, так мальчик и сделал, и увипи подсказали ему, какую траву искать. По велению отца он натер ухо этой травой и понял слова духов. Они велели мальчику стать их толкователем, и Годфри начал напрямую пересказывать слова увипи. И с этой ночи он стал их глашатаем. Ему было всего тринадцать лет, когда это случилось. Он - наш самый юный увипи.

Но, с другой стороны, он - жизнерадостный, нормальный мальчик. Он играет в обычные мальчишеские игры, ему нравится разбирать всякие машинки и устройства и выяснять, как они работают. Единственное, в чем он отличается от других детей, - он никогда не дерется. Если другой мальчик бьет его, он не отвечает на удар. И не подходит к девушке во время месячных, ибо это навредит им обоим. И если в обычной жизни он - нормальный симпатичный ребенок, то ночью он - очень могущественный увипи. Семья Чипса была связана родством с Вождем Неистойой Лошадью, и люди говорят, дух великого воина порой присутствует в церемониях юного Чипса. Один из духов очень сильный, верно. Порой он ломает вещи, бьет тарелки, почти крушит комнату.

Ну вот, неистовая Лошадь был воином, не знахарем. Он был человекоубийцей, но у него были странные силы, вроде гальки за ухом, которая делала его неуязвимым для пуль. Он еще носил целебную траву - санту бу, красную траву - как свое вотаве, свое особое снадобье. Сила Неистойой Лошади еще вокруг, как искры двух кремней, и она могущественна. У меня есть сын, ты его не видел. Порой я думаю, что у него есть нечто от этой силы воина. Годами он работает каскадером в Голливуде, делая сумасшедшие, дьявольски опасные трюки. Но он ни разу не поранился, даже оцарапался. Подобно Неистойой Лошади он не подвержен вреду. Это придает уверенность.

Когда стало ясно, что юному Чипсу суждено стать шаманом, родители забрали его из школы. В таких случаях мы обычно не поступаем иначе. Нельзя одновременно ходить в белую школу и идти дорогой шамана. Я знаю отца, чей мальчик показывал знаки вакан. Отец выгнал бездельников чиновников с охотничьим ружьем. Этот мальчик не умеет читать и писать, но он вырос и стал известным знахарем.

Когда за Годфри Чипсом приехала индейская полиция, их машина перевернулась, а один полицейский вывихнул плечо. Больше его не беспокоили. Теперь у него есть свидетельство, где говорится, что он живет традиционным индейским образом, и ему не надо ходить в школу.

Мы все хорошо знаем, как велики его силы. Одна семья проехала 200 миль к нему за помощью. Их маленький мальчик бесследно исчез, и они просили юного Чипса найти его.

Годфри провел церемонию, спросил духов и передал родителям: "Я вижу вашего сына, и вы увидите его через семь дней, но я не знаю, обрадуетесь ли вы, увидев его". И он рассказал, как его найти. Позднее он отвел меня в сторону и сказал: "Дядя, я видел этого мальчика. Я не хотел говорить его отцу, но ребенок умер. Я видел его. Он был еще жив, но в видении я видел, как он тонет в Миссури. Я могу описать, где он сейчас, но не хочу. Я знаю, что должен говорить правду, но, может, не всю сразу". Чипс был еще так молод, и сказать правду родителям было тяжелой ношей для него. Чересчур тяжелой. Они нашли того бедного мальчика спустя семь дней, как и предсказывал Годфри Чипс.

Стать знахарем можно по-разному - как Чипс после беседы с увипи, или с помощью ханблешия, поиска видения. Может повезти, и тебе передаст силу священный человек. Скоро и мне предстоит искать юношу, чтобы передать ему свою силу. Когда он появится, я узнаю его. Я почувствую: это он! Эта сила подобна АС и ДС. Белый проповедник идет по АС. Он верен ей, что бы ни случилось, она идет прямо вперед и исчезает. И никогда не возвращается. Я на ДС. Линия может быть обрезана, порой возвращается, движется бесконечным кругом. Я жду другого знахаря, чтобы сила не прервалась. Я жду наследника.

Чаще всего человек становится знахарем с помощью видения. Сон – дело очень личное; никто не увидит точно такой же. Кое-что во сне будет только для этого человека, особый секрет. С другой стороны, частью сна он поделится с другими знахарями - общее видение держит всех вместе, приходит из общей крови, из самой прерии. Знахарство привязывает человека к его народу, как ремнем увипи.

Я уважаю другие религии, но мне не нравится, когда они меняют природу и становятся чем-то другим. Вы сделали Иисуса блондином. Мне не интересны белокурые синеглазые картинки очищенного хлоркой Христа. Вам понравилось бы, заплести я Христу косы и воткни в них перо. Меня назвали бы чокнутым индейцем, не так ли? Иисус был евреем. У него не может быть желтых волос англосакса. Я уверен, что у него были черные волосы и смуглая кожа как у индейца. Белые ранчеры в округе не выдали за него своих дочерей, им не понравилось бы, если бы он пил с ними в салуне. Его религия вышла из пустыни, где он жил, из его гор, из его зверей, его растений. Вы пытаетесь превратить его в Англосаксонского Чистокровного коммивояжера, длинноволосого Билли Грэхема в фантастической ночной рубашке, а потому он больше не помогает вам. Он был хорошим знахарем, я думаю. Если вы почитаете Библию, то ясно увидите в нем силу целительного прикосновения. Он был и хиппи. Хиппи - на нашем языке означает примерно: "Он здесь, мы здесь, это здесь". И я не против белого юноши с длинными волосами и бисерной головной повязкой, когда он приходит ко мне и просит поучить индейской религии, даже молится с нами. Но я буду против, если он попытается изменить наши верования, приспособить их к своей культуре, прогрессу, цивилизации. Я очень сильно буду возражать. Нельзя забрать наши верования из наших Бедлендс, из прерий и поместить на ваши заводы или в офисы.

В одной из резерваций сиу построена для индейцев большая католическая церковь - в форме гигантского типи. Над алтарем висит рядом с крестом большая трубка мира, словно уверяя нас, что Иисус был увипи. Она говорит: приходите все люди пейотля, знахари, хейока и лосевидцы, приходите, все индейцы и проводите богослужение у нас. Это как ханблешия, как встреча пейотля: все одинаково, без всяких различий. Мне это не нравится, и другим тоже. Это мошенничество. Ибо разница есть, и будет всегда, пока жив хоть один индеец. Наши верования пустили глубокие корни в нашу землю, не важно, что вы сделали с нею, как ее

заасфальтировали. Если вы оставите этот бетон без присмотра на год или два, наши растения, туземные индейские растения, пробьют его и прорастут травой.

Чтобы стать знахарем, человек должен найти видение в природе. На западе человек получает силу от бизона. С севера к нему приходит сила от громовников. На востоке мощь является ему силой духа коня и лося. На юге он берет силу призрака. С неба он получит мудрость великого орла. Из-под земли - силу материнской еды. Так становятся вичаша вакан и начинают понимать тайный язык, говорить со священным, работать с камнями и травами, использовать трубку.

Много силы идет от зверей, и у большинства знахарей есть особое животное, увиденное в первом видении. Человек никогда не убьет и не ранит такого зверя. Знахари могут быть бизоно-, орло-, лосе- или медведевидцами. Все четвероногие и крылатые создания способны принести человеку видение, но прежде всего - медведь. Медведь - мудрейший из зверей, как считают знахари. Если он приснился человеку, последний может стать великим целителем. Медведь – единственный зверь, который во сне действует как знахарь и дает травы людям. Он лапами выкапывает особые целебные корни и часто показывает человеку в видении, какое снадобье использовать.

У старых знахарей в священных связках обычно хранились медвежьи когти. Когти эти втыкаются в тело больного, позволяя проникать в него целительному медвежьему снадобью. Многие песни медведевидцев кончаются словами - Мато хемакие - медведь сказал мне это. И все понимают, кто отдал знахарю свою силу. Редким и великим даром медведевидцев был скрепление сломанных костей. У них есть особое медвежье снадобье - хухувенханхан пежута, - они смешивают его с жиром и смазывают сломанную руку или ногу. Они умеют поставить кость на место, туго завернуть ее в мокрую сыромятину, и через месяц человек снова ступает на сломанную ногу или натягивает лук излеченной рукой. Так мне старики рассказали. И, скажу вам, это было дешевле, чем в больнице.

Медвежьи знахари умели лечить. Наши старики до девяноста и до ста лет доживали со всеми целыми зубами. Посмотри вокруг, молодые индейцы едят дешевую еду, и у большинства почти нет зубов. Современная еда, сияющие новые больницы и плохие зубы словно идут вместе. Но мы были некогда здоровыми. Эти старики, - воины, которые сражались с Кастером, - еще встречались между собой в тридцатых и сороковых. Некоторым было свыше ста лет, а они сидели на лошади и жевали жесткое мясо. У них были духовные встречи в темноте. Я помогал им петь. Я научился большинству увипи песен у пары братьев близнецов. Мы пробирались тайком на такие вечеринки, ведь правительство пыталось отговорить нас, как убрало оно силу индейских лекарей.

Лосевидец не менее могущественен, чем медвежий человек. Лось означает много хорошего - силу, юность, любовь. Лось храбр; он защищает свое стадо. Лосевидцы присматривают за женщинами, за усталыми и беспомощными детьми. Они жалеют бедного. У них есть подход к девушкам. Но они - не ловеласы. Они относятся к женщине с уважением и нежностью, но у них есть любовная сила. Женщины знают это. Приближение лосевидца они чувствуют прежде, чем увидят его. Они начинают суетливо оглядываться, почесываться, беспокойно поправлять юбки, хотя никто ничего не говорит им. Это исходит от лося. Просто понаблюдайте, как лось защищает свой гарем, всегда вставая между самками и опасностью.

Лось - силач. Несмотря на огромные рога, он бежит сквозь густой лес, пробираясь через самые густые заросли. Непонятно, как он делает это. Он дружит с деревьями, он сам похож на дерево: его рога подобны ветвям.

Хозяин лося получает силу от этого зверя. Она обращает его зрение внутрь и проникает в мозг, наполняя все тело вакан. Лосиный человек получит хороший голос и станет прекрасным музыкантом, флейтистом. Его флейта, сийотанка, чарует, поет любовные песни, которыми юноша призывает девушку. Звук расходится далеко; даже звери в лесах любят его. С ним приходит добрый настрой. Лосиный знахарь вырастает подобно своему зверю. Он оставляет лосиные следы, показывая свою силу. Лосиный дух приходит с щелчком ноги по земле, как железной шпорой. Я испытывал такое. Лосевидцы обычно носят маски при исцелении людей. Они всегда носят маленький обруч из игл дикобраза в волосах, ибо круг - один из символов лося. Лосиный человек хорошо исцеляет больных женщин. Он делает сильнее охотничьи чары, и чары любовные. Он проводит церемонию хехака лованпи. Он знает лосиные песни. Он лечит лосиным снадобьем - хехака тапежута - как вы называете конскую мяту, она растет в сухих холмах и выглядит как барабанная палочка с маленькими красными и пурпурными лепестками. У нее хороший запах. Эта мята – снадобье для крови. Надо пожевать листья и положить на рану и плохие порезы. Она остановит кровь и быстро заживит рану. Мы используем ее и как чай от кашля и тошноты. Лосиное лечение очень по-разному лечит разные болезни.

Наши знахари бизона, койота и барсука также используют силу, данную им своими животными. Я однажды видел змеинового знахаря за работой. В 1919 году я был знаком с человеком, которого укусила большая прерийная гремучка. Она цапнула его дважды, за лодыжку и чуть повыше. Нога опухла и изменила цвет. Человеку было жутко больно, его рвало. Семья позвала к нему змеинового лекаря Черного Месяца из Черри Крик, умеющего извиваться телом, как змея. Даже его язык подобно змеиную молнией мелькал во рту. Его глаза были способны смотреть прямо и жестко, без всякого выражения, как у гремучки. Он сказал больному: "Змея - мой друг. Гремучки, синие змеи, бычьи змеи - они все мои друзья. Я получил силу. Если ты поверишь мне, я излечу тебя за четыре дня. Я даже не дам тебе снадобье, хотя оно есть у меня, цуцка тапежута, трава медвежий язык. Но мне оно не нужно".

Черный Месяц затем провел канкакпа. Он посмотрел на сочившиеся кровью укусы от клыков гремучки. Черный Месяц взял острую палочку, раздвоенную как змеиный язык, в ее развилку положил десятицентовик и туго обвязал ниткой из кишки ногу и палку, а потом, энергично щелкая, проткнул большую вену. Я увидел хлынувшее темное зеленоватое вещество. Вскоре зелень вышла, и кровь снова стала красной, змея отправилась ко всем чертям, сказали бы вы. Как и сказал знахарь, после кровопускания человеку стало легче, а через четыре дня он был как новенький.

Такое кровопускание, канкакпа, используется нами при множестве недугов. Вы протыкаете вену, и кровь выходит, убивая болезнь. Если ваша кровь не слишком темна, знахарь протыкает вену лишь на одной руке. Это помогает при экземе и воспалении глаз. В ином случае он протыкает все четыре конечности. У человека с сильным давлением крови - кровь темная. Знахарь ожидает, пока кровь не посветлеет, а потом кладет паутину на место канкакпа. Паутина лучше всяких йода и перекиси. Через четыре-пять дней больной отлично себя чувствует, словно выйдя из потельни.

Птицы тоже дают силу знахарю. Возьми Джорджа Орлиного Лося. Он получил много силы от орла, и при лечении у него ты слышишь и чувствуешь присутствие большой птицы. Старый Джордж лечит человека четыре дня. Он использует все виды трав, делая из них что-то вроде супа или чая.

Посмотри на небо, когда я готовлюсь к потельне перед большой церемонией. Чаще всего ты увидишь кружащего орла, просто черную точку, летающую по кругу. Сила орла всегда здесь. Крайне священна и сова. Она просыпается, когда люди и звери засыпают. Она видит в темноте, летает в ночи, дарит нам сны. Я уважаю ее. Я никогда не причиню вреда совиному народу. Канюк, хека, - предсказатель погоды. Когда он прилетает, заканчиваются холода и снегопады. Другая птица предсказательница - мастекола, жаворонок. Всегда жди хорошей погоды, когда он взлетает к облакам. Его песня звучит: "Мастеко, мастеко - я люблю теплый воздух".

Хунтка - водная птица: если в нее попадет стрела, она нырнет и вернется без стрелы, будто ничего не случилось. Вакинъела - траурный голубь - курлычет м-м-м, и это означает присутствие рядом призрака. Все время знахарь учится у природы, слушая ее голоса.

Мы говорили о священных людях, целителях и пророках. Я должен рассказать и о колдуне, вокабийейа. Он делает кийапа, дыханием высасывает из тебя болезнь, вдыхая недуг, вытягивая из твоего тела кусочки игл дикобраза или жесткие травинки, которые воткнул в тебя злой дух или суслик, чтобы у тебя появились нарывы. Колдун работает с вимунге - снадобьем волшбы. Антропологи любят называть его колдовским доктором.

Такое лечение идет от старого верования, что болезнь попадает в нас извне, от чего-то плохого - острых предметов, червей, несвежей воды, душевной боли, огня, посланного вам духами лихорадки. Колдун выдует из вас эти недомогания, высосет их и выплюнет.

Мой дядя Грудь, один из моих учителей знахарей, был колдуном и использовал в своем врачевании магию. Он прекрасно ею владел. У него был квадрат черной ткани и орлиное перо. Он пришпиливал ткань к стене. Была у него и особая могущественная гремучка. Так вот, он пел целительную песню, гремучка кусала больного, и одновременно орлиное перо прыгало на черную ткань, прямо в ее середину. Можно было смотреть на это так часто и так близко, как захочешь. Вот ткань пуста, и вдруг! - как вспышка на ней появлялось перо. Глаз не видел его движения, таким быстрым было перо.

Чтобы вытащить из человека болезнь, Грудь вынимал из мешочка перо или целительные камни и посылал их в тело больного. Они разрядом били парня и исчезали в нем. Перо всегда возвращалось на ткань с прилипшей каплей крови или слизи. Люди говорят, что старики часто излечивали самый застарелый ревматизм таким путем. Грудь хорошо платил за лечение. Он всегда приходил домой с подарками - одеялами, едой, кофе, всем необходимым. Он жил в маленькой однокомнатной хижине со своим имуществом, но много вещей он и раздавал по природной щедрости. Он всегда знал заблаговременно, кто придет искать его помощи. Тогда Грудь пел песенку: "Сегодня я получу немножко денег". И всегда был прав.

Грудь был уважаемым человеком. Он никогда не злоупотреблял своей силой. Он был старомодным целителем, человеком другой эпохи, и никогда не жадничал. Но были колдуны - мошенники и плуты. Даже малую свою силу они употребляли во вред. Такой колдун втыкал

в тебя что-то острое, - иглу дикобраза или зазубренный кусочек камня, - чтобы вы заболели, и только он мог вас вылечить. За плату, конечно. А еще он мог забрать вашу душу, изменить настроение человека. Он был в состоянии разлучить мужа и жену, его заставить полюбить другую женщину, а ее - уйти к другому. И вы платили ему за возвращение супруга. Так называемый знахарь иногда превращался в колдуна, почувствовав, как слабеет, ошибается и больше не может лечить.

Но случалось и наоборот. Человек, злоупотреблявший своей силой, видел, как его дети болеют и даже умирают. Чем больше он получает, тем больше теряет. Вы узнаете хорошего знахаря по его делам и образу жизни. Он живет в простой хижине? Деньги оставляют его безучастным? У него хорошая любимая жена и счастливые дети? Это хороший знахарь, неважно, чем он лечит. Еще хороший знак, когда человек не претендует на умение исцелять все болезни. Если он говорит тебе: "Мое лечение не поможет твоей болезни, но я пошлю тебя к травнику", знай, ты говоришь с хорошим человеком.

Я никогда не пробовал такое колдовство, даже не хотел. Мое видение иное. Но однажды я сыграл шутку с парнями, трюк, какой выкинул бы колдун. Добровольцем в армии я проходил физический тест. Все стояли в очереди, ибо нам велели сдать воду в чашечку. Многие призывники не хотели, чтобы их забрали, и говорили: "О, что бы я ни отдал за диабет или триппер. Тогда меня не взяли бы в солдаты". Я сказал: "Парни, вам повезло. Я страдаю тем и другим – и социальной болезнью, и сахаром. За пару долларов я поделюсь водой со всеми вашими чашками". Самый пылкий парень тут же махнул передо мной зелеными долларами. Конечно, ничего дурного у меня не было. Я был здоров как бык. Я был крайне занят следующий час, выпивая галлоны воды и делясь каплями удобства, я получил больше клиентов, чем мог обслужить. Так я заработал около сорока долларов. Ну вот, у того армейского доктора улыбка была до ушей: "За всю мою жизнь я не видел более здоровой компании парней. Вы все пойдете в пехоту". Пришлось пригласить кое-кого из этих новоиспеченных солдат выпить. Они так разозлились на меня! Если бы я не угостил их пивом, они точно убили бы меня.

Но одно знахарю делать нельзя никогда - лечить женщину при иснати, ее месячных. Это странная и могущественная сила. Если женщина в это время наступит на гремучку, змея умрет. Лепестки цветка в вашей вазе часто засыхают, когда к ним подходит леди с болезнью. Не стоит женщине в таком состоянии посещать церемонию. Ее сила сталкивается с силой знахаря, и наносит вред ей или ему. Она может прийти с особым пером или травой, но зачем испытывать судьбу? Лучше ей оставаться поодаль четыре дня.

Знахарь идет от земли, он читает природу, как белый - книгу. Ему следует разбираться в еде и постах, знать, что давать есть больному. От иной еды больному только еще хуже станет. Старая индейская еда лучше всего - сырые почки, сырая печень, васна, цельный плод коровы. Резервации подобны птичьим клеткам, и мы вынуждены есть птичью еду. Поэтому индейцы не так здоровы, как в давние годы.

Позволь рассказать тебе о лечебных травах и растениях. У трав свой путь, как у живых существ. У нас есть аунейапи - песчаная ягода (?). Так вот, с подветренной стороны она горькая на вкус, а с другой - сладкая. Есть очень необычные травы. Я знаю корни, вызывающие сильный ветер при правильном использовании. Шалфей выгоняет злых духов; свит грасс призывает добрых.

Для желудочной боли мы используем таку-сасала - жгучий сорняк. Он хорош от судорог и поносов. Красный дуб также крепит. Лошадиная мята и чай вербены хороши от желудочных и брюшных болей. Цветки прерийного клевера - от опухшего горла. А его корни прекрасно слабят хорошо. Вагаму пежута - снадобье дыни. Вскипятите дыню и возьмите полчайной ложки. Это сильное горячее рвотное; оно очищает ваши желчный пузырь и почки. Сорняк четырех часов - хуйокихе ханскаска – поможет вам сходить по-маленькому.

Вина визи сикала - род лакричника. Он горький при разжевывании, но хорош при гриппе. Кан макатола - пурпурнолилейное растение. Его порошок хорош от опухолей и шишек. Из санте язапи икусе хороший чай для сердечников. Синкпе тавоте - еда выдр, душистый флаг - самое важное наше снадобье. Его горькие корни хороши против лихорадки. Когда вы размелете их и смешаете с порошком, они помогают при судорогах в ногах и руках. Тате кануга - змеиный корень - поднимает аппетит. Но в нашей резервации нет ни работы, ни денег, и в этой траве мы сейчас не нуждаемся.

Таопе пежута - наше лучшее снадобье для ран. Вы идете в Бедлендс, ищете среди доисторических костей чудовища и находите его с трудом. Оно особенно хорошо от пулевых ран. А еще пежута вахеса, с волосистым красным корнем, который черен сверху, но под кожурой - красный. Из него делают порошок для людей с простреленными грудью и легкими. Одной девушке прострелили тело, а это снадобье излечило ее. Белые доктора отказались от нее. "Она безнадежна", - сказали они. Винавизи хутанка, - я не знаю ее белого названия, - хорошо останавливает геморрой. Он растет во влажных местах вдоль ручьев.

Пурпурный разжеванный василек хорош от змеиного укуса. Растение бабочки прекрасно вызывает рвоту. Красный кедр используется при плохих легких. А великий вождь Красное Облако умел им останавливать самую смертельную эпидемию холеры среди своего народа свыше ста лет назад. Писпиза тавоте - снадобье прерийной собачки - помогает людям при одышке.

Многие травы помогали в вынашивании ребенка, в заботе о малыше и в сексе. Хупе стола - мыльное семя, род юкки - по-настоящему сильное снадобье. Смешанное с кактусом, унксела блашка, оно помогает матери при родах вытолкнуть ее дитя. А используемая иначе она становится хокши юхапи - снадобьем аборта. Если по какой-то серьезной причине женщине нельзя иметь детей, ей дают такую траву, и она не рождает. Этим пользуются осторожно, после долгого раздумья.

Снадобье лила вакан - очень священно и действует двумя путями. Им хорошо ловить и диких коней. Дайте этим животным понюхать ее, они замедлят бег, и вы поймайте их. Еще эта трава убивает вшей, если у вас есть такие проблемы, и одновременно помогает росту волос.

Итопта сапа тапежута - или снег-на-горе - молочай. Его копают в поселениях прерийной собачки и заваривают как чай для кормящих матерей, которым не хватает молока. Размолотые же листья хороши против опухолей. Зеленый молочай хорош при детской диарее. Кан хлоган вастемна - амброзия полыннолистная помогает при плохом вынашивании детей. Она также усыпляет человека, и можно украсть его лошадей, но не стоит с ним воровать машины.

Что до сексуальных снадобий, маленький женский дикий шалфей помогает женщинам при менструальных спазмах. Настойка корней одного из видов капусты скунса - снадобье

контроля рождения. Его надо принимать с осторожностью. Слишком много - и у тебя никогда не будет детей. Но некоторые племена им пользуются. Если человек устал и не в силах встать, змеиный корень окажет большую помощь. Если дать даже крохотное его семечко старику, тот сумеет пройти всю ночь. Я не описываю и не называю его, иначе в поиске его семян все вокруг будет вытоптано белыми из больших городов. Они сойдут с ума из-за этой травы, а меня проклянут за рассказ о ней.

Наконец есть травы для лечения не человека, а коней и рогатого скота. Экологи должны знать о кедре ханте. Он – природный безвредный отпугиватель насекомых. Он прогонит колорадских жуков, если вы измельчите это растение и используете его настой. Есть только съедобные растения, прерийные яблоки, дикий турнепс, который мы называем тинпсила и используем как хлеб. Высохший кустарник - ваше перекасти-поле. А еще у нас есть травы не для лечения и не для еды. Вот пезуниге танка. В старые времена, когда у нас не было спичек, мы зажигали эту траву, и она тлела месяцами. Обычно ее подвешивали перед типи. Тебе нужен огонь, и ты просто раздуваешь ее, пока не разгорится, а потом вешаешь тлеть дальше. Иногда мы пользуемся вообще не травами. Барсучий жир - не растение, но его название говорит само за себя. Это хорошее средство от плешивости. И скажу вам, съеденное сердце черепахи сделает вас храбрым и стойким. Я могу прибавить в этот список еще немало растений и снадобий, но думаю, уже достаточно.

Я хочу поговорить еще вот о чем. Я бывал в Нью-Йорке, Чикаго, в других больших городах, в твоём доме останавливался много раз, встречался с людьми и много слушал. И я немного узнал о том, что вы называете психологией. Я слышал о группах терапии, о встречах диспутах, и понял, что белые люди разрешают свои проблемы играми. Ну вот, нужно тебе сказать, - мы, индейцы, научились этому задолго до вас. Издавна, никто не помнит уже с каких времен, многие церемонии сиу заканчивались подобной "Индийской терапией" - все по очереди говорили о своих проблемах. А хейока, громовидец и клоун, вовсе разыгрывал свой сон на публике, неважно, насколько он смущает окружающих. По крайней мере, мы не платили ему тридцать пять долларов за час.

И очень мудрой была индейская психология, когда знахарь не одевался в фантастические перья и головной убор при проведении церемонии. Ты видел, я молюсь, провожу свадьбу или обряд в старой заношенной куртке и стоптанных башмаках. В этом есть смысл, некая скромность в присутствии духов, но не людей. Он означает, что знахарь должен быть обнажен до самой сути при проведении обрядов. Ценны не упаковка и обертка, а то, что под одеждой и кожей.

Чем старше я становлюсь, тем меньше и меньше провожу обрядов и исцелений, все больше и больше думаю. Я шел с одной ступени на другую, пытаюсь встать чуть выше, молясь о горячем для такого дела.

Я не рассказываю тебе все о наших травах и путях священных людей. Понимаешь, есть вещи, о которых не говорят, они должны остаться скрытыми. Если будет рассказано все, только представьте человека, кто рассказал бы все, и тайны бы не осталось, ведь это было бы очень плохо. Человек не может жить без тайны. Она очень сильно нужна ему.

Если говорить о священных вещах, то первым делом я расскажу вам о инии - потении. Ведь именно в потельне мы издавна очищали себя перед началом всех наших церемоний. Что бы мы ни проводили - пляску солнца или поиск видения - первым было инии. Возможно, инии было нашим первым ритуалом, а потом уже появились все остальные. Многие верят в это из-за древней легенды, истории о Иньян Хокси - Каменном Мальчике.

Вот она. Жила некогда девочка, у которой было пять братьев. Круглый год жили они все вместе. Девочка готовила, шила рубашки из шкур, а пятеро братьев каждый день уходили на охоту. Они преследовали дичь. Едва дичь кончалась в одном месте, они перевозили типи на другое. Однажды они пришли к ручью, текущему вдоль каньона. Это место показалось им очень странным и тревожным, хотя они понимали - почему. Утром братья пошли на охоту, каждый - своей тропой, но с наступлением ночи вернулись только четверо. Они не знали, что случилось с пятым братом. На следующий же день ушли четверо, а вернулись только трое. Все были испуганы, но нужно было идти на охоту и добывать еду. Снова и снова уходили они, и всякий раз один брат не возвращался.

И вот девочка осталась одна. Она не знала, что ей делать. Некому было приносить ей еду и защищать ее. Она даже не умела молиться духам о помощи, ведь в те давние времена у людей еще не появились церемонии или обряды богослужения. У них не было тогда ни плясок, ни трубки.

Девочка не хотела жить одна. Она пошла на вершину холма и плакала, а потом подняла огромный камень и проглотила его с мыслью: "Он убьет меня". Но, проглотив камень, девочка вдруг успокоилась и попила водички. И сразу же камень зашевелился в ней. Это наполнило ее счастьем. Она была беременна, хотя не понимала, откуда появилось дитя. А через четыре дня она родила мальчика.

Этот Каменный Мальчик, Иньян Хокси, рос стремительно. За неделю он вырос, как другие вырастают за год. Мать не разрешала ему уходить далеко, ведь она не хотела потерять его, как потеряла братьев. Они питались травами и корнями. Однажды Каменный Мальчик сделал лук и стрелу. Он взял острый камень, нанес на него зазубрины и приделал к древку стрелы. Это был первый каменный наконечник стрелы. До того охотники пользовались только заостренными в огне палочками.

Увидев лук и стрелу, мать Каменного Мальчика заплакала. Он спросил: "Почему ты плачешь?" Она сказала: "Мне не нравятся эти вещи, ибо ты уйдешь охотиться и не вернешься". И мать рассказала ему, как пропали пять его дядей. Он сказал: "Собери мне пару мокасин и немного еды. Я пойду и отыщу их". Она заплакала: "А если ты не вернешься, что мне делать?" Он только улыбнулся ей. "Я вернусь вместе с дядями".

Рано утром Мальчик отправился в путь, а к вечеру учуял дым. Он двинулся на запах и вышел к типи, перед которым сидела огромная уродливая старуха. Рядом же, поддерживая ее типи, лежало пять больших свертков. Старуха пригласила его заночевать и дала мяса на ужин. С наступлением ночи Мальчик начал устраиваться на ночлег, но старуха попросила: "У меня болит спина. Разотри-ка ее, а еще лучше, походи по ней. От этого мне полегчает". Каменный Мальчик прошелся по ее спине взад-вперед и почувствовал, как из позвоночника торчит нечто острое, вроде копья. И он сказал себе: "Вот чем она убила моих дядей". Высоко подпрыгнув, он рухнул на старуху и сломал ей шею.

Мальчик развел большой костер, бросил в него старую ведьму и сжег ее дотла. Потом он посмотрел на пять больших свертков и подумал: "Может, это тела моих дядей?" Вдруг он почувствовал присутствие духов, услышал их голоса. Они велели ему построить маленькую хижину из ивовых прутьев и шкур, разложить пять связок по кругу, а раскаленные камни из костра бросить в середину круга. Затем следовало принести воду в кожаном мешке и вылить ее на камни.

Он поблагодарил скалы и сказал: "Вы привели меня сюда". Он закрыл хижину так, что она не выпускала горячий воздух. Внутри было темно, но Каменный Мальчик увидел движение в темноте. Души вернулись в тела в тех свертках. Когда он вылил воду на камни в четвертый раз, его дяди ожили. Они начали говорить и петь, а Мальчик сказал им: «Скалы спасли меня, а сейчас они спасли и вас. С этого дня потельня станет для нас священной. Она даст нам хорошее здоровье и очищение». Это было первое иницие.

История намекает нам на древнее происхождение потельни, ведь она была первой из множества наших ритуалов. История говорит и о священных камнях, которым мы поклонялись, как первым божествам. Потельня служит преддверием большой церемонии, но и сама может быть отдельным ритуалом. У всех семей сию есть своя потельня.

Есть нечто священное и возвышающее в построении потельни. Когда два врага участвуют в возведении маленькой хижины, похожей на улей, их старые распри позабыты. Ненависть и подозрительность исчезают. Два человека смеются и подшучивают друг над другом; они шутят над своими недавними сражениями.

Вы ищете нужные камни и находите их в прерии и на холмах. Они – сама земля, превращенная в камень, затвердевший и тусклый. Они не сверкают и не сияют, твердые и прочные, но не острые. Раскаленными они не горят и не ранят человека в потельне. Они называются птичьими камни - синткала ваксу - камни с "бисерной работой". На них можно увидеть изящные узоры и следы, зеленые как мох. Они видны только четыре дня, а потом узоры слабеют и исчезают. Считается, что птицы рисуют их на камне. Можно увидеть будущее в этих знаках. Однажды я слышал слова старика: «Я увидел реку и разрушенный мост. Вода разлилась. Будет наводнение". И так и случилось. Кроме камней мы собираем для потельни хворост, только тополь, ибо он - самое священное наше дерево.

Вы спускаетесь к ручью и срезаете двенадцать деревьев белой ивы, очищаете от кожуры и втыкаете в землю по кругу. Их легко согнуть. Мы связываем из них что-то вроде улья. Наверху прутья образуют квадрат, представляющий вселенную, все четыре направления. Иногда используют шестнадцать палок. Ивовые прутья образуют каркас хижины. Они - как кости нашего народа. Сверху они покрываются. В старые дни мы покрывали их бизоньими шкурами, а сейчас берем брезент, покрывала или стеганные одеяла. Для потельни пляски солнца мы выбираем лучшие наши покрывала с самыми красивыми узорами. Законченная потельня – высотой до ребер человека.

Потельня - мала, но для скрючившихся внутри нее людей она представляет целую вселенную. Дух всего живого - в этой хижине. В это мы верим. Земля, на которой мы сидим, - наша бабушка; все живое идет от нее. В центре хижины мы выкапываем совком круглую яму, в которую позднее положим камни. При этом мы молимся Великому Духу. Его сила наполнит маленькую хижину и, использованная священным способом, станет центром всей вселенной. Из аккуратно выкопанной земли мы насыпаем бороздку, тропинку для духов, ведущую на десять шагов из потельни. В конце ее мы насыпаем маленький холм, называемый

унки - бабушка - ибо так мы называем землю. Центральная яма также представляет вакикагапи - любимого умершего родича, вернувшегося на землю. Вы вспоминаете его, кладя камни в эту яму. Она - круг в круге хижины. Этот символ - круг в круге - означает бесконечность жизни. Растения, животные, люди рождаются и умирают, но индейский народ будет жить.

Чуть дальше от насыпи унки, вдоль линии священной тропы, мы разводим костер, в котором нагреваем камни. Его пламя переходит от поколения к поколению. Все, что мы делаем во время церемонии, полно для нас глубокого смысла, так или иначе, символизируя вселенную, силы природы, духов, которые постоянно присутствуют в наших умах. И при разведении костра мы сначала кладем вниз четыре палки на запад-восток, а на них - палки на север-юг крест-накрест. На все это палочки мы составляем бревнышки, словно возводя маленькое типи. И опять они представляют четыре направления, землю под нами и небо над нами. А еще бревна представляют нас, типи с индейцами внутри. Это значит, что мы - часть вселенной, а она - часть нас, вселенная находится в наших домах, в потельне, в наших сердцах.

Вход потельни смотрит на запад - на закат солнца. И хотя большинство антропологов писали, что она смотрит на восток, но это верно только для потельней клоунов хейока, делающих все наоборот, не как другие. Перед палаткой мы ставим две рогатки и кладем на них горизонтально третью палочку. На эту стойку опирается священная трубка. Она же алтарь. Иногда кладется и бизоний череп с шестью связками табака, привязанными к его рогам. Другие кладут черно-белую палочку, которая представляет день и ночь. Мы держим под рукой ведро воды. Она должна быть свежей, из проточного ручья, ибо представляет воду жизни. В прежние дни мы наполняли водой звериную шкуру, но старые, прекрасно разрисованные кожаные мешки ныне исчезли. Мы берем обычное ведро.

Человек, ведущий обряд, первым входит в хижину с трубкой. Он покрывает землю священным шалфеем. Это означает, что зеленые живые духи деревьев и растений - с нами в потельне. Потом глава обряда зажигает свит грасс, заплетенный как женская косичка. Она зажжена с одного конца, и ее дым, аромат выются по всей потельне. Все теперь освящено, а плохие чувства и мысли изгнаны. Все готово, и в потельню входят люди. Очищаются обычно шесть или семь человек. Это хорошие числа. В круге семи человек: один ведет обряд, один представляет землю, второй - облака, остальные - четыре направления. Свыше семи человек сидят со скрещенными ногами. Очень редко входят двенадцать. Тогда они сидят на пятках.

Не приходите в шортах, или обернувшись полотенцем. Вы ведь собираетесь вновь родиться, и будете подобны ребенку, вышедшему из утробы матери, вашей настоящей матери, земли. Вы выйдете с новым разумом. Разве вы хотите родиться в шортах. Если вы в шортах, люди решат, будто что-то не так с вашим птенчиком. Не будьте стеснительны. У белых людей злой умысел - это полотенце. Но и тут происходят изменения. Молодая белая леди жила у моих друзей, и она сняла всю одежду, пойдя с ними в потельню. Это было правильное естественное действие. Ибо не только мужчины очищаются в инии; женщины - тоже, но они обычно идут особняком. Мужчины чаще ходят в потельню, а знахарь очищается перед каждым врачеванием. Пробираясь ползком в потельню, ты подобен зверю, лезущему в свое логово. Это должно напомнить тебе, что ты - родич всех четвероногих существ. Вы входите против часовой стрелки, лидер садится у входа справа, а его помощник - напротив, слева. Другие садятся, где хотят. Еще нам нужен один помощник снаружи хижины. Он приносит нагретые камни, один за другим, и в это время никому не позволено пересекать тропу или

проходить между ним и потельней. Если глава проводит церемонию по всем правилам, раскаленные камни носят рогатиной, но иногда это простая вилка или нечто подобное. Едва появляется первый камень, мы говорим: "Пиламайе - спасибо". Первый камень кладется прямо в центре бабушки земли. Потом мы кладем четыре камня вокруг первого - на запад, север, восток и юг – на все четыре ветра. Наконец мы кладем еще один камень на верхушку первого - небу и духу деда. После первых шести можно класть камни, как заблагорассудится. В церемонии исцеления при раздаче снадобья, кладется больше двенадцати камней, а то и восемнадцать. В особых случаях кладут сорок камней, – они представляют деревья, растения и животных.

Человек, который проводит церемонию, раскуривает трубку и передает по кругу. Это освящает нас и соединяет как братьев. Вы захватываете горстями ее дым, растираете им ладони и все ваше тело. Вы молитесь Великому Духу, священным камням, тунка, иньян. У них нет рта, глаз, рук или ног, но они выдыхают дыхание жизни. А помощник снаружи закрывает покрывалом вход, чтобы свет не проходил в хижину.

Тогда глава обряда выливает или разбрызгивает воду над раскаленными камнями. По старому обычаю для этого используется веточка шалфея или свит грас, нынче часто берется ковш. Ледяная вода и раскаленные камни, - так соединяются земля и небо, вода жизни и священное дыхание духа, бабушка и дед. Это великий поток силы. Вы дышите им, пьете как воду белый пар. Он представляет облака, живую душу, жизнь. Жар очень силен. Ваши легкие дышат огнем, и если вы не в силах терпеть, то говорите: "Митакуе оясин - все мои родичи", и кто-нибудь откидывает покрывало, впуская холодный воздух. Вы сидите тихо в темноте и думаете о сути инипи. Вы закрываете глаза, слушаете шипенье ледяной воды на горячих камнях, слушаете их речи - короткая вспышка возникает в вашем уме. Потельня качается и дрожит, когда люди поют: "Тунка-шила, хи-айа, хи-айа". Жар, сила земли, ранит вас. Вы выдыхаете его, наполняясь им. Его сила входит в вас, исцеляет вас. Пар остается на коже, но сила земли входит в ваше тело и ум. Он лечит много болезней - артриты, ревматизм. Он исцеляет раны вашего ума. Инипи - наша маленькая церковь. Она не похожа на белые церкви, где люди сидят на скамьях и красуются своими одеждами. Инипи - другое. Здесь нет хвастовства и нечистоты. Просто нагие люди в тесноте и темноте, рядом с землей и духом. Если с вами дух, то, даже наступив на раскаленный камень, вы не обожжетесь.

Мы открываем вход четыре раза, впуская прохладу и свет. Мы всегда поем две песни перед откидыванием покрывала. Четырежды мы льем воду, и четыре раза курим табак из коры красной ивы, чей дым поднимается к Великому Духу. Когда покрывало откинута, можно поболтать о чем-то, о болезни, которую вы хотите вылечить. Или сказать что-то хорошее о соседях в потельне. Или кто-нибудь из нас скажет тебе, что рад видеть тебя среди нас. А, может, кто-то расскажет о проблеме пьянства в своей семье и попросит помощи и молитвы. Все зависит от причины, по которой проводится потение.

Покулив в четвертый и последний раз, мы говорим: "все наши родичи", и церемония окончена. Последний куривший разбирает трубку и осторожно вычищает чашечку. Мы выходим из потельни по пути солнца, по часовой стрелке. Мы пьем холодную воду и растираем наши тела сухими листьями шалфея. Мы выходим с чувством благополучия, легкой головы и счастья. Мы знаем, что сделали нечто полезное не только для нас, но и для всего народа, всех живых существ.

Маленькую хижину-улей так просто сделать, ее строительство не стоит и пенни, а использовать ее можно снова и снова, пока она не рассыплется, или не сломаются ее столбы из ивовых прутьев. Тогда вы сжигаете ее, зарываете камни и разравниваете землю. И строите новую потельню в другом месте. Я надеюсь, скоро наступит день, когда у всех индейцев возле дома снова будут стоять потельни.

11. Увипи - огоньки из ниоткуда

Представьте темноту столь полную и столь напряженную, что она почти ощутима. Она течет вокруг вас чернилами, покрывает бархатным одеялом, отсекает от обыденного мира, принуждая уйти глубоко в себя, заставляя видеть сердцем, а не глазами. Вы ничего не видите даже с широко открытыми глазами. Вы наедине с самим собой, но знаете, что вы - часть Великого Духа и соединены со всеми живыми существами.

И из этой темноты приходит рев барабанов, звук молитв, пронзительные песни. И среди всех этих звуков ваше ухо ловит голоса духов - высокие голоса, как у призраков, они нашептывают незримыми губами. Огоньки летают по комнате, почти задевая вас, маленькие молнии вспыхивают в темноте. Погремушки летят в воздухе, толкая вашу голову и плечи. Вы чувствуете, как крылья птиц задевают ваше лицо, легко касаются перьями вашей кожи. И все время вы слышите дробь барабанов, их ритм наполняет темноту, заполняет пустоту внутри вас. Этот ритм заставляет вас забыть суетливые мыслишки вашего ума, и качаться телом в такт.

И в черном небытии вы ощущаете присутствие человека, который лежит вниз лицом посередине комнаты, - его пальцы связаны сыромятными ремнями, а тело спеленато одеялом, через эту живую мумию духи общаются с вами. Вот что вы чувствуете во время церемонии увипи.

Увипи - один из наших самых древних ритуалов. Иные говорят, что он не так уж и стар, но они не правы. Их уверения основаны на том, что увипи никогда не упоминается в старых книгах об индейской религии, и поэтому скрыто от внешних наблюдателей. Теперь я старик, но бабушка говорила мне об увипи, когда я был еще маленьким мальчиком, а ей тоже рассказывали о нем в детстве. Это знание проходит сквозь поколения, и никто не знает его начала.

Я верю, - увипи древен, как и мой народ. Ведь и его символика, и все размышления об его сути возвращают нас в ранние времена. Святыни этой церемонии связаны с тем, что соединяло нас в смутном прошлом до прихода первого белого на этот континент. И хотя его название не упоминается, одна книга явно описывает увипи, проведение обряда в давние годы, когда мы жили еще в типи. Это книга одной женщины, которая долго жила среди нас во времена моего детства до Первой Мировой. Ей рассказывали истории седовласые священные люди, помнившие еще дорезервационные времена. Вот страница из этой книги (прим. автора - Френсис Денсмор. Музыка тетон сиу):

Когда человека, искусного в обращении со священными камнями, призывают на помощь больному, от него ожидают демонстрации его сверхъестественной силы. Много людей приглашают в свидетели сего, но сказано, что он повредит "неверующим в священные камни". Больной наполнил трубку и передал знахарю. После ее раскуривания человека туго

связывали ремнями, - даже пальцы на руках и ногах спутали сухожилиями, из каких делают и тетиву, - а после туго завернули в шкуру. Палатка была темной, и знахарь запел песни, обращенные к священным камням; он спел и свою песнь сна. Странные звуки зазвучали в темноте, и в воздухе будто бы летало что-то. Послышались голоса животных. Один сказал: "Мой внук, ты - очень болен, но я исцелю тебя". Часто приходит бизон. Неверующих в священные камни бизон пинает, а порой их бьет летящий камень или сверток. Наконец знахарь воскликнул: "Скорей зажгите свет!" И в свете приготовленной заранее травы стал виден человек в шестах у верхушки типи, все сдерживающие путы были сброшены с него.

Здесь описаны все главные атрибуты современной церемонии увипи - камни, тьма, связывание. Увипи, как и все наши священные слова обладает множеством значений. Увипи означает связывание, спутывание. А еще мы называем так крошечные сверкающие камешки с муравейников. Они священны. У них есть сила. Мы кладем 405 таких камешков в погремушки из тыквы, используемые в наших церемониях, по числу наших зеленых родственников, разных деревьев нашей вселенной сиу. Увипи васичун - это сила священных камней. Это и другое имя Тунка, нашего древнейшего божества. Он подобен камню, он древен так, что невозможно вообразить его начала, он вечен. Древние поклонялись этому божеству в образе огромного, раскрашенного красной краской камня. Старое слово для божества и для камня одно - тункашила, предок. Оно же - имя Великого Духа. Слово тунка в нем.

Позже камни стали называть иньян. Иньян Васичун Вакан - индейское имя Моисея. Индейские знахари тоже находят круглые камни на вершинах холмов и приносят их для исцеления людей. Эти камни несут скрытое послание, которое порой открывают и нам, невидимые письма для умеющих читать в их сердцах. Старые знахари говорили с камнями, умели с ними общаться.

Тунка, иньян, камень - всегда были священны для нас. История нашей великой мистерии, история трубки мира, также говорит нам о том, что Белая Бизониха вместе со священной трубкой дала нам камень, круглый и красный как земля, созданный из крови нашего народа. На камне были начертаны семь кругов, семь лагерных костров моего народа, семь способов служения трубке. Издавна этот камень хранился в особом священном типи ойникага. Чашечка трубки и священный камень были сделаны из породы, которую мы выкапываем из трубочной каменоломни в Миннесоте, единственном таком месторождении в мире. И святость камня связана со святостью трубки.

В старые дни был у одного человека камень, умевший разыскивать бизонов. Владелец камня всегда растягивал раскрашенную красным шкуру бизона для возвращения камня. Вот шкура пуста, и – вдруг! - камень уже посреди нее. Порой с камнем появлялись галька или веточка лечебного растения. Владелец расспрашивал камень и пересказывал его слова людям. У одного из племен сиу был камень разведчик, они посылали его на поиски врагов. Тот камень так же возвращался на свое место - квадратный земляной алтарь из красивого красного порошка.

Древние люди увипи посылали камни на поиски потерянного. Такой камень путешествовал дальше, и ему требовалось больше времени для возвращения. Иные лечебные камни не любили одиночества. У них были помощники - гальки. Какие-то камни были лечебными и хранились бережно завернутыми в кусок бизоньей шкуры, с которой свисали орлиные перья. Камням нравилось такие свертки, а вы не потеряли бы их.

Лечебный камень – совершенный труд Вакан Танка, Великого Духа. Он создан из цельного вещества. У его поверхности нет ни начала, ни конца. Его сила длится вечно. Такие камни не нужно выкапывать. Такие камни попали в землю с высверком молнии, силой грома. Увипи, если только он не хейока, такими камнями не пользуется. Свои камни он находит на вершинах одиноких сопок. Белым кажется странным разговор с камнями. У них короткая память. Я слышал, что во всех доисторических пещерах мира находят раскрашенные камни для религиозных ритуалов. Ваша Библия полна историй о священных камнях на холмах. Подумайте о Каменном Веке, о святом Петре, чье имя означает «камень». Подумайте о Стоунхендже. Белые забыли это и потеряли силу камней.

В церемонии увипи духи и огни живут в камнях. Вы видите в темноте короткую вспышку, это свет иньян - круглой гальки. Им управляет наша мать, земля. У него есть сила; душа входит в камень и начинает говорить с тобой. Иногда он говорит: "Я твой предок. Узнаешь меня? Я его душа. Я пришел помочь тебе". Слушайте внимательно. В церемонии увипи все кладут веточку шалфея за ухо, чтобы понимать пришедшего к ним духа. Это делают мужчины и женщины. Но есть нечто большее, чем огни и камни. Позволь мне описать церемонию увипи от начала до конца. Вы видели ее; вы собираетесь снова испытать ее. Я хочу, чтобы вы поняли ее полностью.

Увипи церемония начинается, когда мужчине или женщине нужна какая-то помощь – в лечении или в поиске пропавшего родича. Этот человек посылает трубку мира с табаком Булл Дурхема увипи знахарю. При правильном проведении обряда знахарь просто не может отказать ему в помощи и обязан провести церемонию. Не все знахари - увипи; некоторые не хотят ими быть. В обязанности увипи входит поиски - потерявшегося человека, мертвеца или утопленника на дне реки. И находя его, увипи приносит горе семье. Или же украденная вещь. Увипи находит ее, и все приведены в замешательство. И вор, и знахарь, и человек, просивший найти ее. Некоторые знахари избегают этого. Я сам проводил увипи, но давно перестал. Я прошел эту ступень. Но я помог многим людям стать увипи, и многих еще научу.

Для обряда увипи нужны устроитель и знахарь. Устроитель – человек, которому нужна помощь. Услуги знахаря обычно не оплачиваются, но устроитель обязан предложить маленькое угощение. Если на церемонию приходит много людей, понадобятся деньги, может, даже двадцать долларов, ведь приглашаются все. На встрече не только устроитель, - каждый может попросить о помощи. Едят же все. И тут мы подбираемся к собаке, молодой и жирной. Щенка отмечают пятном красной краски, быстро душат, женщина опаливает его шерсть, разделявает и варит в котелок над костром. Не бывает встречи увипи без собачьей трапезы. Нужно съесть хотя бы кусочек. Мы сиу привязаны к нашим псам, но убийство одной собаки для обряда – своего рода жертвоприношение. Пес сохраняет жизнь людям. Его плоть помогает излечить больного, дает особую силу. Собаку не убивают просто так.

Увипи можно проводить в любой большой комнате, но иные знахари постоянно используют для обряда одну и ту же. Сначала выносят всю мебель и закрывают все окна и двери одеялами. Даже крошечный проблеск света не должен проникнуть извне. Даже ночью слабый отсвет луны помешает полной темноте, которой мы добиваемся. Мы убираем все зеркала и застекленные картины, или уж поворачиваем их лицом к стене. В комнате не должно быть ничего сияющего и отражающего свет, поэтому люди перед началом обряда снимают очки и наручные часы и кладут их в карманы. Иначе, духи, которые любят темноту, могут разгневаться и разбить стекла или сорвать часы с запястья.

Пол покрывается шалфеем. Есть разные виды шалфея, все они священны для нас. Это растение нашей "первой помощи" мы используем во всех церемониях. Он представляет силы природы. Стебель шалфея в волосах заставит духов прийти к вам и поможет понять их.

Весь вечер перед церемонией две девушки делают связки с табаком, маленькие свертки с Булл Дурхемом размером с орех. Они разрывают хлопчатобумажную ткань на квадраты размером дюйм на дюйм, используя ткань четырех разных цветов в знак четырех направлений вселенной. В каждый из 405 таких квадратиков кладется толика табака. Из них потом делают узелки и привязывают к длинной тонкой веревке. После этого несколько человек берут веревку с мешочками табака и выкладывают из нее большой прямоугольник на полу комнаты. Но между веревкой прямоугольника и стеной остается достаточно места для человека с вытянутыми ногами, – здесь сидят все участники церемонии. Место внутри прямоугольника священно. Посреди него знахарь положит завернутого мумией человека. Никому нельзя ступать в прямоугольник кроме двоих человек, кто свяжут увипи человека, но и они после выйдут за его пределы и сядут со всеми остальными.

В старые дни вместо веревки с кучей сверточков было только четыре большие сумки из оленьей кожи с табаком, куда вместо Булл Дурхема мы клали кинник-кинник - наш табак из коры красной ивы. Выложив веревку, мы по очереди устанавливаем по углам прямоугольника четыре флага из цветной материи, - черный, красный, желтый и белый. Черный представляет запад, ночь, темноту и созерцание. Красный представляет север, трубочный камень и кровь нашего народа. Желтый представляет восток и восход солнца. Белый - юг и солнце в зените. Юг представляет и смерть. "Уйти на юг" на нашем языке значит умереть, ибо душа путешествует с севера на юг по Млечному Пути в Край Духа. Кое-кто из увипи в наши дни используют еще зеленый и синий цвета. Зеленый представляет нашу мать землю. Синий - небо над нами, облака.

Четыре ветра также представлены черным, красным, желтым и белым конем. Пятый конь в яблоках означает вертикаль между небом и землей, также символизирующую черенок нашей священной трубки и ее дым. А иные знахари объясняют, что четыре цвета представляют человечество - черную, красную, желтую и белую расу - единение всех людей.

Рядом с четырьмя флагштоками стоит еще один посох. Он по-настоящему важен - наполовину красный, наполовину черный, с белой тонкой полоской посередине. Красный цвет означает день, а черный - ночь. К вершине этого посоха прикреплено орлиное перо, – словно снисходящие сверху сила и мудрость, ведь индейцы верят, что орел мудрее всех живых созданий. Ванбли галешка, пятнистый орел - великая сила севера.

Посередине посоха привязан хвост таха топта сапа, особого оленя с черной чертой на морде. Это очень священный олень. Убить его - к неудаче. Он представляет единство вселенной. Рано утром никто еще не пришел за водой к ручью, а олень уже пьет и благословляет ее. Из его шкуры мы делаем наши священные погремушки. Пять посохов мы втыкаем в большие жестянки, наполненные землей. Некоторым это не нравится. Им не нравится смотреть на жестянку из-под кофе Максвелл Хаус, или пустую банку Гавайского Пунша. Мелочь, конечно, но вполне понятная. Лучше разрубить ствол круглого дерева на чурочки, выдолбить дыру и в нее уже вставить палки. Сами же посохи изготавливают не из любого дерева. Они - во-вакан, сверхъестественны. Это – ветки канунксемна, скунсового дерева рода сумаха. Почему мы берем его? В этом дереве есть сила. У странного кустарника всегда двенадцать

черенков растут с запада, и семь - с юга. Мы не знаем почему. Семь черенков означают южный и восточный ветер; другие шесть на западе и шесть на севере означают вселенную. Особенно важен миг вытаскивания прута из земли. В земляной яме из-под ее корня можно увидеть - какая болезнь тревожит человека, которого вы попытаетесь исцелить на церемонии. Теперь поговорим об алтаре. Он расположен прямо перед центральной черно-красной палкой, сделан из земли и разглажен орлиным пером. Он представляет мака ситомни - всю землю, вселенную. Благодаря ему весь мир находится в комнате во время церемонии. В этом священном квадрате земли знахарь чертит пальцем знаки, хорошо известные всем увипи, и знаки, которые принадлежат одному человеку согласно его видению. Я сам чаще всего использую четыре алтарных знака, хотя знаю куда больше. Самый главный, представляющий Великого Духа, и лечит человека. Я уже рисовал и описывал этот знак в главе о круге и квадрате, об индейской символике.

Другой знак – в нарисованном на земле круге, - означает "бесконечное". Человек рисует круг и вставляет в него рисунок животного, - дятла, медведя, орла – своего покровителя. Он рисует и знак молнии, чтобы получить силу грома.

Знак иктоми, фокусника человека-паука, обычно использует не знахарь, а человек, пожелавший заняться магией, хейока, возможно. Знак паука накладывает любовные чары, его могуществом можно забрать души юноши и девушки и связать их вместе. Они не в силах сопротивляться, они находят друг друга и влюбляются. Можешь не верить, но это правда. (рисунок)

Погремушки из тыквы и бубенчики, вагмуха, наиболее важны в церемонии. Их кладут по бокам алтаря – обычно две, но иные знахари используют четыре для всех направлений. В этом случае последняя кладется на восток, ибо он связан с тункашила, Великим Духом, и с утренней звездой. Погремушки сделаны из оленьей кожи, а старые - из бизоньей. Я видел погремушки даже из бизоньей мошонки. Издавна, как помнит мой народ, - погремушками лечили людей. У нас тогда были даже особые люди - "хранители погремушек". В погремушках лежат, как я уже говорил, священные увипи камешки. Иногда мужчины или женщины срезают квадратики кожи с рук и кладут в погремушку, чтобы помочь родичу исцелиться.

Звук погремушек немзыкален, но они не представляют гремучую змею, как считают белые. Погремушки говорят с тобой. Если устроитель церемонии даст вам священную траву, то, заложив ее за ухо, вы сумеете понять речь погремушки. У этой травы нет белого названия. У нее нет зеленого стебля, только корень. Когда дух входит в комнату во время церемонии, он подхватывает погремушку и гремит ею, еще он может толкнуть тело больного, излечивая. Погремушка движется так быстро, что никто ни разу не поймал ее. Это создается такусканскан, силой движения.

Все упомянутое мной - узелки с табаком, цветные флаги, посох, алтарь, погремушки - священно, без них не проходит ни одно увипи. Но самое важное я оставил напоследок - священную трубку, которая играет большую роль во всех наших ритуалах. Все это должно быть у нас. Увипи знахарь порой берет и другие предметы из своей сумки - голову и когти орла, медвежьи когти, особые камни, оленьи рога, части зверей и растений согласно своему видению. Ими он пользуется неоднократно во всех церемониях увипи. Но связки табака и флаги используют лишь единожды, а позже сжигают или отдают в подарок на память, никогда не используя вновь духовным образом.

Рядом со всеми святынями ставится еще котелок с собачьим мясом и чайник с чистой холодной ключевой водой, – их ставят внутрь прямоугольника из табачных узелков, близ красного флага. А по всей комнате расставлены кружки, тарелки с хлебом и супом, кукурузой и ягодной васной, пудингом, называемым войяпи, и особый мятный чай, который мы пьем при таком событии. Все это съедят по окончании церемонии.

Все теперь готово для увипи, для проведения черепа, как говаривали в старые дни. После связывания комната окуривается дымом свитграсс, или, по-нашему, ваканга, заплетенной словно женская коса. Поджигая ее с одного конца, мы проходим по кругу и размахиваем ею, чтобы аромат распространился по всей комнате и освятил ее. Хороший запах курится вокруг нас, делая всех родственниками. Ею мы очищаем все предметы обряда. Она выгоняет злые влияния. Он нейтрализует влияние менструирующей женщины. В это время ей нельзя участвовать в церемонии, ведь у иснати великая природная сила, способная испортить снадобье или уничтожить лечение. Женщину при иснати нельзя лечить. Женщины знают это и в такие дни избегают церемоний, но есть и те, кто не знает, дым свитграсс нейтрализует их влияние. Иногда церемонии окуриваются кедровым дымом, дающим человеку силу сновидения, но в увипи мы предпочитаем свитграсс.

Мы используем и вахпе-вастемна, индейский запах. Великий Дух велел мне использовать его. Мы надеваем на себя мешок и растираем наши тела, нашу одежду, чтобы пахнуть естественно. И вот духи приходят в дом. Все кладут веточку шалфея за ухо или в волосы. И духи трудятся на славу.

Знахарь стоит перед алтарем. Он готов к связыванию сыромятными ремнями, из них же мы делаем и тетиву наших луков. Начинаем с пальцев, убираем руки за спину, один палец за другим. Связанный палец представляет вакиньян, птиц грома, молнию. Еще он символизирует тетиву. Дух бьет как из лука, мгновенно.

Наконец мы заворачиваем знахаря увипи мумией. В старые дни для этого брали бизонью шкуру, но нынче берется большое звездчатое покрывало, сшитое из лоскутков в виде утренней звезды. Изнанка обычно белая. Как красивы эти одеяла. Иных хоронят в них. Они такие большие, что закрывают человека с головой. Мы длинной кожаной веревкой увязываем человека и одеяло в сверток. Мы завязываем ее по всем правилам на семь узлов, ведь любая ошибка угрожает жизни человека. Мы туго стягиваем веревку, и человек поймет телом, что чувствуют люди.

Связывание, ремни, веревка с узелками табака очень важны для нас. Они связывают нас вместе, примиряют людей; создают связь между человеком и Великим Духом. Они означают применение силы. Человек связан, и дух приходит и трудится через него. Дух собирает людей вместе и учит их. Не только в церемонии увипи происходит связывание кожаными ремнями. В старые дни человек клялся товарищу быть кола, другом. "Друг" - белые легко используют это слово. Может, не знают, какова истинная дружба. Юноши, поклявшиеся быть кола друг другу, становятся почти единым существом. Они делят все - жизнь и смерть, боль и радость, последний глоток еды, даже своих женщин. Они всегда готовы отдать жизнь друг за друга. И точно так же старший человек мог усыновить младшего, как своего хунка. Младший становился его сыном, даже если в возрасте их разделяла только пара лет. Люди закрепляли эту особую дружбу церемонией. Знахарь покрывал обоих бизоньей накидкой, связывал вместе ремнями и оглашал людям, что отныне эти мужчины связаны, как кола или как хунка. По тому же типу проходила и церемония "развязывания" - киси юскапи. Так, например,

убийца мог «развязаться» от кровной мести. После такой церемонии семьи обязаны были простить друг друга.

Увипи знахаря связывают ради появления духи. Освободишь его, и духи уйдут. Порой они не приходят вообще. Иногда вы только чувствуете мохнатую лапку, мягкую, будто кошачью, на вашем плече или шее.

По окончании связывания два человека поднимают увипи человека и кладут его на полу лицом вниз и головой к алтарю. Он теперь, словно умер. Он не существует больше. Мы никого не хороним в гробах; как и увипи, наших мертвецов завязывают в одеяло и кладут на помост, поднятый к ветрам и дождям, пока природа не поглотит их. Когда увипи лежит на полу в звездчатом одеяле, его дух может за сотни миль отсюда на дальних холмах общаться с древними. Он прекращает существование. Для нас возвышенно его возвращение, и потому нам нужно сосредоточиться и помочь ему ваке исисийя – внутренней молитвой.

Гаснет керосиновая лампа. Полная темнота помогает сосредоточиться. Знахарь и все мы используем нашу силу правильно. Иначе он может погибнуть, ведь он беспомощен. Молния может убить его насмерть. Духи приходят к нам. Они могут коснуться тебя, но ты не можешь коснуться их. Мы готовы к бою барабанов, песням и молитвам.

Слова нашей первой песни таковы: "Где тот священный дух, кому суждено быть со мной нынче ночью?" Вторая песня значит: "Я вел себя неправильно. Я повредил видению духа. Но я изменюсь. Я буду иным. Моя жизнь изменится. У меня четыре жизни для четырех ветров. Спускаясь на землю, я обещаю использовать силу ради людей". В третьей моей песне я призываю духов появиться. Я пою и прошу их прийти. Я призываю духов запада, черную силу, красную силу, желтую силу, белую силу юга. Я прошу силу свыше, силу орла, дать ощутить ее. Я молю силы нашей матери земли быть со мной и помочь мне, заставить наши желания идти верно.

Моя пятая песнь говорит: "На этот камень я кладу свою священную трубку. Этот камень - я, а я – этот камень. Поэтому мудрость Великого Духа будет со мной сейчас". Моя шестая песня обращена к женским духам. Она говорит о явлении четырех женщинах, две - с крыльями надо мной в небе, а два женских духа - на земле. Они помогают мне, почитают меня своим присутствием. Они помогают мне понять их язык; они заставляют меня понимать пауков и муравьев. Великий Дух благословил эти крохотные создания. По его благословению я могу говорить и с ними, и с птицами. Дух со мной.

Моя седьмая песнь говорит: "Вот приходят духи и пляшут. Они восхваляют мистическую силу песнями и погремушками. Они пляшут, и они счастливы". Моя последняя песнь начинается: "Ты слышишь мой голос, я слышу твой голос; голос духа приходит ко мне. Что услышу я нынче ночью - о болезни, о беде человека - дух расскажет мне, а через меня – и всем вам".

И духи приходят с запада и с юга яркими вспышками света, мягким прикосновением пера. Они приходят сверху и снизу, заставляя стены и пол дрожать и шататься. Они приходят голосами, тихими голосами без тел или ртов, неземными голосами, но мы понимаем их.

Церемония длится долго, но вот огни вновь зажигаются, и мы видим, что знахарь сидит внутри веревки с табачными узелками, развернутый и развязанный, он снова ожил среди нас. Теперь говорят все по очереди что-нибудь хорошее о своих ощущениях и опыте. Иногда мы

задаем вопросы, - о нашем здоровье, о семейных проблемах, о пропажах. И увипи ответит всем. А хороший увипи, у кого есть сила, уже ответил, пока лежал в темноте в одеяле.

Знахарь зажигает священную трубку и поднимает ее с молитвой. Трубка идет по кругу, по часовой стрелке из рук в руки, изо рта в рот. Ее черенок, ее дым связывает небо и землю, человека и человека. Все мы делаем четыре затяжки, трубка идет бесконечным кругом и возвращается к знахарю.

Нынче ночью мы хотим, чтобы ты попробовал собаку. Прими это снадобье. Оно священо. Не говори: "Я не хочу пробовать эту дохлятину. Брр!" Не это мы хотим услышать от тебя. Радуйся, если вытащишь собачью голову, ведь она принесет тебе удачу. У нас всех полно здесь хорошей еды - хлеб, сладкая васна и сладкое войапи. Все наши церемонии заканчиваются угощением. Полный желудок тоже священен. Такое совместное пиршество, когда мы сидим на полу, опираясь спинами на стену - связывает нас не хуже, чем ремнем. Наконец мальчик проходит по кругу по часовой стрелке, неся черпак и ведро чистой холодной воды, священной, ведь без нее не было бы жизни. Будем надеяться, что еще останется немного чистой воды, когда наши мальчики станут стариками. Мальчик, подающий нам воду, очень молод. Мы доверяем ему этот важный труд, чтобы он почувствовал себя мужчиной. Мы показываем свою веру в значимость его пребывания с нами, ведь оно создает связь со следующим поколением, передавая наши старые верования тем, кто придет вслед за нами. Без чувства преемственности жизнь не имела бы смысла.

Знахарь осторожно выбивает пепел из трубки и отделяет чашечку от черенка, разрушая тем связь неба и землю, которая держит нас привязанными друг к другу. Разделенная трубка не священна. Теперь она просто вещь.

И снова мы по очереди говорим нужные слова друг другу. Учитесь говорить правильные слова. Митакийе ойясин - все мои родичи, все мы, все. Они представляют всех людей на земле, все живое до мельчайшего насекомого, малейшего растения. А после мы ничего больше не говорим. Мы поднимаемся и уходим, ибо церемония увипи окончена.

12. Глядя на солнце, они танцуют...

Уставясь широко открытыми глазами на палящее солнце, когда слепящие лучи обжигают до самого твоего черепа, наполняя его невыносимой яркостью...

Дуя в свисток из орлиной косточки, сжатой в твоих зубах, пока его пронзительный звук не станет единственным звуком в мире...

Танцуя, танцуя, танцуя с утра до ночи без еды и воды, пока ты не близок к глубокому обмороку...

Дергая, дергая кожаный ремень, который привязан к деревянной спице, вонзенной глубоко в твою плоть, пока кожа не растянется и разорвется, чтобы ты наконец освободился, а кровь заструилась по твоей груди... Вот что должен выдержать один из нас во время пляски солнца.

Многие люди не понимают, почему мы делаем это. Они называют пляску солнца варварским, диким, кровавым суеверием. Я понимаю ее так: нам принадлежит по-настоящему только

тело. Отдавая нашу плоть, наши тела, мы, индейцы, отдаем единственное, что принадлежит нам по праву.

Предлагая Вакан Танка коня, мешочки табака, еду для бедных, мы дарим ему нечто, и так ему принадлежащее. Все в природе было создано Великим Духом, все - часть Его. Только наша плоть - настоящее жертвоприношение, настоящее дарение себя. Можем ли мы отдать что-то меньше?

Сорок лет назад нас сажали в тюрьму за пляску солнца. Ее называли преступлением, "Индейским правонарушением". Свобода религии не всегда затрагивает индейцев.

Пляска солнца - самая старая и торжественная наша церемония, "дедуля их всех", как говаривал мой отец. Она так стара, что ее начала скрыты в тумане. Она восходит к веку, когда у нашего народа не было ни ружей, лошадей, ни стали - были только мы и животные, земля, трава и небо.

Нынче умные люди изучают солнечные пятна в гигантские телескопы, а ваши рукотворные звездочки жужжат вокруг земли, как будто опаздывают на работу. Вы даже ступили на луну, оставив на ней пластиковые пакеты с мочой и обертки от жевательной резинки. Но я думаю, индейцы понимали солнце и луну гораздо лучше в те давно забытые дни и были к ним куда ближе.

Теснясь в своих жалких жилищах во тьме зимы, голодные и холодные, зимуя почти как звери, как радостно и благодарно приветствовали они весной солнце, дающее жизнь, солнце, согревавшее их замерзшие кости. Я понимаю внезапный порыв одного из них, когда он начал плясать солнцу, используя в молении свое тело, и все остальные друг за другом присоединились к нему. Они создали эту пляску и медленно, поколение за поколением, добавляли ей все больше смысла и благоговейного страха. Мой отец научил меня, его тоже учил отец, и это шло с начала времен.

Ви ваньянг васири - пляска солнца - наш величайший праздник, он собирает вместе весь народ. Я говорил вам о ханблешия, поиске видения, когда человек в одиночестве на вершине холма общается с мистической силой. Ну вот, в пляске солнца весь народ общается со всеми мистическими силами. Это ханблешия всего народа сиу.

Пляска солнца истолкована наиболее неверно из всех наших ритуалов. Большинство белых считают ее посвящением в мужественность, или же демонстрацией храбрости. Но это неверно. Пляска солнца - молитва и жертвоприношение. В ней участвуют не доброй воле, а в результате сна или видения.

Пляска солнца, на которую вы приглашены, проводится человеком, чье видение велело ему перенести это тяжелое испытание ради возвращения его сына из Вьетнама и принесения мира людям нашего мира, чтобы они лучше понимали друг друга. Мы будем танцевать ради этого.

Пляска не столь сурова ныне, как раньше, но даже сегодня она требует от человека многого. Даже сегодня он может потерять сознание из-за недостатка еды или воды. Порой у него пересыхает горло, когда он дует в свисток из орлиной косточки, пересыхает как потрескавшееся сухое дно реки. Или он слепнет на время, глядя на солнце, когда его глаза видят только пылающие спирали слепящей белизны. Телесная боль от орлиного когтя в груди может стать такой сильной, что в какой-то миг он больше не чувствует ее. В такие

моменты, когда он теряет сознание, когда солнце обжигает его мозг, когда сила его уходит, а ноги подкашиваются, тогда приходят видения - видения, как стать знахарем, видения будущего.

Понимание, полученное такой ценой, могущественнее пришедшего к человеку на холме в поиске видения; они истинно вакан - священны.

Одно печалит меня. В городе Виннере живут сотни индейских семей, жаждущих хранить старые пути, но со всех сторон они окружены белыми ранчиро-скотоводами. Единственное место, где нам разрешено проводить нашу пляску солнца – это земля старой ярмарки, где местные ковбой проводили свои родео. Для них оно уже недостаточно хорошо; себе они построили новое, а нам отдали брошенное. Старые трибуны облупились и полны заноз, но на них еще вполне безопасно сидеть. Видны и выцветшие надписи: "Пейте Кока-колу" и "Поищите вашего местного продавца Форда". Давайте не станем их замечать.

Другим общинам повезло больше. Они не столь ограничены и проводят свои церемонии по-прежнему в открытой прерии, что бы от нее не осталось. Но все же у нас будет хорошая пляска солнца. Мы проведем ее правильно, в священной манере предков, как старшие учили нас – насколько, конечно, возможно в это время и в этом месте.

Мы хотим, чтобы вы понимали и смотрели не только глазами. Хороший час рассказать вам, как мы проводили пляску солнца в давние дни, чтобы ваш ум увидел ее во всем древнем великолепии.

Даже простой разговор о ней смущает меня. Прежде мы мало обсуждали ее даже между собой, и то лишь в торжественных случаях, когда двенадцать старых и мудрых людей были уверены в правильности своих слов, где ничего не убавить и не прибавить. Я много говорил о боли пляски солнца и мало - о ее радостях. Мы, сиу - не простой народ; мы очень сложны. Мы вечно смотрим на вещи с разных углов. Для нас есть радость в страдании, и страдание в радости, а клоун для нас – одновременно и чудак, и трагическая фигура. Все - часть одного - природы, которая ни печальна и не радостна; она просто есть.

И в старые дни пляска солнца была не только жертвоприношением, но и счастливым временем, когда спели вишни, трава была высока, а дичи было полно - счастливое время для встречи старых друзей.

Мы тогда жили разрозненно маленькими охотничьими отрядами от Небраски до Монтаны, как галька, разбросанная в кустах. Но никто не пропускал пляску солнца, даже если приходилось путешествовать сотни миль. На пляске солнца мы встречались с родственниками, кого не видели год, и обменивались всеми плохими и хорошими историями, какие случились с нами за это время. Юноши встречали девушек, ухаживали и влюблялись. Мы сиу так боимся кровосмешения, такое количество правил запрещает вам жениться внутри рода, что часто пляска солнца была для молодого человека единственной возможностью найти нужную девушку.

Каждая семья ставила типи на своем месте, когда глашатай бежал по лагерному кругу, говоря всем, что делать. Мы ходили друг к другу гости, да, были дни хорошей еды, хороших разговоров, хорошей компании, время для просительных песен, когда певцы ходили от типи к типи, собирая подарки и еду для бедных. И хорошее время для девушек поискать особую

траву с четырьмя бутонами, любовный приворот, который сделал бы их возлюбленных преданными. Теперь таких трав осталось мало, говорила мне женщина.

Пляска солнца длилась двенадцать дней; четыре дня разбивали лагерь, четыре дня знахари учили участников всему необходимому, четыре дня длилась сама пляска.

Пляска солнца начинается с выбора кан-вакан - священного столба. Он всегда из тополя, нашего священного дерева. Если вы срубите на нем верхушку ветвей и зачистите ее ножом, то найдете знак в виде звезды в сердцевине каждой ветки. Люди не брали первый попавшийся тополь нужного размера, а выбирали самый лучший. На его поиски племя посылало четырех разведчиков, храбрецов с безупречной репутацией. Великой честью было - оказаться избранным для такой задачи. Разведчики уходили, как на тропу войны – в раскраске и с оружием. Они искали "врага" - деревянного врага, раздвоенный тополь. Найдя нужное дерево, разведчики сразу же возвращались и докладывали знахарям.

На следующее утро лагерь просто кипел. Барабаны гудели. Все пели песни храброго сердца, песни раскрашенного черным лица. Знаешь, воин, отличившийся в бою, имел право раскрасить половину лица черным по возвращении в лагерь.

Все племя выходило вслед за разведчиками - юные мужчины и женщины на лучших лошадях, украшенных гирляндами лоз и листьев. Разведчики обдирали дерево, это было словно «удар ку» врагу. Они говорили дереву: "Тебе повезло, тебя выбрали из всех остальных. Это великая честь!"

"Убийство" дерева совершали четыре молодые женщины, о которых никогда не сплетничали, будто бы они были с мужчиной. Все гордились таким выбором. Если же девушка по своей глупости объявляла себя девственницей, когда это было не так, мужчина, лежавший с нею, сразу же сообщал об этом и позорил ее навсегда. Но этого ни разу не случилось.

Топор, которым рубили дерево, был новеньким, – его никогда не использовали ни до, ни после обряда. Все девушки по очереди брали топор в первоначальном легком притворстве, чтобы позволить юношам рассказать об своих храбрых делах - часто песней. Мой дед обычно пел такие слова:

В сражении
Я не уступлю первенство никому.
К черной раскраске лица
Я стремлюсь.
Бесстрашным
Я живу.

Наконец женщины срубали дерево и издавали пронзительный, до позвоночника пробирающий, убийственный крик, каким почитают храброго врага. Дерево падало, но ему не разрешали коснуться земли, а подхватывали двенадцать носильщиков столба. И после никому не дозволялось касаться дерева, шагать перед ним или ступать на него. Человек, однажды беспечно перепрыгнувший дерево, на следующий день сломал шею, его конь сбросил. Называй это случайностью, но нам-то, старым чистокровкам, известно лучше.

Во время пляски солнца столько всяких правил и ограничений, что мы обычно ставим знахаря, который присматривал за правильным проведением обряда, где все предметы должны быть новыми и созданными на этот случай. Знахарь становился посредником между людьми и мистической силой. Порой бывал им и я.

За проведение пляски должен отвечать человек, чье видение велело ему провести эту пляску, кто дал обет. Он раздаст большинство своего имущества, как еду и дары беднякам.

Я уже не так молод, моя голова полна мыслей и воспоминаний, и они вечно разбредаются далеко от моего рассказа. Он сам подобен пляске солнца, — столько всего происходит одновременно.

Четыре, выбранных заранее, знахаря обрубали у упавшего дерева нижние ветки и закрашивали "раны" на стволе ярко-красной краской. Развилка священного дерева и верхние ветви с листьями оставались нетронутыми. Бизонья накидка с красными рисунками или алая ткань вместе со шкуркой горностая привязывались к нему, как и кожаными фигурки человека и бизона. У фигурок были большие мужские части, готовые к действию, сказали бы вы. У всего был глубочайший смысл. Помимо прочего пляска солнца означала возрождение жизни - рост новых растений, жеребящихся кобыл, рождение детей. Твердые мужские части означали возрождающую силу природы. Наконец дерево приносили к месту пляски вершиной вперед. Его не касались, а потому несли на особых шестах. Четырежды носильщики останавливались отдохнуть по пути.

Одно мы, пожалуй, никогда не увидим вновь: сумасшедшую скачку юных воинов на их конях. После последнего отдыха носильщиков каждый всадник старался оказаться первым у ямы для столба. Каким зрелищем это было, наверно, - сильные юноши влетают в круг лагеря, поднимают коней на дыбы, вздымают клубы пыли, попоны раскрашены, хвосты подвязаны, ржание, фыркание, вопли. Боевые стяги развеваются, распущенные волосы летят, всадники сталкивают друг друга с коней в своем рвении быть первыми, коснуться этого места и выиграть почет красной палки «ку». Эти бесстрашные юноши на храбрых лошадках, где они теперь?

Когда дерево появляется в лагерьном круге, весь народ издает великий крик радости. Бизоний жир кладется на дно ямы, куда поставят столб пляски солнца, как приношение Бизоньему народу, у кого мы просили помощи в насыщении племени в грядущем году. В развилке дерева укреплялась крестовина, к которой привязывали кожаные ремни, по одному для всех, кто дал обет повергнуться испытанию "прокалывания". Вершину столба украшали полосы цветной ткани с четырех сторон земли. К крестовине привязывали и дары устроителя пляски - большая сумка, красиво вышитая бисером и иглами дикобраза, обвитая вишневыми ветками, так что она смешивалась с листьями верхушки дерева. В свертке лежал отборный кусок бизоньего мяса с воткнутой в него стрелой. Это обеспечивало добрую охоту. Дерево тоже окрашивали по бокам в разные цвета.

Все это время присматривающий знахарь молился дереву и яме таким низким голосом, что никто не мог разобрать слов. Наконец столб поднимали — в четыре стадии. Вы, наверно, уловили: четыре - наше священное число, мы делаем все четырежды. Пока дерево поднимают, люди молчат. Не слышно ни звука. Но вот оно встало прямо, и все разражаются громкими приветствиями, а мужчины палят из ружей в воздух.

Ненадолго раздаются грубые шутки, мужчины и женщины весело скалятся на Ийя и Гнашка - две фигурки с большими мужскими частями. Добродушное поддразнивание проходит с ноткой сексуальности; вы называете это "грязной болтовней". Обычно женщины постыдились бы так шутить - непристойно, перед всеми. Но сейчас это часть ритуала, а потому хорошо.

Дерево поднято и как бы «обращается» к людям. Такие слова поют от его имени:

Я стою
Священным образом
В центре земли
Люди смотрят на меня,
Видишь, племя
Собралось вокруг меня.

Вокруг столба пляски солнца возводилась палатка – называемая еще "тенистый дом" - круг столбов с крышей из сосновых сучьев. Из нее люди наблюдают за пляской. Чуть западнее от столба сделан квадрат земли - ованка вакан, священное место, которое вмещало меру силу, данной Великим Духом народу. Внутри квадрата проводили две линии – канавки, заполненные табаком и покрытые ярко-красным порошком, серебристой пылью слюды и пушистыми орлиными перьями. Крест символизировал четыре направления ветра. Никто не смел ступить между столбом и ованка вакан.

Для танцоров ставили типи и готовили потельню. Теперь все было готово для настоящей пляски солнца, которая длилась четыре долгих дня. В ночь перед нею не было ни веселья, ни взаимных посещений. Знахари молились, а народ тихо сидел по своим типи. Первые три дня люди плясали с рассвета до заката, дуя в свистки из орлиной косточки, их тела двигались в одном ритме, пока они не падали от усталости в обморок. И вот наступал четвертый, самый важный день.

Перед рассветом последнего дня знахари поднимались на холм и ловили первые лучи солнца с приветствием и просьбой о хорошей погоде и выносливости для танцоров.

Давшие обет очищались в потельне и наносили краску - каждый согласно своему видению. Они надевали венки на голову и запястья и оборачивали талию красными килтами. У всех висели на шеях лечебные связки. Женщин не протыкали как мужчин, но и они могли принести жертву, срезая крошечные квадратики плоти с рук. Танцоры торжественно шагали вслед за знахарями из типи пляски солнца в танцевальный круг. Знахари, посредники перед Великим Духом, шагали по отмеченному пути с раскрашенным бизоньим черепом в руках. Череп клали на алтарь, лицом к столбу вместе с набитой трубкой мира. Перед испытанием мужчин протыкали уши детям. Земля покрывалось шалфеем, матери с малышами садились и призывали храбрецов и мудрецов выполнить эту задачу. Протыкая крохотные мочки шилом, мужчины говорили о своих храбрых делах, напоминали родителям, что нужно вести их детей по правильному пути - пути сиу. Это, по общему мнению, влияло на умы детей, но, подозреваю, не напрямую, ибо среди малышей было много крика и визга.

Наконец наступал черед мужчин, и это было не детской игрой, поверьте. Никого не принуждали, никому не велели, но, однажды дав обет, человек выполнял его. Нельзя нарушить ваше слово Вакан Танка.

Прокалывание было четырех видов. В "Глядя на Бизона" плоть прокалывалась спицами на спине танцора. К спицам привязывались восемь бизоньих черепов, которые и прорывали кожу через несколько часов.

В прокалывании "Глядя на Закатное Солнца", которое проводилось чаще всего, плоть на груди танцора выше сосков пробивали примерно на длину ладони, вставляя в мускул деревянную спицу или орлиный коготь. В конце пляски каждый мужчина должен был освободиться рывком.

В "Стоя, Выдерживая" танцор вставал между четырьмя столбами, и ремни прикреплялись к его плоти клинками - два на груди и два на спине под плечами. Вторые концы ремней привязывали к столбам, и танцор отважно боролся за освобождение.

И наконец было "Глядя на Солнце Подвешенным". В этом случае веревки привязывались к спицам в груди и спине человека, а он подвешивался в воздухе, не касаясь земли ногами. Это было самое суровое испытание, ибо от танцора мало что зависело, он не мог приблизить конец испытания, толкая или дергая веревки, он просто ждал, когда его вес сам прорвет плоть. Иные висели, пока их не снимали друзья или родичи. Обычно рядом с человеком стояли друзья, которые подбадривали его, очищали раны и стирали холодный пот пучком мягких листьев шалфея. Растения после этого становились могущественными любовными чарами, ценными женщинами. Ценились и спицы из сагевуд (?). Танцоры дарили их своим друзьям, и те набивали ими табак в трубках мира. Девушка могла утолить жажду возлюбленного и принести ему воды, если жажда была готова побороть его.

Порой белые вздрагивают, когда я рассказываю им о таких вещах. Но идея терпеть боль ради жизни других не должна так поражать вас. Разве вы не молитесь в своих церквях "проколотому", прибитому гвоздями к кресту ради своего народа? Индеец никогда не называет белого нецивилизованным за его верования и не запрещает ему богослужения по своему желанию.

Разница между белыми и нами такова: вы верите в искупающую силу страдания, если это страдание испытал кто-то другой, далеко, две тысячи лет назад. Мы верим, что оно возвышает каждого из нас, ибо мы помогаем друг другу болью своих тел. Боль для нас не "абстрактна", а очень реальна. Мы не кладем эту ношу на нашего бога, и не избегаем встречи лицом к лицу с силой духа. Мы постимся на вершине холма или терзаем нашу плоть пляской солнца, и обретаем внутреннее зрение, все больше приближаемся к уму Великого Духа. Внутреннее зрение достается нелегко, и нам не нужны ангелы и святые, которые получают его для нас и отдадут через вторые руки.

Ну вот, мой друг, хорошо сидеть тут и следить за новой пляской солнца, приближающейся к высшей точке. Мне нравится смотреть, как наш народ придерживается своего индейского образа жизни. Пышное великолепие пляски солнца утеряно ныне, но суть остается нетронутой. И пусть у нас нет Усита, великого парада женщин и мужчин, скачущих бок о бок во всей роскоши их одеяний. Ведь у многих больше нет лошадей. Но смотри, столько людей

приехали на настоящих живых «травоядных», а не на машинах, воняющих бензином. Тот человек в старом бизоньем одеянии приехал аж из Денвера, а эта семья рядом, чье прекрасное раскрашенное типи могло быть сделано Сидящим Быком, проделали весь путь от Калифорнии. Нельзя упрекать их за то, что они приехали на машине. Они приезжают из Чикаго, из Милуоки, из Канады, и Восточного Побережья. Они здесь - и это главное. Священный столб выбран древним способом, бизоний череп - на своем месте, и страдание реально как всегда. Этот священный тополь означает очень много для меня. Его листья в форме сердца. Скручиваясь, они выглядят как типи, а плоские похожи на мокасины. Ствол дерева представляет Млечный Путь. Развилка с расходящимися ветвями символизирует место на Млечном Пути, где сидит старуха, хихан кара. После смерти мы проходим мимо нее по пути в страну духа. Если у нас есть татуировка на запястьях, хихан кара пропустит нас. Наши татуировки - что-то вроде крещения. Без них мы не пройдем в страну духа и вернемся бродить по земле призраками.

Последние несколько лет я вел пляску солнца и трудился для людей, но на этот раз я просил знахаря помоложе, моего ученика, сменить меня. Может, нынче и мое жертвоприношение - отдать свою силу, передать ее, отдать честь проведения кому-то другому. У сиу не было потерянного поколения. Мы верим, что юные придут на наше место, ибо такова природа. Может, желание разделить силу с молодежью приносит нашим старикам любовь и уважение, помогает поколениям легче понимать друг друга.

И поэтому я сейчас сижу и все тебе рассказываю. Я постился, отказывался от табака и других удовольствий, и это будет моим приношением. Перед появлением танцоров на священной земле певцы занимают свои места снаружи круга. Они исполняют семь песен пляски солнца и бьют в барабаны очищенными ветками ивы. Танцоры становятся в ряд. Они медленно шагают по кругу внутри круга. Четырежды они останавливаются, и лишь потом входят. Они босы, ведь земля, на которую они собираются ступить, священна. Главный танцор прислоняется головой к тополи и обнимает его; все кричат, ибо это - великий миг.

Здесь около дюжины танцоров, среди них женщины. Все наносят раны на руках, но только четверо принесли обет прокалывания. Двои из них - знахари, Билл Орлиные Перья и Пит Катчес. Жена Пита держит священную трубку, символизируя Белую Бизониху. Сегодня утром Пит сказал мне: "Сегодня я хочу проколоть тело глубже и страдать сильнее, чтобы принести мир во Вьетнам и сохранить жизнь". Он воткнул восемь орлиных перьев глубоко в тело, и позвольте вам сказать, они сильно ранят его при малейшем движении.

Настало время проколоть плоть. Может, вы не ясно видите, что происходит у земли близ столба. Пит ложится спиной на бизонью шкуру, и кусок дерева зажат в его зубах. Билл становится над ним на колени, зубами оттягивает кожу Пита над сердцем и сильно кусает, заставляя плоть онеметь и побелеть, чтобы прокалывание было не так болезненно. Заметили вспышку ножа? Сделано, и Билл втыкает твердую спицу и орлиный коготь в рану. Пит поднимается, и кожаная веревка, свисающая со ствола, привязывается к спице. Билл прокалывает еще двух людей. А я сейчас оставляю вас на миг и прокалю кожу Биллу. Я сделаю это быстро и бережно, как перо на ране, ибо я много практиковался.

Смотрите на часы? Это займет не больше минуты. Танцорам помогают встать. У каждого - венок шалфея на голове. Когда они привязаны к столбам, знахарь, ведущий церемонию, больше не испытывает к ним жалости. Он тянет танцоров назад, оттягивая плоть их груди.

После этого танцоры поют первую песню: "Я себя предлагаю тебе, Великий Дух. Возьми меня и выполни мое желание. Пожалей меня, ибо я хочу жить".

Танцоры молитвенно возносят руки и дуют в свистки из орлиной косточки. Они останутся на одном месте, поворачиваясь всегда к солнцу, всегда лицом вслед за его ходом, их глаза смотрят неуклонно на его сияние. Все молчат, кроме певцов. Дети не пищат; даже собаки прекратили лаять.

Вы устали даже наблюдать? Солнце слишком ярко для вас, укрывшегося под сосновыми ветвями? Барабанная дробь, бесконечный звук свистков усыпляют вас?

Среди нас есть старожилы, которые показывают глубокие шрамы на груди и насмехаются над современными танцорами.

«Нынче не протыкают мускулы, - говорят они, – только кожу», или «Юноши стали изнежены». Ведь больше никого не подвешивают, никто не волочет за собой восемь бизоньих черепов, пока плоть срезается с его плеч клинками.

Я не знаю, где сейчас достать восемь бизоньих черепов, да и насчет терзания мускулов... эти танцоры зарабатывают на жизнь. Им нужно зарабатывать доллары, чтобы купить еду своим семьям. Неважно, как глубоки их раны, через пару дней им снова нужно косить траву, водить машину племенной клиники или собирать свеклу.

Никому не были нужны деньги в давние дни. Пока залечивались раны танцора, охотники приносили ему столько мяса, сколько он со своей семьей мог съесть.

Но во многом нынешние танцоры храбрее танцоров ушедших дней. Они должны сражаться не только с усталостью, жаждой и болью, но и с врагом в своем сердце - неверием, сомнениями, искушением остаться в городе, забыть свой народ и жить только ради денежной работы и своего благополучия.

Настало время им освободиться. Пит разрывает и свободен, а теперь Билл. А вот у юноши - проблемы: это его первый обряд. Ему принесли палку и вбили ее в землю, чтобы он мог оттолкнуться. Он сделал это. Хехечету - конечно.

Вон человек лежит у центрального столба. Он страдает от болезни и хочет вылечиться. Это время и место для исцеления. Под тополем во время пляски солнца исцеление происходит внезапно, за пару секунд, и происходит с великой мощью, силой духа, порой как электрический удар. Оно возвышает человека; и если он хочет излечиться, он излечится. В прошлом году Пит Катчес страдал от внутренней болезни, и видение велело ему лечь под столбом пляски солнца, чтобы излечиться. Но в видении было еще сказано, чтобы никто не приближался к нему в это время.

Позднее он рассказал мне, что случилось. Пит растянулся на земле и, веришь или нет, через пару минут нечто под поверхностью земли футах в двадцати зашагало с ревом. Пит слышал его, видел его, ощущал его. Оно поднималось очень быстро, пробиваясь сквозь землю и камень, стуча круглым животом, протягивая руки, глядя на Пита. Оно пришло лечить.

И именно в этот миг один из главных танцоров наступил на его голову, красуясь перед туристами и камерами, размахивая орлиным веером над Питом, словно бы проводя знахарскую церемонию. Он хотел получить от участников деньги. Пит велел не

приближаться к нему, но, может, тот человек забыл. И существо под землей ушло, вернулось вниз. Ему не понравились эти туристские штуки. Пит так опечалился, что заплакал.

Но я знал человека, излечившегося под центральным столбом. У парня был плохой случай артрита. Он едва мог ходить или нагибаться. И, когда он растянулся под тополем, ему было видение. Он увидел между белыми флагами бешено скачущего всадника, в волосах которого развевалось одинокое перо. Всадник летел с запада, скользя над тенью от солнца, и копыта его серого коня не касались земли. Больной был охвачен ужасом, поняв, что всадник на полной скорости несется прямо на него. И он ощутил, как всадник коснулся его своим копьем и исчез. И тот человек встал и пошел. Его болезнь исчезла. Велика сила близ алтаря и священного столба во время пляски солнца.

Люди выстраиваются поблагодарить танцоров и пожать им руки. Они приносят большой корень от основания столба, - корень в форме человека с руками и ногами почти с ребенка величиной. Они крошат его. Это сильное снадобье Пит с Биллом раздадут всем по кусочку. Иди и присоединись к очереди. Ты тоже принимал участие в пляске солнца, наблюдая, слушая, учась. Тебе тоже нужно поблагодарить знахарей и получить ломоть того корня. Он хорош от ревматизма.

Столб пляски солнца, подношения подарков, связки табака мы оставим ветрам, дождям и снегу, оставим их природе, небу, земле, от которой мы пришли. Вот, возьми еще кусочек себе домой. А теперь, как мы, сиу, всегда говорим после церемонии - даже самого торжественного и священного обряда - ва уюн тинкте, пойдем и поедим! У меня во рту не было ни крошки со вчерашнего дня.

13. Не Рубите Деревья

Я ожидал твоего вопроса о церкви пейотля. Частенько, первое, что спрашивает белый: "Эй, Вождь, не дашь ли чуток пейотля?"

К нам приезжает много молодежи в кожаных юбках с бахромой и бисерных налобных повязок, сделанных в Гонконге. У мужчин обычно длинные волосы - временами заплетенные по-индейски - и бороды.словно к нам вторглись куча Иисусов и святых Иоаннов Крестителей - я не знаю, каких.

Часто это - приятные ребята, которые ищут что-то и пытаются найти его у нас. И мы стараемся помочь. Сначала мы их кормим. Они всегда голодны, голодны как индейцы, жаждут мяса, новых идей, истины. Есть дружелюбное чувство и родство между нами - они вежливы и пытаются вернуться к природе - но мы не всегда понимаем друг друга. Они приходят и уходят быстро, а чтобы понять друг друга нужно больше времени.

Может, понимание сложно оттого, что мы говорим на разных языках. Недавно двое таких молодых Иисусов из университета Миннесоты - они называли себя "Белые Пантеры" - заявили внезапно и сказали мне очень торжественно:

"Вождь, мы пришли с посланием, принесли тебе истину".

Какое послание?", - спросил я.

"Отделайся от трахателей матери!" - сказали они.

"У нас люди не проделывают такое со своими матерями", - ответил я им.

Видишь, с этим у нас проблемы. Мы не умеем ругаться. У нас нет слов на три буквы. Да, у нас есть слово для близости, но оно означает лишь, что мужчина и женщина занимаются любовью. Нам трудно понять - как слово, означающее радостное соединение тел, можно использовать для ругательства.

Но, как бы там ни было, пейотль притягивает много молодежи. И это создает нам кучу проблем. Закон разрешает использовать пейотль в религиозных церемониях только индейцам, членам Туземной Американской Церкви. А как насчет белых гостей? Одного нашего соплеменника обвинили в распространении наркотиков, ибо он дал белому поесть шишечек на встрече пейотля. Мы не знаем, чем это закончится.

Другому члену церкви пейотля - старику - белые студенты дали чашку пилюлек. «Вот, Вождь, - сказали они ему, - съешь-ка этот современный пейотль. Тебе больше не нужно давиться большим горьким кактусом, сжимающим горло. Попробуй его, Вождь, повернись к современному легкому пути, просто возьми парочку».

Ну вот, старик начал радостно закидывать эти таблетки в рот, и скажу вам, они почти свели его с ума. Два или три месяца он был в смятении, не мог избавиться от шума в ушах. Словно большое пау-вау день и ночь шумело в его голове. Он съел все таблетки за один присест. Он говорил, они хороши на вкус - как леденцы. Теперь он хотел бы знать, что в них было.

Ну вот, мой друг, как видишь, я все никак не могу подступиться к сердцевине истории с пейотлем, кручусь будто собака вокруг кипящего котелка с тушеным мясом. Дело в том, что мой ум раздваивается – он и хочет говорить о пейотле, и не хочет.

Я был членом Туземной Американской Церкви пять лет, ходил на все встречи еженедельно, ел пейотль. Вы знаете нас, сиу, - когда доходит до религии, видений, мы можем испытать все.

Даже известный Черный Лось, ярый приверженец старых путей сиу, в старости так заинтересовался христианской религией, что усаживал внуку позади себя на лошади, чтобы она читала ему Библию, пока он носился галопом по всей прерии.

Ну вот, некогда и я участвовал в культе пейотля, но давно бросил его. Человеку нельзя все время служить сразу двум религиям. По крайней мере, я не могу.

Я знахарь старого пути сиу, я верю в Вакан Танку и священную трубку.

Религия пейотля - нечто новое, а не одна из наших древних исконных вер. Она пришла к нам около полувека назад, распространяясь от племени к племени на север. Наверно, она возникла задолго до Колумба, где-то в Мексике, может, среди майя и ацтеков, затем медленно поднялась к пуэбло, навахо, к кайова и команчам, к племенам Оклахомы, и наконец к нам. Пейотль даже не растет поблизости. Члены церкви сиу получают его из Техаса.

Культе пейотля среди сиу, - настоящий брак между индейским и христианским верованием. Это очень правильно. Ведь сути все религии - одно и те же - все части Великого духа. Проблема не в христианстве, а в том, что вы сделали из него. Вы перевернули его с ног на голову, превратив религию мятежника и хиппи Иисуса в религию миссионеров, армию святых отцов, чиновников Бюро по делам индейцев. Это - две совершенно разные религии, мой друг. И молодежь чувствует это. Вот почему они приходят к нам за духовным опытом,

который не могут больше получить в своих церквях. И хорошо, что так идет. Смешение верований, лучшего в вашей и нашей религии - может, это ответ. Пуэбло вполне счастливы, служа качина и католицизму одновременно. Я знал католического святого, которого они превратили в качину, в божество дождя, и сказали мне, что это великолепно работает.

Множество сиу ходят в церковь по воскресеньям, на встречу пейотля по субботам, и к увипи в любой день, если заболеют.

В Пайн-Ридже построили новую католическую церковь в форме типи со священной трубкой возле креста.

Все это смущает меня. Может, я уже слишком стар. Я в силах держаться только за старые пути сиу - правильно петь древние песни, правильно проводить церемонию потельни, сохранять старые верования в чистоте и истине, живыми и негасимыми. Немалая задача для старика.

Я не могу быть увипи, истинным лакотским знахарем, и есть пейотль.

Мои мысли о наркотиках изменились. Но пейотль - не наркотик, а естественное растение. Если он - часть моей природной веры, как и священная трубка, я поддерживаю ее всем сердцем. Но теперь я вижу и чувствую, что видения должны исходить из моей сути, моими усилиями - тяжким древним путем.

Я не доверяю видениям, полученным легко, — только проглоти что-нибудь. Истинное внутреннее зрение, величайший экстаз так не приходит.

Мгновенный свет щелком выключателя, мгновенный кофе, мгновенные обеды по телику, мгновенные видения от таблеток, растений или грибов — мне это не нравится. По моему мнению, это - часть белой "мгновенной" культуры.

Конечно, я могу - и делаю это - поспорить с собой. Пейотль - природная часть религии многих индейских племен. Суть всех индейских верований - видения, полученные разными путями. Религии христианства и иудаизма, великие религии Востока основаны на том же, только белые забыли это. Это уже не важно им.

Индейцу стоит смотреть на все индейские религии, как на общий драгоценный дом, как на связь всех нас во взгляде на природу, на себя, объединяющую не просто сиу, чейеннов, навахо, пуэбло, ирокезов, хайда, а нечто большее и величественное - индейцев.

Один из наших юных братьев, Леонард Вороной Пес, - увипи и священнослужитель пейотля одновременно. Он практикует старые пути сиу и посещает племена в Аризоне и Нью-Мексико, учится новым путям. Он прежде всего индеец, а потом - сиу.

А я по-прежнему сперва сиу, миннекожду сиу, а потом уж - индеец. Мне осталось жить меньше, чем моему юному другу, и я должен ограничиваться более узким и простым кругом.

Я могу сказать вам все о пейотле. Я ел его много лет. Но, думаю, лучше не мне говорить об этом. Послушайте Вороного Пса. Он вам все и объяснит. А еще лучше - сходите с ним на встречу пейотля. Вот и славно. А потом вы вернетесь и расскажете что-нибудь мне для разнообразия.

ЛЕОНАРД ВОРОНОЙ ПЕС:

Я проводник Туземной Американской Церкви - церкви пейотля. А еще я увипи, знахарь старой традиции сиу. Я не умею ни читать, ни писать. Мой отец Генри выгнал чиновника с охотничьим ружьем. Он не хотел, чтобы белая школа испортила меня, будущего знахаря.

Лет в тринадцать я впервые попробовал четыре шишечки пейотля. Через два года я съел на встрече двенадцать шишечек. У меня нет учебника, и я плохо говорю по-английски, но объясню, как сумею.

Сила пейотля - познание Бога пейотлем. Бог - Вакан Танка - Великий Дух.

У нас здесь Библия и священная трубка. Одни участники встречи - католики, другие – протестанты. Есть и вовсе не христиане, и мы не спрашиваем у вас, мой друг, во что верите вы. Ибо в конце концов - все едино. Иисус и Вакан Танка - одно и то же. Бог и Белая Бизониха, Христос и этот камень в моей священной связке - все одно и то же. Вы поняли это? Ешьте пейотль, тогда поймете.

Пейотль священен. Он - не уловка химии, а священная трава, наше причастие. Пейотль уводил меня в разные хорошие места и знакомил с множеством хороших людей. Я женился здесь; мои дети крещены в Туземной Американской Церкви.

Пейотль открывает для нас три двери, дает нам познать себя, понять людей вокруг, понять весь мир.

Мы ездим за пейотлем в Техас, проделывая долгий путь. Штат Техас издал закон, объявляющий пейотль опасным наркотиком. Можно убивать себя и друг друга виски или пьяной ездой. Или получать рак от сигарет, - правда, большинство индейцев не доживают до получения рака. А вот пейотль опасен. Вы понимаете это, мой друг? Я не понимаю. Мне говорят о свободе религии. Она гарантирована Конституцией, а еще у нас полно договоров, отдавших нам Священные Черные Холмы до тех пор, пока будет сиять солнце. Ну вот, вы знаете, что случилось с нашими Черными Холмами. Может, то же случилось с вашей Конституцией. Это плохо не только для нас, но и для вас тоже, друг. Я понимаю это, хотя и не умею читать и писать.

Мы готовы к встрече. Обычный дом, как видите. Нам не нужна церковь. Просто вынесем всю мебель из комнаты, и вот вам место для богослужения. Все садятся на пол. Прислонитесь спиной к стене. Встреча продлится от заката до восхода, так устраивайтесь поудобнее.

Это церемония перекрестного огня. Мы проводим встречи и лунного огня – в навахском стиле. Разница в том, что в лунном огне больше участия принимает женщина - водная женщина, как символ земли и всего растущего. Лунный огонь - более индейский. В нем меньше Библии. Очень скоро к нам приедут навахские друзья. И мы проведем церемонию лунного огня в типи с большим полумесяцем из песка.

Это забавно. Мы, сиу, проводим свои встречи пейотля в домах. А южные племена проводят свои в типи. Но типи придумали мы. А нужен визит навахо, чтобы мы поставили его.

Мы ставим посреди комнаты железный или асбестовый квадратный лист для огня. Вождь огня внесет его. У нас встречу проводят пять мужчин. Проводник - на встрече он вроде священника - глава огня, барабанщик, вождь кедра, помощник, подающий святое причастие, священный пейотль. Красный Медведь - наш проводник сегодня, и я свободен объяснять вам происходящее.

Наверно, Вождь Хромой Олень рассказал вам, что у нас все полно символического смысла.

Сперва устраивается алтарь - мексиканский коврик, а на нем лакотская библия на нашем языке. На своих встречах мы пользуемся только откровениями святого Иоанна. Они - очень индейские, полны видений, природы, земли, звезд. Кое-что мы понимаем прекрасно, может, лучше вас.

На Библию мы кладем орлиное перо - оно означает Великого Духа, Священного Призрака. Этот священный дух - подобен орлу с острыми глазами. Мы не в силах обмануть его.

Слева кожаная сумка с кедровым порошком для подбрасывания в костер. Это наш ладан. Он представляет растения, все зеленое на земле, еще не заасфальтированной вашими шоссе. Растениям нужно жить, только тогда будем жить и мы, люди.

Справа пейотный веер из перьев. Он ловит хорошие песни из воздуха, хорошие пейотные песни, и представляет всех крылатых, все летающее в воздухе.

Есть еще пейотный посох и священная погремушка. Посох представляет власть, данную свыше для поддержания встречи. Он и посох жизни. Наши жрецы путешествуют с этим посохом.

Бисерная работа на этой погремушке - нечто особенное, - мелкий бисер, работы кайова. Мы не получаем больше такой крохотный бисер. Узоры означают видения, сны, облака и радуугу. Звук камней в погремушке - молитва к Богу. А пучок конских волос наверху - лучи солнца, дающего жизнь солнцу.

Может, ты удивлен - что делает будильник белого рядом с алтарем? Увидишь. Ночь разделена на четыре части - каждые два часа смысл и значение изменяются. Для этого нужны часы.

Пустые жестяные бидоны? Возьми один и поставь возле себя. У иных пейотль вызывает рвоту. Если это случится, не смущайся. Это естественно. Используй жестяной бидон. Никто не обратит внимания.

Теперь вождь огня разжигает костер пылающими угольками. Никогда не становись между человеком и огнем. Огонь означает поколения. Передай огонь огню. Передай огонь тому потомку. Передай дух.

Мы выкладываем пылающие угли полумесяцем - ханхепи ви, ночным солнцем. Он представляет ночь, темноту. Время размышлений, сосредоточения, самосозерцания. Пейотль соединяет всех в любви, но сначала всем нужно разделиться, отсечь себя от внешнего и заглянуть внутрь себя. Это станет молитвой.

И он сказал ему, дай мне книжечку,

Возьми ее и съешь;
И в желудке будет горько,
Но во рту будет сладкий мед.

Помощник вносит священный пейотль. Мы разрезаем его как приправу. Так его легче глотать. Возьми четыре ложки. Я надеюсь, вы сегодня не ели ничего соленого. Пейотль не любит соли. Вот – он не обманет вас. Сейчас проберется в вас. Пусть он трудится за вас.

Нужно время, чтобы пейотль нашел свой путь. Час или два может не быть ощущений. И вдруг вы замечаете изменение. Все уже не такое, как прежде. Человек рядом с вами окажется вдали за миллион миль, а барабанщик в том углу комнаты усядется у вас на колене. Исчезает граница между физическим и духовным. Огни, голоса, звуки смешиваются друг с другом.

Новое понимание приходит к вам - радостное и горячее как огонь или горькое как пейотль. Люди говорили мне, что находили себя вдали, высоко в воздухе, и видели свои тела на полу. Иные люди в видении свернулись в шар, словно внутри материнской утробы, и вспоминали дни еще до своего рождения.

Время, как и место, растет и сжимается необъяснимым образом – вся жизнь существа, учение, понимание сжимаются за пару мгновений внутреннего зрения, или же время останавливается и не движется вообще, минута становится жизнью. Подумай, что можно сделать за такую минуту.

Я не знаю, что будет с тобой. Жди, и пусть это случится. Барабан сейчас пойдет по кругу - вместе с погремушкой, посохом и веером, и каждый споет четыре песни.

Некогда барабан был не медным котелком. Давным-давно кожа его была из бизона. Теперь это лось. Шкура - это кожа Иисуса, которого избивали солдаты. Это индейская шкура, когда нас избивает полиция, арестовывая за пьянство. Шкура - все четвероногие создания, дающие нам еду.

Барабанная палочка – палка, которой били Иисуса. Большая палка правительства против индейцев. Она вырезана из кедра. И представляет все деревья, тоже наших друзей.

Веревка вокруг барабана подобна терновому венцу. Если ты перевернешь барабан, то увидишь, как веревка образует утреннюю звезду. Семь мраморных голов вокруг барабана представляют семь таинств - или семь священных ритуалов нации сиу. Это возвышает вас.

Барабан наполнен водой. Потрясите его, подышите на его кожу; он меняет тон от глухого до высокого звенящего звука. Нам нужны оба звука. Бой барабана - биение вашего сердца. Пусть он наполнит ваше существо. Иди за ним. Не сопротивляйся ему.

Время петь. Я спою для вас. Только передай священное.

Хе яна йо вана хене йо
Хе яна йо вана хене йо
Хе яна йо, вани хийяна
Хе йе йе йо ваи.

Сейчас так и будет, будет правильно. Вот что это означает...

Теперь помолчим, оставшись наедине с собой, завернувшись в одеяло. Полночь. Вождь огня вносит новые угольки. Мы рисуем ими сердце. Видишь его биение? Пейотль - это сердце внутри нас. Обретем чувство единения.

Положи руку на грудь. Ты выглядишь испуганным. Я понимаю тебя. Это случается со всеми в первый раз. Барабан внутри тебя. Твое сердце стучит и бьется так быстро - как пейотная песня. Ты боишься, что сердце не выдержит и разорвется. Не бойся. Этого не будет. Вскоре тебе станет хорошо. Только войди в этот ритм. Вот, теперь ты улыбаешься. Ваште. Время для новых четырех ложек, для новой молитвы.

И явилось на небе великое знамение -
Женщина, облаченная в солнце;
Под ногами ее луна,
И на главе ее венец из двенадцати звезд!

Дева Мария, или Белая Бизониха, или наша Водная Женщина с ведром - неважно. Вот стучит барабан и снова погремушка, песня и всер, вызывающий песни.

Если вы хотите быть крещены, мы превратим огонь в птицу - голубь мира, Святой Дух, Птицу Грома.

Но вот время превратить огонь в крест. Это - четыре угла земли. Ангелы стоят по углам с распростертыми крыльями. По своему желанию они в любой миг могут уничтожить этот мир, но здесь они защищают его своими крыльями. Они не хотят уничтожения. Они говорят: "Не вредите деревьям, и морю, и земле!" Прислушайтесь внимательно к этим словам. Может, это и не ангелы, а вакиньян, священные громовники. Кто знает? Ты видишь молнии в их глазах. Я вижу.

Мы выкладываем огонь звездой. Христос говорил: "Я - Утренняя Звезда". По нашим индейским поверьям, первые люди пришли с звезд. Вот еще четыре ложки. У тебя проблемы с фотоаппаратом? Он прыгает и ерзает? Оброс мехом? Все живое - огонь, вода, дедушка пейотль, почему не фотик?

И увидел я новое небо и новую землю!
Ибо прежнее небо и прежняя земля

Миновали.

Это еще Библия, а, может, и песни пляски духов, не так ли?

Это последняя молитва. Наверно, на улице уже светло. Мы молимся о здоровье, и вашем тоже. Вот идет женщина с водой. У воды хороший вкус. Сделайте четыре глотка. И каждый скажет нечто хорошее об этой ночи, только пару простых слов - и мы поедем все вместе. Есть два вида васны, - смесь мяса и ягод, и васна сладкой кукурузы. У нее хороший вкус? Теперь выйдем и посмотрим на рассветное солнце, новое солнце, такого вы никогда не видели прежде. Идем, это была длинная ночь. Хихану ваште - доброе утро!"

Однажды я отправился в Роузбад и увидел человек двадцать знакомых индейцев. Они сидели на полпути к зданию совета. Там всегдалюдно, индейцы сидят и ждут, сидят и ждут - денег пособия, работы, разрезания красной ленточки. Им можно ждать. У индейцев столько времени. Все знают это.

Ну вот, эти люди широко мне улыбнулись, я многим пожал руки. И один старик из Норриса – был он некогда знахарем, но бросил все давным-давно - сказал: "Вот, Джон, ты знахарь. Я давно оставил индейскую религию, но в последнее время мне от этого не по себе. Я хочу поговорить с внуками и научить их старому пути, но я многого не понимаю, а еще больше забыл".

Я спросил, что он хотел знать, и вокруг собрались люди послушать мои слова. Старик сказал мне: "Я хочу знать о пляске духов".

"Тут слишком много прохожих, - сказал я ему, - сплошные сделки лягушачьих шкурок и очереди. Пойдем в зал совета и обсудим все подробно?"

"Окей, пойдем, хийюпо", - сказал он и последовал за мной, а за ним последовало много людей. Ну, как собрание племени, все сели на стулья, и я начал рассказывать им, что знаю о пляске духов. Из своего видения, своего сна, из рассказов мне Великого Духа и маленьких духов, из всего, услышанного от стариков в детстве, я попытался создать историю.

Где-то между 1880 и 1890 годами было затмение солнца. Многие индейцы почувствовали дрожь земли и решили, что солнце умерло. Они почувствовали наступление великого несчастья. Они пошли в резервации с намерением стать фермерами, они не знали как, да и неважно. Все равно были годы засухи. Ветер сдувал землю облаками пыли. Даже белые фермеры, у кого были лучше и земля и машины, переживали сложные времена. Индейцы получили немного рогатого скота в компенсацию за землю и собирались разводить его. Но урожай засох, правительственные пайки закончились, и тогда индейцы съели коров. И стали голодать. У них была корь, коклюш, проблемы с легкими. Это не убило бы крепких людей, но убивало ослабевших от голода. Индейцы говорят: «Точно так же мы могли просто лечь и умереть". Они надеялись, что помощь придет не слишком поздно.

Пляска духов возникла на Юго-западе среди ютов. При затмении солнца один из их священных людей услышал громкий звук, словно многоголосицу грома, он словно умер, но орел вознес его в небо. И вернувшись к жизни, святой сказал людям, что видел Бога или Великого Духа. Тот показал ему новую прекрасную землю, которую Великий Дух приготовил для своих индейских детей. Она была покрыта сочной высокой травой. Она была похожа на землю до прихода белых – с обилием бизонов, оленей, антилоп, испещренная множеством типи. И в них жили все индейцы, погибшие от руки белого или его болезней. Все снова были живы в этом прекрасном краю. Вещи белого исчезли - ни ружей, ни горшков и кастрюль, ни виски.

Этот святой юта вернулся на землю со священным знанием. Он научился в новом краю песням и пляске. Пением и пляской должны были вернуть мертвых индейцев на землю вместе с бизонами. И знахарь юта начал учить пляске свой народ. У него было пять песен. Первая вызвала бы туман и холод, вторая принесла снег, третья - кроткий дождь, четвертая - большой ливень, а от пятой солнце воссияло бы снова. Знахарь получил еще священное перо

и толику святой красной краски для лица. Он сказал всем: «Не вредите людям, не сражайтесь. Моя пляска духов - пляска мира».

Это казалось посланием, помощью, о которой молились люди. Одно племя за другими принимали пляску. Когда сиу слышали о ней, они тоже послали на юг четырех преданных людей поговорить со святым юта. Это были Добрый Гром, Облачный Конь, Желтый Нож и Низкий Бык. Их странствия были долгими и трудными. Большинство земель уже завоевали белые. Нужно было пересекать дороги, заборы и линии железных дорог. Индейцам не разрешалось покидать резервацию без особого разрешения. Они путешествовали ночью и скрывались днем. А, вернувшись, все четверо сказали: "Он все верно говорил об этой новой вере". Один сказал: "Я упал как мертвый. Я был мертвым. Я нашел себя на новой земле, и увидел родича, погибшего в прошлом году. Я видел его, как тебя сейчас. Я увидел его жену, а ее белые солдаты убили давным-давно. Они жили в большом типи, и дали мне мяса. Я сохранил это мясо из другого мира. Вот оно".

Второй сказал: "Святой юта дал мне заглянуть в его шляпу, и я увидел в ней весь мир".

Третий человек сказал: "Этот пророк велел нам, убивая бизона, оставлять его голову, хвост и четыре ноги, чтобы он ожил вновь. Сейчас уже нет стад бизонов, но мы набрали на одного выжившего. Мы убили его, съели мясо и сделали все, как сказал юта. А потом мы увидели, как из головы, хвоста и копыт новый бизон возник и ушел".

Четвертый человек сказал: «Новая религия должна быть хорошей, ведь мы встречали наших исконных врагов - кроу, ассинибойны, пауни – и эта пляска духов превратила нас в друзей и братьев. Теперь мы просто одно большое племя – индейцы».

Эти люди принесли от святого юта орлиное перо, особые травы и священную красную краску для лица. (прим. автора - Пророк Вовока был на самом деле пайютом, но старые сиу всегда говорили о нем, как о "Святом юта".)

Но сиу не сразу приняли пляску духов. Сначала она пришла к арапахо, облачному народу, и к народу Дыра-В-Носу, неперсе, к шайеннам и кроу. Так рассказывал мне дед. Один человек из племени арапахо ушел на поиск видения, и пришедшее сновидение научило его, как начинать пляску духов. Во сне он получил траву для пляски. Да это и не трава была, а мясо, мясо птицы, совы, говорят. Тот арапахо сделал разные узоры, и они переходили от племени к племени, - платья, рубашки и накидки пляски духов с образами птиц и зверей, солнца, луны и утренней звезды.

Иные сиу странствовали еще больше, желая получить полную историю пляски, - Низкий Бык, уже посещавший пророка, и Пинающий Медведь, свирепый хмурый воин с Реки Шайенн. Эти двое стали вождями пляски духов. Они рассказали народу, что пляской можно создать новый мир. Начались бы оползни, землетрясения и ураганы. Холмы громоздились бы друг на друга. Ковром скаталась бы земля со всеми уродливыми вещами белого человека - испорченными новыми животными, овцами и свиньями, оградами, телеграфными столбами, шахтами и заводами. А под ним оказался бы удивительный старый-новый мир, как до прихода белых пожирателей жира.

Они говорили: "Духи мертвых снова оживут на этой земле. Пляска духов вернет нам мертвых сородичей. Она вернет бизонов. Все будет хорошо и чисто опять. Не будет убийств. Белые будут скатаны, исчезнут, вернуться на свой континент. Может, останется парочка хороших. Им дадут орлиное перо в волосы, и они тоже станут частью нового мира и будут жить как

индейцы. Но лишь немногие. Земля вздрогнет, поднимется большая буря. Затем мы возродимся. Мужчины и женщины скинут свои платья и перестанут стыдиться, придя вновь из утробы бабушки земли".

Танцоры верили, что своими действиями они вернут к жизни землю счастливой охоты. Хорошие слова были в песнях пляски духов. В одной песне говорится:

Они забивают коров,
они убийцы коров.
Так сделай свою прямую стрелу,
Сделай стрелу, сделай стрелу.

Они не собирались убивать по-настоящему, или делать настоящие стрелы. Песня означала: Если вы хотите идти к новой земле, станьте стрелой. Она будет прямой. Она будет безупречной. И вы будете прямы и праведны, как та стрела. Вот почему для пляски делали луки и стрелы, которые вешали на столбе посреди земли. Временами пляску начинала женщина, выпуская стрелу на все четыре ветра. Стрелы были сделаны по-старому - с каменными наконечниками.

Пляска начинали потельня и сжигание свитграсс. Танцоры раскрашивали лица красным, рисуя черный полумесяц на щеках или на лбу. Они не носили ничего металлического, - ножей, серебряных орнаментов, - никаких вещей белого, кроме множества хлопковых рубашек пляски духов, ведь оленье замша исчезла. Порой священное место было сделано в форме квадрата. В западном углу размещали священную трубку - она представляла нас, народ сиу. На севере клали стрелу - она представляла шейеннов, шахиейла. На юге лежало перо Канги Вичаша - кроу. А на востоке - знаки града арапахо. Это показывало, что пляска объединяет племена, даже прежних врагов.

Пляска длилась четыре дня. Часто плясали всю ночь до рассвета. Вождь пляски держал большую палку, на верхушке которой были привязаны знахарская сумка и орлиное перо. Если кого-нибудь обмахивали этим орлиным пером, тот падал в обморок. Вождь размахивал во все стороны посохом с пером. И когда люди плясали, держась все вместе за руки, откуда-то приходила сила. Мужчины и женщины испытывали головокружение и падали. Они выглядели мертвыми, только кожа подрагивала. Ну вот, их оставляли лежать, лежать распростертыми посреди круга танцоров. А остальные продолжали пляску.

Вскоре люди приходили в себя и вставали. Танцоры останавливались ненадолго, а все очарованные или потерявшие сознание рассказывали об увиденном. Одни говорили: "Я был мертвым и вновь ожил". Другие говорили: "Орел поднял меня, и я увидел свою мертвую мать". Порой они находили кусок мяса в руках, или вишни, перо, бисерную вышивку, вещь из другого мира. Если вождь возвращался с пригоршней зерна, он проходил с нею по кругу всех танцоров, ибо считалось, что она пришла от духов, из страны духа. Эту кукурузу почитали, клали в сумку и привязывали к своим никлейсам.

Однажды юноша, упавший в обморок, вернулся с пылью в кулаке, серовато-белой землей, и сказал людям: "Она с утренней звезды, я поднимался к ней. Там живут люди, но вы не видите

их, а они не видят вас. Человек никогда не увидит их, но вот эта земля, и она человеческая. Мы пришли от земли, мы - часть ее, и эта земля утренней звезды тоже живое существо".

В другой раз во время пляски духов в Монтане было прекрасное собрание с множеством танцоров. Все пели на языках своих племен. Один старик впал в транс, а, придя в себя, заявил: "Вот у меня кусочек луны". Он повторял это снова и снова: "Это кусок луны. Он выглядит как земля, но он - плоть". Он раскрыл ладонь, и все увидели необычный сияющий порошок. И не единожды люди, терявшие сознание, пробуждались со сжатой горстью земли, уверяя, что она - с луны. Часть ее сохранилась в старых знахарских сумках семьи танцоров пляски духов. Я взял одну горсточку и послал эту странную пыль в Университет Южной Дакоты в Вермиллионе на анализ. Позднее мне сказали: "Пыль и правда очень похожа на лунный камень, но не говорите об этом".

Человек другого племени участвовал в нашей пляске духов, - арапахо, кажется. Он сказал: "Мы сделаем все рубашки пляски духов пуленепробиваемыми. Я научу вас рисовать узоры на рубашках, и они станут неуязвимыми для пуль. Пляска духов говорит мне, что мы должны отделаться от белых. Они должны уйти. Мы заставим их уйти, ведь наши рубашки неуязвимы для пуль. Мы сделаем это". Он поднял одну из накидок и нарисовал на ней вспышку от ружья. Он поднял пару пуль с земли и сказал: "Смотрите, они не пробили эти рубашки; они просто упали без вреда на землю. Белые солдаты не ранят нас".

Один человек видел и слышал это. Он пошел и сказал людям из правительства. Вот когда начались проблемы. Это был мирный танец, пляска видения, связи с мертвыми родичами, но из-за одного неверного видения белые не так все поняли. Человек, кто разнес выдумку, был завистливым. Он по злобе солгал правительству, будто индейцы хотят убить всех белых. Он имел зуб, ведь его оставила подруга, которая присоединилась к танцорам духов. И этот завистливый человек предал свой народ, а правительство решило остановить их не мирным путем, нет, оно пришло останавливать танцоров духов ружьями и пушками.

Сначала они убили нашего святого, Сидящего Быка. Маклохлин, агент в Стэндинг Роке, отлично знал, что Сидящий Бык не был лидером танцоров духов. Он знал, что, несмотря на все разговоры о большом индейском восстании, пляска не угрожает белым. Старый вождь жил мирно в своей маленькой хижине. У него были друзья среди белых. Он любил поговорить о маленьких белых детях в Нью-Йорке, кому он давал сладости, разъезжая с шоу Сидящего Быка. Он говорил, что все дети похожи, белые или красные, и люди смогут объединиться, если сохраняют ум ребенка. Он также говорил: "Я хочу, чтобы белый жил рядом со мной, а не надо мной". Но пока Сидящий Бык был жив, люди прислушивались к нему больше, чем к правительственному агенту, желавшему «цивилизовать» их и превратить в белых. Сидящий Бык стоял на пути, и он умер.

Около тридцати индейских полицейских окружили маленькую хижину, в которой жил старик. Сначала он вышел мирно, но потом услышал пение в толпе: "Сидящий Бык, ты был когда-то воином, что же ты сделаешь сейчас?" Он оттолкнул людей, пытавшихся надеть ему наручники, и сказал: "Я не пойду". Сразу началось сражение между полицией и сторонниками Сидящего Быка. Всегда говорили, если вы хотите увидеть настоящий бой, вам надо посмотреть, как сиу сражаются с сиу. Все другие бои - забава по сравнению с этим. Когда бой кончился, пятнадцать человек лежали мертвыми в снегу, а среди них - старый вождь. Буффало Билл отдал Сидящему Быку в подарок одного из цирковых коней шоу, и при

звук выстрелов этот конь начал танцевать. Он подумал, что вернулся в цирковое шоу Дикого Запада. Но к несчастью, это было не воображаемое сражение.

Пока Сидящий Бык и его ближайшие друзья, прошедшие с ним огонь и воду, были живы, Стандинг Рок еще держался против так называемой "цивилизации". В этом месте индейцы крепко и упрямо держались старого образа жизни и верований. Но после гибели Сидящего Быка люди уступили, и пришло великое время миссионеров. Вот почему в Стандинг Роке сейчас меньше знахарей, чем в других резервациях сиу.

А белый агент Пайн-Риджа был так уверен, будто пляска духов была началом большого восстания, что вызвал армию. Вскоре все кишело синими мундирами. Тут было больше солдат, чем индейцев. Часть танцоров испугались и сбежали в пещеры Бэдлендса, где их едва ли бы нашли. Мы все знаем старика, мистера Тупого Быка. Он еще помнит пляску духов. Он видел ее маленьким мальчиком.

ТУПОЙ БЫК:

"Я не знаю, сколько мне лет. Правительство дало мне день рождения согласно финансовому году 1 июля 1887 года. Они тогда проводили перепись нашей семьи. А мне было уже, может, года четыре, когда они только записали меня. В те дни Правительство не записывало число рождения, как сейчас. Мне сказали, что я родился в Оклахоме. Вот все, что я знаю об этом.

Сначала я расскажу тебе, что помню, - с чего начались беды, ужасные тревоги. Мы случайно оказались в Роузбаде, в лагере под стражей - солдаты, кавалерия. Они окружили наших отцов и дедов, чтобы те не убежали и не смешались с "Вражеской" компанией. Мой отец перевозил груз из Валентайна на повозке быков. Он уезжал рано утром и возвращался ночью порожняком. Мы слышали о великой пляске духов на севере от нас в индейском поселении Солёный Лагерь. Младший брат моей матери заболел и захотел увидеть пляску, чтобы вылечиться. Тогда мы установили козлы и поехали туда, мой дядя, моя мать, сестры и я.

По прибытии мы увидели большую ровную поляну близ селения и великое волнение, конные и пешие люди бегали по кругу. Много мужчин и женщин держались за руки и вели хоровод. Все пели песни пляски духов, и снова кружились и кружились, кружились и кружились. У них не было барабанов, только голоса звучали все время. Я помню одного человека. Он двигался как пьяный, качался взад-вперед. Он упал вниз лицом, а потом перевернулся на спину и растянулся. Два вождя пляски пришли с огнем и большим опахалом из орлиного крыла, они положили травы в пламя и раздули огонь. Это пробудило танцора, и он поднялся. Все стали спрашивать, что он испытал.

Он ответил: «Я был на дороге отсюда вверх. Я не видел ее, но шагал по ней. Она поднялась на холм, где сидел одинокий человек. Я подошел к нему. Он сказал: "Вот твой народ внизу, большой индейский лагерь, типи, кони, бизоны - где ты будешь. Теперь вернись и научи свой народ". Этот человек вернулся из другого мира с новой песней и научил ей людей.

А человек из другого племени впал в транс. Очнувшись, он собрал рубашки духов и повесил их на столбах - холщовые рубашки с рисунками солнца и полумесяца на спине. Иные стреляли в них из ружей, и индеец из другого племени говорил, что пули не пробивают эти рубашки, а падают на землю. Мой дядя не знал, верить ли ему.

Один из дядюшек – у меня их было семь - поднялись к Пайн-Риджу, возле Вундед-Ни, и уговорили моего отца присоединиться к ним. Отец шел сюда двадцать дней, а после индейская полиция велела нам возвращаться. В Пайн-Ридже было только несколько домов, пара офисов и часток. Типи были собраны вместе; их охраняли день и ночь, но кое-кто убежал в Бэдлендс.

Мы приехали в Пайн-Ридж с повозкой и крытым фургоном. Мой отец был знахарем и научил меня песням пляски духов – «Мака Ситомни укье, весь мир приходит», и "Я люблю моих детей, вы станете народом, говорит отец".

Солдаты ворвались в лагерь и велели нам отдать все луки и стрелы, ножи и ружья, иначе нам позволят поехать к нашему народу. И мы сложили все оружие в кучу. У нас уже не оставалось почти ничего, называвшегося оружием, и груда была очень маленькой. Мы все уже проходили раньше. Ну вот, мы тогда были где-то между Пайн-Риджем и Вундед-Ни, дрожали в своих палатках у костра, ведь стоял декабрь, очень холодный, почти ледяной. Земля была покрыта снегом. Никто не знал, что случится, что сделают солдаты. Все боялись; даже мы, дети, чувствовали это. Вдруг мы услышали стрельбу. Словно где-то выхлопывали одеяло, один непрерывный звук, и я, глядя на лица родителей, понял, что случилось нечто очень плохое.

Именно тогда солдаты убили людей Большой Ноги - убили всех, мужчин, женщин и детей. Мы были не очень далеко и слышали пальбу очень ясно. Тела на всю ночь оставили лежать на земле и замерзать, так что их руки и ноги окоченели. Утром тела закидали в фургоны, выкопали длинную траншею, побросали их в нее и закопали всех. Нашему лагерю повезло. Это могло случиться с нами. Те рубашки оказались в конце концов не пуленепробиваемыми".

Когда люди осмелились пойти и посмотреть на выживших, они еще нашли живыми четырех детей. Умиравшие матери бережно завернули их в свои шали. Последние мысли их были о малышах. Они пролежали, истекая кровью, на открытом снегу три дня, в буран, без еды. Это были крепкие женщины. Один выживший ребенок был маленькой девочкой, Синткала Нони, Потерянной Птичкой. Говорят, на ее детской шапочка был вышит бисером крохотный американский флаг.

Я пытался вернуть пляску духов, но толкуя ее по-новому. Пусть и ошибочно, но спустя восемьдесят лет я верю, что все больше и больше людей чувствуют смысл наших молитв о новой земле, чувствуют, что ныне не только индейцы, но и все подошли к «опасности человеческого виду». И пусть индейцы помогут вам получить новую землю без загрознения и войны. Давайте скатаем мир. Ему это нужно.

15. Перевертыши С-Ног-На-Голову, Передом-Назад, Холодно-Горячо

Я хочу рассказать вам о клоунах, но это не посмешит вас. У индейцев все наполнено глубочайшим смыслом; и все поступки, так или иначе, связаны с нашей религией. Я поясню. Для нас клоун священен, необычен и могущественен, смешон и свят, постыден и не от мира сего – все сразу, и даже нечто большее. Одурачивая всех, клоун в реальности проводит

духовную церемонию. Силу ему дают громовники, а не звери или земля. В индейских верованиях сила клоуна больше силы атомной бомбы. Она может сдуть купол Капитолия. Я говорил вам, что когда-то работал на родео клоуном – тоже почти духовный труд. Быть клоуном для меня равносильно работе знахаря - занятия одной природы.

Клоуна на нашем языке зовут хейока. Он – человек с-ног-на-голову и передом-назад. Человек «да и нет», перевернутой мудрости. Каждый может превратиться однажды в клоуна, нравится ему это или нет. Очень просто стать хейока. Вам только нужно увидеть молнию, громовых птиц – и все. Проснувшись утром - вы хейока, и с этим ничего не поделаешь. Быть клоуном почетно и стыдно. Вы получаете силу, но платите за нее.

Хейока вечно чудит. Он говорит "да", думая "нет". Он скачет на лошади задом наперед. Он носит мокасины или ботинки не на ту ногу. Приходя, он уходит. В жаркий день, когда все дышит зноем, хейока будет дрожать от холода, надевая рукавицы и кутаясь в одеяла. Он разведет большой костер и скажет, что замерз до самых костей. Зимой в буран, когда температура падает ниже сорока, хейока истекает липким потом. Для него слишком жарко. Он наденет купальный костюм и заявит, что собирается поплавать и освежиться. Бабушка рассказывала мне о клоуне, кто часами бродил голым в жуткий мороз. Он был в одной набедренной повязке и вечно талдычил о жаре. Его звали Нейока Осни - холодный дурак. Другой клоун всегда ходил с молотком, пытаясь расплющить круглые и изогнутые вещи, распрямить всякие суповые миски, яйца, шары, кольца или тележные колеса. У бабушки было круглое ламповое стекло для керосинки. Ну вот, он его выпрямил. Нелегко быть хейока. Даже труднее, чем единственным ребенком в семье.

Беспутные люди и пьяницы высмеивают хейока, но мудрые старики знают, что клоуны – громевидцы. Это громовники велели им делать глупости, и каждый хейока старается согласно своему сну. Известно также, что хейока защищает людей от молнии и урагана, а его прыжки, потешающие людей, священны. Смех - нечто крайне священное, особенно для нас, индейцев. Для таких же бедняков, как мы, потерявших все, вынесших столько смертей и печали, смех - драгоценный дар. Мы мрем как мухи от болезней белого человека, мы загнаны в резервации, мы голодаем при запаздывании правительственных пайков, поэтому наблюдать за трюками хейока – для нас истинное благословение.

Индейцы любят посмеяться. Холодными и голодными ночами истории о хейока заставляют нас забыть о несчастьях. Вот как хейока притворился не понимающим английский. В кафе показывает на сэндвич и говорит: "Дай-ка мне тот из ветчины и сыра сукин сын". Или дает как-то сестра брату красивую пару мокасин. "О-ха, - вздыхает она, - надень-ка их". А ее брат, хейока, вскоре возвращается с котелком кипящего супа, в котором плавают разрезанные мокасины. Он ест их. «Что ты делаешь с мокасинами?» - кричит девушка. "Ты сказала мне вохан: приготовить - их", - отвечает дурень.

А ты слышал о хейока, который ходил в магазин за консервами. Он не умел читать и писать. Он смотрит, значит, на картинки на консервах - бобы, цыплята, горох. Ему все нравится, он все покупает. И вдруг видит консервы собачьего корма с толстым щенком на этикетке. Он покупает их и ест. "Парни, этот щенок неплох на вкус", - говорит он.

Или поговорим о черепахе хейока, и его друге хейока лягушке. Они сидели на камне у озера. Начался дождь. "Поспешим, или вымокнем", - говорит хейока черепаха приятелю. "Да, спрячемся от дождя", - говорит лягушка хейока. И они прыгают в озеро. Может, эти истории

не забавны для белого человека, но нас они смешат всякий раз, сколько бы мы их не слышали.

Клоун получает свою странную силу от вакинъян, священных крылатых, птиц грома. Дай я расскажу тебе о них. По нашим поверьям, в начале всего, когда земля была юной, птицы грома были гигантами. Они выкапывали и прокладывали русла для рек. Они управляли водами. Они сражались с унктегила, великим водным чудовищем, обросшим красными волосами с одним глазом рогом посреди лба. Его позвоночник был как пила. Видевшие его сразу слепли, на следующий день становились сумасшедшими, витко, а на третий - умирали. Кости унктегила можно найти в Бэдлендс, они смешаны с остатками окаменевших морских ракушек и черепах. Чтобы вы там ни думали, знайте, - все эти окрестности были широким океаном, и все началось в воде.

Когда громовники жили на земле, у них не было крыльев, и дождь был без грома. Но после смерти их духи поднялись в небеса и превратились в крылатых существ, вакинъян. Их первые тела превратились в камни, как у морского чудовища унктегила. Их остатки тоже разбросаны по Бэдлендс. Так полно и канги таме - стрел молний, превратившихся в черные камни и похожих на наконечники копий.

Высоко над облаками в конце мира, где садится солнце, стоит гора - обитель вакинъян. Четыре тропы ведут к этой горе. Бабочка сторожит вход на востоке, медведь - на западе, олень сторожит северный вход, а бобер - южный. У птиц грома - гигантские гнезда из сухих костей. В них покоятся огромные яйца, из которых вылупляются маленькие птицы грома. Одно такое яйцо больше всей Южной Дакоты.

Есть четыре больших старых птицы грома. Великий вакинъян запада - первый и главный среди них. Он облачен облаками. Его тело бесформенно, но его крылья из четырех суставов огромны. У него нет ног, но есть когти, громадные ужасные когти. У него нет головы, но есть огромный клюв с рядами острых зубов. Он черен. Вторая птица грома красного цвета, и ее крылья из восьми суставов. Третья птица грома желта. А у четвертой синей птицы грома нет ни глаз, ни ушей.

Я пытаюсь описать птиц грома, но я не в силах сделать это. Лицо без черт, образ без формы, когти без ног, глаза, непохожие на глаза. Иногда наши древние святые видели проблеск этих существ в видении, но лишь частью. Ни один человек никогда не видел всю птицу, даже в сновидениях. Кто знает, как выглядят великие громовники? Ты знаешь, как выглядит Бог? Мы знаем только то, что рассказывали нам старики, что говорят нам видения.

Эти птицы грома, они - вакан ойяте - дух нации. Они не похожи на живые существа. Ты можешь назвать их ужасными божествами. Вакинъян открывает рот, и речь подобна грому, и все маленькие птицы грома повторяют за ними. Вот почему сначала слышен громкий раскат грома, а за ним следуют слабые отголоски. Вакинъян открывает глаза, и они сверкают молниями, даже у безглазой птицы грома. У него полумесяцы вместо глаз, но они мечут молнии.

Птицы грома - часть Великого Духа. Они облечены величайшей силой во всей вселенной. Их сила тепла и холода сталкивается над облаками. А молния - это синяя молния солнца, словно колоссальная сварка или создание нового солнца. Она как атомная пыль. Сила грома защищает и уничтожает. Она хороша и плоха, как плох и хорош Бог, как плоха и хороша

природа, или мы с вами - и хороши и плохи. Это великая крылатая сила. Рисуя молнию, мы изображаем ее так (рисунок), зигзаг с развилкой на конце, на верхушках развилки он увенчан перьями, представляющими крылатую силу. Мы верим, что молния раздваивается на хорошую и плохую часть.

Хорошая часть - свет. Он приходит от Великого Духа. Это - первая вспышка, осветившая землю, когда не было ничего - ни проблеска, только тьма. И Великий Дух, Светлое Божество, создало этот свет. Порой ты видишь молнию одной чертой без развилки на конце. Это благословенный свет. Он освещает землю; он освещает твой ум. Он дает нам видения. Эта молния - просто новая связь неба и земли, как черенок и дым нашей священной трубки. Этот свет зажег для людей первый костер. А гром был первым звуком, первым словом, может быть. Задолго до прихода белого человека у нас был образ света, и мы знали его значение.

Сила молнии благоговейна и ужасна. Мы боимся ее разрушительной стороны. Молния с юга означает опасность. Она летит против ветра. Если она столкнется с другой молнией, случится что-то вроде всемирной автокатастрофы. Она убьет вас. Вам не помогут ни полицейский, ни судья, ни священник. Эта вспышка юга, этот тонван, стрела молнии – стрела божества. Порой она бьет в коня, и вы видите все его вены облученными словно от рентгеновских лучей. А после вы находите черный камень в земле на месте удара молнии. Старики говаривали, что вред от молний причиняют молодые неопытные птицы грома. От них все несчастья. Они как трюкачи, клоуны. Старые птицы грома мудры. Они никогда никого не убили. По крайней мере, такова история.

Мы клянемся силой грома, вакинья. Вы рассказываете историю, а вам не верят и сомневаются в ваших словах. Тогда вы говорите: "На есел лила вакинья агли - вакинья намахон". И сделано. Теперь все знают, что вы говорите только правду, и ничего, кроме правды. Иначе молния убьет вас. А еще клятва на священной трубке в ваших руках не позволит вам солгать, иначе громовники убьют вас.

Когда громовники хотят передать свою силу людям на земле, они посылают человеку сон, видение о громах и молнии. И сновидение показывает ему, как передавать людям их силу. Человек становится хейока. Он даже не видел молнии и не слышал грома во сне. Но, увидев во сне коня или всадников с травой на поясах или в волосах, он знает – сон исходит от вакинья. Любой сон с символикой сил грома превратит вас в хейока.

Предположим, вам такое приснилось. Что происходит потом? Очень неприятно говорить об этом. Я хочу сказать - человек, которому снятся птицы грома, утром сразу же испытывает страх, страх перед необходимостью совершить свой поступок. Ему нужно вести себя как во сне, только на людях. Я поясню, чего мы боимся. Индейцы скромны. В старые дни выставить ногу – скажем, до колена - для девушки было неприлично. Мы – стыдливы, а бедный хейока в своем сне был, может, абсолютно голый, даже без шнурка. И выйти так на люди ему нелегко.

В наше время стыд исчезает совсем. Оглядишься, сходи в кино, везде сплошная обнаженность; ныне можно делать почти все. И к нам не приходят больше сны, где мы голые, ведь это уже не так ужасно. Я шучу, но если бы ныне мне приснился сон хейока, то громовник показал в нем нечто постыдное с моей точки зрения. Мне было бы стыдно сделать это на людях или откровенно в этом признаться. Нечто внутри меня не хотело бы так поступать. И это мучило бы меня. После такого сна, встав на утро, я сразу же слышал бы звук в земле, прямо под

ногами, - раскат грома. Я знаю, что до окончания дня гром ударит и ранит меня, если я не выполню сон. Я испуган, я прячусь в подвале, я кричу и прошу помощи, но все бесполезно, пока я не выполню сон. Только это освободит меня. После я могу получить силу, но большинство людей просто быстро забывают о случившемся.

Давай, я расскажу тебе историю, как хейока поступил по велению своего сна. Это случилось в Мандерсоне в 20-х годах. Как раз на Четвертого Июля. Тот человек по-настоящему был полон жизни. Он кувыркался, а толпа молодых ковбоев верхом преследовала его, и никто не мог поймать его. Ковбои пытались заарканить его и не могли приблизиться. Он бежал перед ними, порой кувыркаясь, или разворачивался и бежал обратно. Едва они приближались к нему, он вновь уворачивался и убегал. А когда он сбросил с себя изорванный мешок с дырками для глаз, мы увидели старика семидесяти лет. Как его имя? Не вспомню. Но он был седовласым стариком, просто громовники дали ему силу быстрого бега.

Хейока следует своему сну буквально и одевается, как был одет в видении. И вот тут полно странностей. Во сне он видит людей. Если во сне он увидел вас, то вы окажетесь в том месте и в то время, где он станет действовать. Вы станете свидетелем, неважно, планировали вы это или нет. Это неизбежно. В это трудно поверить. Можно называть это фантастикой или чепухой, но дело так и обстоит.

Став хейокой, вы не хотите быть им до конца жизни и вечно делать все наоборот, совершая глупости неизменным оборотнем. Вы захотите очиститься, избавиться от этого. Выполняя свой сон, испытывая стыд и оскорбления так, что не осмеливаешься открыть лицо, ты освобождаешься лишь частично. Необходимо еще провести церемонию, которая будет ужасна в каком-то из этих аспектов.

Сновидец просит знахарей и всех хейока о помощи. Конечные или волковидцы обойдут всех и объявят, что человек увидел во сне птиц грома и должен исполнить видение. Хейока может быть и женщиной, но это редко случается. Сновидец приглашает всех бывших и настоящих хейока поучаствовать в церемонии.

Сначала они проходят потельню и освящают себя дымом свитграсс. Великому Духу нужны для обряда чистые люди. Как и все наши церемонии, этот обряд начинается в потельне. Паровая баня такая же, как всегда, только сидящие внутри поют песни хейока. К тому же, потельня хейока всегда ставится лицом на восток, а не запад. Все книги твердят, будто потельня стоит лицом на восток. Кто бы ни писал это, он описывал, наверно, обряд хейока. Может, человек неправильно понял, а после все скопировали его. Все наши потельни стоят лицом на запад к закату солнца.

Церемония хейока начинается пляской. Я хочу, чтобы вы знали - наши пляски не просто пау-вау в хорошие времена, прыганье с ноги на ногу. Все пляски берут начало в нашей религии. Они начались как духовные собрания. Они священны. Клоуны - часть их. Много, много лет назад, прежде чем люди научились плясать, видение громовидцев велело им бегать и прыгать вокруг бизоньего желудка с варившимся мясом. В те дни у нас не было железных котелков. Это называлось пляской "Вокруг ведра". Она проводилась в честь громовников, духов молнии и была нашей старейшей пляской - вместе с пляской солнца.

Итак, ведро с собачьим мясом варится на открытом огне. Для пляски собираются вместе все хейока, чтобы помочь друг другу. Четыре вождя и четыре помощника, знающих песни

хейока, должны быть сами хейока, но в наше время таких недостаточно, и мы приглашаем всех желающих. Настоящие хейока, бывшие или нынешние клоуны грома, носят особые бастлы из орлиных перьев с хвостом, и пояса кроу из перьев всевозможных птиц - орлов, сов, ворон или дятлов. У них еще есть погремушки из оленьих копыт. Мы почитаем эти вещи. Они вакан.

Заместители танцоров - не хейока, - не носят такие вещи. Они привязывают траву на пояс и в волосы. От них идут наши общественные танцы - пляска травы, пляска омаха, пляски добрых времен. Они переросли в современные танцы, которыми мы радуем себя, но все началось с религии. Плясать и молиться - это одно и то же. Даже на наших пау-вау со смехом и шутками мы сначала представляем и почитаем хейока. Мы сочетаем пау-вау с раздачей подарков, которыми мы почитаем наших умерших, с утешением оплакивающих, с помощью друг другу. Это не просто прыжки по кругу.

Ну вот, хейока пляшут вокруг кипящего котелка, поют и делают все наоборот. Если сновидец говорит: "Хороший день завтра", на завтра жди чертова дня. А если он говорит: "Завтра будет гроза с утра до ночи", ну, можно оставить зонтик дома. Вам он не пригодится, ибо погода будет прекрасной. Если хейока видит больного и говорит: "он на пути к смерти", больной начнет непрерывно улыбаться, ведь он поймет, что будет жить. Но если хейока говорит: "С тобой все будет в полном порядке" - это плохо, можно начинать писать завещание.

А вода все бурлит в котелке, раскаленном, ярко пылающем – пузыри все время поднимаются кверху. В нем – собака. Голова, хребет и хвост одним куском, а остатки свернуты ломтиками и кипят на поверхности. Знахарь поет особую песню, и она заставляет хейока плясать. Три раза громевидец приближается в пляске к ведру, и всякий раз голова щенка сама приподнимается, словно желая выпрыгнуть к нему.

В четвертый раз хейока подбегает к котелку и в нужный момент сует голую руку по самое плечо в кипяток, ищет и вытаскивает голову, а потом предлагает ее четырем ветрам. Он будет бегать с нею, и дух его сна покажет, кому отдать эту собачью голову. Хейока отдаст ее больному мужчине или женщине. Этот человек ошпарится и быстро отбросит голову другому, тот обожжется и отбросит следующему и так далее. Пять или шесть человек перебросят эту голову, ведь им слишком горячо ее держать. И это идет от силы грома; это не дешевая магическая уловка.

После другие хейока осаждают котел, шаря руками и выхватывая мясо. Им не горячо. Они раздают мясо бедным и больным по велению своих снов. Это хорошее снадобье, в сотни раз лучше ваших пилюль и антибиотиков, или как вы их называете, ведь оно излечивает все болезни сразу же во время церемонии. Это случается каждый год, и я был тому свидетелем не единожды.

Почему хейока не обжигается? Подойди к нему и осмотри ладони и руки. На них нет волдырей. Они даже не изменили цвет, как бывает с вами, когда вы окунаете руку в горячую воду, и кожа краснеет. А эта даже не порозовела. Я знаю одну травку, род зеленоватого мха, так ее корень называется хейока тапезута. Когда вы пожуете и разотрете ею руки, кипяток не обварит вас. Но вам надо быть хейока. А не хейока обварится кипятком, может, и руку потерять. Он не получит сон и силу. После раздачи мяса больным мужчина с особой раздвоенной палкой вытащит остатки мяса и раздаст всем желающим. Этим заканчивается церемония.

Мы называем хейока двуличным, глупцом вечно задом-наперед, с-ног-на-голову, глупцом, но он самый почитаемый двуличный. Он делает все наоборот открыто. Он говорит "нос", думая "сон", и "сон", когда думает "нос". Но ты знаешь, что у него на уме. Он не говорит: "Если меня выберут конгрессменом, я сделаю то-то и то-то". Он не дает обещаний. У него есть сила. Он почитаем. У него есть стыд. Он платит за все это.

Я думаю, клоуны священны для всех индейцев, не только для сиу. Я слышал о "грязеголовых" клоунах зуни в Нью-Мексико. Мне рассказывали, как они бегают по кругу с большой мужской частью из дерева, и у них есть гротескное чучело женщины, с которым жаждут переспать все колдуны. Только никто этого не делает; никто просто не умеет. И вся деревня смотрит и улыбается, старые леди и ребяташки, ибо это тоже священно, часть священного танца ради возрождения всего зеленого, молитва о дожде. У нас, сиу, все иначе, но суть-то одинакова. Разное и одинаковое - настоящее дело хейока. Я думаю, однажды дело кончится тем, что все индейские религии объявят частями единой веры, одного таинства. Наше единство в этом.

Ну вот, уже поздно, пора идти спать. Пусть тебе не снятся сегодня громовники, Ричард. Мало ли что взбредет тебе на ум после таких историй. Если ты исполнишь свои сны публично, это может оказаться очень смущающим.

16. Кровь, Обернувшаяся Камнем

Старая легенда нашего народа, передаваемая от деда к внуку на протяжении долгих поколений, рассказывает о бескрайнем потопе, который словно океан затопил некогда прерию. Обитатели этого края в давние времена пытались спастись и укрыться на вершине высокого холма; но великий потоп разлился, перевернул землю и уничтожил все живое своим весом. Кости и плоть людей превратились в большое кровавое озеро. Кровь застыла, затвердела и вскоре обернулась красным трубочным камнем. Оно по-прежнему лежит в юго-западном углу Миннесоты, единственном месте на земле, где можно найти этот священный кроваво-красный камень.

Одна юная прекрасная женщина выжила в потопе. Волны кружились вокруг нее, но огромный орел спустился из-под облаков и унес ее на высокую гору, спася от яростного потопа. На той горе женщина родила близнецов, они выросли и стали предками народа сиу. Так рассказывали нам старики.

Кровавое озеро появляется и в других легендах, столь старых, что никого не осталось, кто бы мог рассказать их полностью. Дед рассказывал мне историю о кроличьем мальчике. Как-то раз кролик набрел на кровавое озеро. Кролик заставил ее загустеть, скатал и превратил в человеческое существо вроде карлика. Но это была еще сырая кровь, а не плоть. Кролик катал ее, пока она не превратилась в кишочку, которая потом обросла костями. А кролик все играл с нею и превратил ее в человека - в мальчика. Кролик одел нового человека очень красиво - в раскрашенную красным оленью шкурку, украшенную иглами дикобраза. И назвал его Кроличий Мальчик.

Кроличий Мальчик отправился в странствия и пришел к поселку других людей, где увидел других таких же, как и он, мальчиков. Дети спросили, откуда он пришел. Кроличий Мальчик сказал: "Из другого поселка". Но деревень-то больше не было, найденный им поселок был

единственным на всей земле. Кроличий Мальчик добавил: "Мой поселок очень красив, но я не могу пригласить вас. У вас такая безобразная одежда".

В поселке жила молодая девушка. Люди решили, что неплохо бы выдать ее замуж за Кроличьего Мальчика, который вроде как обладал необычной силой, и было бы полезно сделать его своим родичем. Но Иктоми, человек-паук, хитрец и интриган, вечно ждущий случая обратить чье-то несчастье себе на благо, хотел эту женщину себе. Он обманул умы людей и настроил против Кроличьего Мальчика, чтобы они завидовали его красивой одежде. Один парень из поселка сказал: "Я сумею победить Кроличьего Мальчика. Я перепрыгну через него". Они украли у гостя прекрасные одежды с красными узорами, пока Кроличий Мальчик отдыхал, и связали его. Двумичный паук подстрекал их: "Давайте зарежем его мясницким ножом". Кроличий Мальчик стоял, связанный кожаными ремнями. Он сказал: "Если вы собираетесь убить меня, я спою свою песню смерти."

Друг, друг,
Я сражался с солнцем.
Оно пыталось сжечь меня,
Но не смогло.
Даже в битве
С солнцем
Я не был убит".

Они нарезали из Кроличьего Мальчика груды мясных ломтей для супа. Но гостя оказалось нелегко убить. Началась буря, потоп, дождь, град. Спустилась туча, поглотив все тьмой. А с исчезновением тучи исчезли и ломти мяса. И кто-то вдруг увидел, что ломти мяса соединились снова и превратились в Кроличьего Мальчика. Он вернулся к жизни и поднялся с тучей.

Снова раздались голоса: "Кроличий Мальчик вакан - священен - полон силы. Пусть он женится на девушке". Хитрый паук сказал: "Забудьте о нем. Я не менее могуч. Свяжите меня и разрежьте на куски". Иктоми запомнил слова песни Кроличьего Мальчика. Он думал, что сила была в словах. Иктоми запел:

Друг, друг,
Я сражался с солнцем.
Оно пыталось сжечь меня,
Но не сумело.
Даже, сражаясь
С солнцем,
Я не был убит.

Иктоми разрезали на куски, но он не воскрес. И все, что от него осталось, лишь ломти мяса.

Очень сходно с Кроличьим Мальчиком, известном еще как Веота-викасс, Многокровный Человек, были созданы и другие существа, - лось и бизон. Мы считаем их священными, ведь

они согласились стать едой для нашего народа. Не буду рассказывать всю историю, ведь человеку следовало бы поститься два дня и очиститься в потельне, прежде чем рассказать или даже послушать ее. Но кое что я расскажу.

Кровавое озеро трижды встречается в наших легендах. Говард Красный Медведь из Аллена, проживший почти сотню лет, обычно пересказывал эту историю со слов деда. В давние времена жил юноша, который одним из первых молился со священной трубкой на благо племени. Тогда у нас была только трубка, принесенная Белой Бизонихой. Юноша пошел к одинокой высокой скале; а все остальные остались внизу, ожидая окончания его молитв. Но тщетно ожидали они, ибо юноша так и не вернулся.

Спустя четыре дня люди пошли на его поиски, и у подножия далекой скалы, где юношу видели в последний раз, обнаружили озеро крови и трубку из кости бизоненка. Они разбили лагерь и четыре дня оплакивали юношу. Один человек молился за него, склонившись головой на камень, и вот он услышал голос из глубины земли. Голос сказал ему: «Вот моя кровь, и вам нужно воспользоваться ею». Снова кровь обернулась красным трубочным камнем.

Ну вот, все древние легенды, переходя от поколения к поколению, рассказывают нам о превращении нашей крови, крови народа сиу, в камень, из которого сделана священная трубка. Ибо эта трубка - мы. Чубук - наш позвоночник, чашечка - наша голова. Камень - наша кровь, красный, как наша кожа. Дырка в трубке - наш рот, а ее дым - наше дыхание, видимое дыхание нашего народа.

Мы стоим на бабушке земле, поднимаем в молитве священную трубку, и ее черенок создает мост от земли по людям, по нашим телам, к небу и Вакан Танка, духу предку. Трубка заполнена нашим священным красным табаком из красной ивы, и каждая крошка представляет одного из живущих на этой земле. Все создания Великого Духа, вся вселенная - в этой трубке. Все мы в этой трубке в момент молитвы. Часто это так ошеломляет, что мы плачем и разражаемся слезами, поднимая трубку к облакам.

Наша священная трубка - я оставил рассказ о ней напоследок по двум причинам. Трубка - самое священное наше достояние. Вся наша религия вытекает из нее. Священная трубка в сердце всех наших обрядов, неважно сколь отличаются они друг от друга. Моля о видении, принося жертву пляски солнца, во тьме ночи увипи или в потельне, - трубка всегда с нами в самой сути обрядов. Она священна для нас, как священная связка стрел - для шейеннов. И еще священной, ведь связка стрел - только у шайеннов, а мы держим трубку ради всех племен этого континента черепахи, ради всех живущих на земле.

Из-за ее святости нужно говорить о трубке в самом конце. Но есть и вторая причина, почему я так долго не говорил о трубке. Я испуган. Пытаясь рассказать о трубке, индеец легко теряется. наших умов недостаточно, чтобы понять ее полностью. Из-за ее святости мне так неохота говорить все, что я знаю о ней. Неважно, сколько мне лет, сколько я думал о ней, сколько изучал, я никогда не был готов к рассказу о трубке. Временами я мечтаю написать книгу только о трубке, ибо вся индейская мудрость познается через трубку. Но это пугает меня и ошеломляет своим величием.

Деды говорили нам, как трубка была дана нашим племенам. Однажды летом, в незапамятные времена, разные роды собрались на первую совместную встречу. Земля была прекрасна, покрыта высокой травой и цветами, но люди голодали. Это случилось задолго до появления у

нас лошадей и ружей, и жизнь охотника была трудной и неопределенной. У сиу, итазипшо - племени "Безлукие" – давно не было мяса, и они решили послать двоих охотников на поиски бизонов.

Охотники долго искали дичь, но все было тщетно. Наконец они поднялись на вершину холма с широким обзором и увидели чье-то приближение. Сначала охотники приняли его за бизона, но, подойдя, тот обернулся прекрасной молодой женщиной, красивее которой они никогда не видели. Она была одета в красивое платье из белой оленьей замши с удивительными узорами, которые не сумели бы сделать ни одни человеческие руки. Волосы ее были распущены, только слева прядь была перевязана шерстью бизона. На спине женщины был мешок, а в руке - веер из листьев шалфея.

Прекрасная женщина сказала двум охотникам: "Не бойтесь. Я пришла от бизоньего народа с посланием вашему народу, с добрым посланием". Но старший из охотников посмотрел на нее, и его охватило желание обладать этой женщиной. Он протянул руку поймать ее, но она была лила вакан, больше чем человек, и явилась не ради удовлетворения человеческого вожделения. Иногда рассказывают, что едва охотник захотел схватить женщину, облако спустилось и окружило его. Он исчез, и от него осталась только кучка сухих костей. Это не единственное продолжение истории, да и духи рассказали мне не совсем так. В должный час и в должном состоянии духа я расскажу об этом больше. Но одно точно - желание убило его, как убивало многих и до и после. Если земля когда-нибудь погибнет, ее погубит желание, вожделение к удовольствию и самоудовлетворению, жажда зеленых лягушачьих шкур, ее погубят люди, которые заботятся только о себе, забывая о желаниях всех остальных.

Когда остался только один охотник, Белая Бизониха велела ему вернуться к своему народу и передать, чтобы они приготовились к ее приходу. Она объяснила, как поставить большое типи и создать в нем ованка вакан, священный земляной алтарь. Она пожелала, чтобы они положили в типи бизоний череп и стойку из трех палок. Юноша вернулся к своему народу и рассказал, что случилось с ним и с его товарищем. Он сказал, что наутро к ним придет священная женщина с посланием от бизоньего народа, и передал ее повеления. И все было сделано, как она учила.

На следующий день глашатай созвал всех людей на собрание вокруг священного типи, и с восходом солнца они увидели идущую к ним священным образом Белую Бизониху. Вместо опахала из шалфея она несла священную трубку. Она держала чубук в правой руке, а чашечку - в левой, и так мы держим трубку с того дня.

Белая Бизониха вошла в типи, где ее ожидали старейшины племени. Они сказали: "Сестра, мы рады твоему приходу. У нас давно нет мяса. И все, что мы может предложить тебе - это вода". Они положили щепотку ваканга - свитграсс - в кожаный мешок с водой и подали ей, и с того дня мы свитграсс или орлиным пером разбрызгиваем воду на тех, кто желает излечиться или очиститься во время обряда. В конце большинства наших церемоний мы пьем воду, и постоянно вспоминаем Белую Бизониху.

А затем она научила людей пользоваться трубкой. Женщина наполнила ее табаком из коры красной ивы и пошла по солнцу, по часовой стрелке вокруг алтаря. Это означало бесконечный круг, путь человека от юности до старости, от невежества к знанию. Это означало жизнь. И теперь в начале церемонии раскуривания трубки мы также идем по кругу.

Белая Бизониха положила кусочек сухой бизонятины в костер, чтобы разжечь ею трубку. Долгие поколения мы разжигали ее только так, но сейчас мы чаще берем спички.

Белая Бизониха показала народу, как правильно молиться с трубкой, поднимая ее к небу, опуская к земле, показывая на все четыре ветра. Поднятие трубки мы зовем хупа глуза. "С этой священной трубкой вы станете живой молитвой", - сказала Белая Бизониха людям. - "Ваши ноги покоятся на бабушке земле, чубук трубки достигает самого неба предка, ваше тело связывает Священную Высь со Священным Низом. Вакан Танка улыбается нам, ибо теперь мы - одно, земля, небо, все живое и иксе викаса - все люди. Теперь мы одна большая семья. Трубка связывает нас вместе. Она - миротворец. Есть кровавое озеро в краю, откуда вы пришли. Вы найдете эту кровь, загустевшую красным камнем. Она идет из священного места, общего для всех людей, где даже враги стали друзьями и родичами". И, возможно, с того времени возник обычай народа сиу заканчивать все важные церемонии словами митакуе ойясин - все мои родичи - растения, животные, люди, одна большая вселенская семья.

А Белая Бизониха обратилась к женщинам и сказала, что труды их рук и плоды их утроб хранят жизнь племени. "Вы сами от матери земли", - сказала она им. - "Возложенная на вас задача столь же велика, как и данная воину и охотнику". И поэтому священная трубка связывает мужчин и женщин в круге любви. В создании этого священного предмета принимают участие и женщины и мужчины. Мужчина делает чашку и чубук, а женщина украшает их лучшей работой из игл дикобраза. Во время индейской свадьбы мужчина и его невеста держат трубку вместе, и красная ткань вокруг их запястий связывает двоих людей на всю жизнь.

Потом Белая Бизониха обратилась к детям, ведь они все понимают, несмотря на малые лета, и индейцы к ним относятся с таким же почтением, какое оказывают взрослым. Она сказала маленьким детям, что из них вырастут взрослые мужчины и женщины, что дети - величайшее достояние народа, ибо они представляют грядущие поколения, жизнь людей, бесконечный круг. "Помните это и, вырастая, учите этому ваших детей", - сказала она им.

Закончив говорить, Белая Бизониха завернула трубку в сверток, который сняла со спины, и отдала ее на хранение старому вождю Без Луков. Имя этого человека иногда дается как Стоящий Полый Рог, а порой как Встающий Бизон. Вместе с трубкой Белая Бизониха дала людям круглый кроваво-красный камень. На нем были знаки семи кругов, - семь лагерных костров лакота, или семь обрядов трубки. И снова этот камень представляет всю вселенную для знающих знаки.

А потом Белая Бизониха оставила людей, уйдя туда, откуда пришла, с песней - "Нийя танийя мавани", которая переводится как "С видимым дыханьем я иду". У песни более глубокий смысл, если немного о ней подумать. Сначала нийя танийя означало не только дыхание и выдох, но и существование, и саму жизнь. Это значит, пока мы почитаем трубку, мы живем, мы остаемся собой. А еще "видимое дыхание" - дым трубки, который представляет дыхание нашего народа. Вспоминаем мы и дыхание бизона, видимое в холодный день. Для нас это основание того, что трубка, человек и бизон – нечто единое.

Люди увидели, как прекрасная женщина обернулась у горизонта в белого бизона, и наконец исчезла. Все это, по здравом размышлении, легко понять. Бизон был частью нас, мы питаемся его кровью и плотью, которые становятся нашей плотью и кровью. Наши одежды, наши типи, все необходимое нам для жизни, идет от тела бизона. Трудно сказать, где кончается животное

и начинается человек. С того времени накидка белого бизона всегда была редчайшим и ценнейшим достоянием племени. Племя отдало бы все свое богатство за такую шкуру из белой шерсти. Когда бизон исчез, исчез и древний дикий индеец. Кое-где, далеко друг от друга, еще бродят выжившие малочисленные бизоньи стада - в Дакотах, Вайоминге и Монтане. Они охраняются правительством и изумляют туристов. Умей брат бизон говорить, он сказал бы: "Меня загнали в резервацию, как индейцев". В жизни и смерти мы с бизонами разделяем одинаковую судьбу.

Трубка Белой Бизонихи еще хранится в племени, как самое священное наследие. Она называется Птехинкала Хуху Канунпа - Трубка Кости Бизоненка. Она не похожа на другие трубки. Ее чубук сделан из нижней кости ноги бизоненка. Она завернута в бизонью шерсть и красную фланель. Перья красного орла, четыре маленьких скальпа и птичьи шкурки привязаны к ней. Она теперь хрупкая от старости. Ее хранит семья Лосиной Головы в племени итазипшо народа сиу уже четырнадцать поколений. С тех пор как нас загнали в резервации, она хранится в Грин Грасс, севернее Игл Батт, в резервации Шайенн Ривер. Говорят, древние хранители трубки всегда жили около сотни лет.

Вместе с Птехинкала Хуху Канунпа эта семья хранит и вторую священнейшую трубку племени, одну из первых, сделанных по научению Белой Бизонихи. Эта старая трубка служит моделью для всех наших племенных трубок. Перо красного орла привязано к ее черенку. Оно напоминает об орле, который единственным выжил в потоке и дал рождение близнецам, а они, в свою очередь, выросли в народ сиу. А еще орел - символ мудрости, столь же важный для нас, как и бизон. Многие наши знахари поэтому привязывают перо на свои трубки. Для обряда исцеления оно привязано на верху черенка. Если трубкой исправляют семейные проблемы, перо закрепляется на середине чубука. Если кто-то хочет приобрести знания, перо размещается у стыка черенка и чашечки. Форма головы трубки такова (рисунок), буква Т стоит на ее голове. Это трубка отца, мужчины, основателя семьи. Трубка холостяка похожа на перевернутую Г, и у нее отсутствует кусочек на конце. (рисунок)

Все важные события, хорошие или плохие, не проходят у нас без трубки. Если человек убил соплеменника в гневе или случайно, тогда священный круг разорван, и рана влияет на весь народ. Убийца отражением будет видеть в воде лицо своей жертвы, всякий раз наклоняясь пить. Только в обряде развязывания со священной трубкой можно после пролития крови успокоить умы людей и примирить семьи.

Если в слове человека сомневаются, оно предлагает "ударить ножом". Ведь тогда люди поймут, что он говорит истину, иначе несчастье настигнет его при первом прикосновении губ к железу после лжи. Много лет я не слышал ни о ком, ударенном ножом; люди, кажется, в это больше не верят. Но трубка - другое дело. Никто не рискнет солгать во время курения трубки, ибо тогда он точно умрет. В это мы верим даже сейчас.

Трубка курится в соответствии со строгим ритуалом, каждый человек сидит на своем месте, в кругу, трубка переходит во тьму из света священным образом, ибо это - наш алтарь. А в белой церкви каждый человек сам по себе, тут и там, словно в кафе. Мой дед говаривал: "Земля красна, кровь красна, солнце красно на закате и на восходе, и наши тела красны. И мы должны идти по Красной Дороге, славной северо-южной дороге, тропе жизни. Индейцы и красный трубочный камень принадлежат друг другу".

Карьер трубочного камня в Миннесоте - единственное месторождение этого священного камня. Теперь он стал национальным памятником, но индейцам еще разрешено приходить и выкапывать красный камень для наших чашечек трубок. Карьер - прямо в сердце старой страны сиу. Наши восточные племена - вахпетон, сиссетон и вахпекуте владели этим краем до 1851 года, пока их не принудили отдать ее белым. Но один договор все же разрешает нам ходить и добывать священный камень.

В старые дни трубку делали по всем правилам – после очищения и приношения табака духам. Говорят, три больших вертикальных валуна - это древние индейцы, обращенные в камень. Вы кладете на них связки табака, а иногда и перо вдобавок. Вы начинаете молиться уже при выкапывании камня. Знаки на чашечке трубки, - тоже молитвы. Такая трубка обладает силой.

Теперь трубки делают на продажу механической или электродрелью. Они легко делаются, слишком легко. В этих трубках мало силы. Карьер такой симпатичный сейчас, с лужайками и фонтанчиками на лужайках, музеем. У входа громкоговорители рассказывают вам о Белой Бизонихе и другие индейские легенды, все перепутав, конечно. Рассказ идет под рокочущий звук, словно от дальнего оползня. Гиды в униформе водят туристов и объясняют смысл трубки мира. Как они могут объяснять, ничего не зная? Все очень опрятно, с холодильниками воды и богатыми туалетами, но я закрываю глаза и пытаюсь представить, каким это место было прежде, до всех этих миленьких ландшафтов.

Мой друг, молодой знахарь, пошел в карьер, и парковый служащий сказал, что ему повезло, ведь ему продадут фунт камня за доллар – как индейцу. Мой друг рассердился. Не из-за денег, понимаете. Он сказал мне: "Я - сиу, это моя страна и мой трубочный камень. Я возьму его и не буду платить!" И другой парень, очень похожий на индейца, сказал: «идем» и повел моего юного друга к жиле красного камня, которая лежала в скале длинной красной змеей. Он велел взять, сколько ему понравится, с разрешения Службы Национального Парка. Мой друг вынес баррель камня. Такие маленькие победы поддерживают наше моральное состояние сегодня.

Я нашел в вашей библиотеке старую книгу Джорджа Кэтлина, напечатанную более ста лет назад. Мне нравится перелистывать ее, смотреть на выцветшие желтые и коричневые истертые картинки. Я набрел на его описание первого посещения карьера трубочного камня в 1830-х. Наверно, он был на том месте первым белым и первым туристом. Он разговаривал с нами через переводчика и понял кое-что неправильно; может, неправильно перевели. Но Кэтлин был художником, и все замечал. Кое-что он изобразил близко к истине, знания индейцев говорят то же. Детали Кэтлин всегда приводит неправильно, и свою неуверенность в фактах он скрывает за массой слов. Но подо всем этим, очень слабо, видна проходящая сквозь все главная идея трубки.

Он знал, например, что камень был плотью индейцев. Он слышал о потоке, обратившем кровь людей в трубочный камень. Ему рассказали, что в древние времена бизоны прошли по этим скалам, и их кровь тоже обернулась трубочным камнем. Я никогда не слышал упоминания об этом у нашего народа, но кто бы ни сказал это Кэтлину 140 лет назад, он понимал, что индеец, бизон и трубка - одно. Воин сиу рассказал Кэтлину, что красный камень был частью их плоти, а белому не стоит забирать его; дыра появится в его теле, и он истечет кровью.

Другой индеец сказал ему: "Красная трубка была дана Великим Духом; она - часть нашей плоти и священна. Мы знаем, что белые, словно великая туча, поднявшаяся на востоке, и она покрывает всю страну; мы знаем, что они получают наши земли; но мы хотим сохранить это место". Я сказал бы так же, живи я тогда.

Кэтлин еще упоминает о сказочных птицах, которые, по поверью, гнездились в карьере, и по его описанию они похожи на вакиньян, птиц грома. Я знаю, что птицы грома - не часть трубки, но ясно, как много легенд было о том месте и в старые дни бизонов. Наши старики все еще говорят, что в скале живут маленькие привидения, человеческие духи, в палец ростом. Они такие быстрые, что их трудно увидеть.

У племени омаха есть легенда о карьере трубочного камня. Говорят, жила в давние времена женщина омаха по имени Вахегала. Она вышла замуж за воина сиу. Однажды она столкнулась лицом к лицу с белым бизоном и последовала за священным животным, как будто в трансе. Она видела, как бизон свободно пинает большие куски красного камня, и понимала, что это - окаменевшие тела ее предков. И так она открыла карьер. Сиу и омаха - враги, но они договорились никогда не сражаться друг с другом в этом священном месте. Земля принадлежала сиу, но камень принадлежал всем индейцам, почитавшим трубку.

Это снова отличается от наших верований, но в главных частях легенда похожа на нашу историю о Белой Бизонихе, пусть все и перепутано: женщина, белый бизон, кровь индейцев, превращенная в камень, трубка-миротворец. Множество легенд говорят, несмотря на все свои различия, как священна трубка для всех племен.

Год назад я приехал на съезд многих племен, которые собрались ради объединения нас, индейцев. У меня с собой была старая трубка, которой я пользуюсь более тридцати лет. Славная церемония длилась всю ночь, до самого рассвета, и сорок четыре племени курили мою трубку. Я раскурил ее для всех, и 161 человек курили мою трубку, и она ни разу не погасла. Она горела весь обряд. Присутствующие знахари поднимали трубку и молились Великому Духу на своих языках, которые я не понимал. Но на другом уровне я понимал их прекрасно. Трубка дала нам общий язык и общий разум. Часть журналистов пытались сделать снимки, но ни один не вышел. Где бы ни должна была выявиться трубка, виднелось только белое туманное пятно. Старая трубка не хотела фотографироваться в тот раз. У многих людей в наших резервациях есть свои трубки мира. Я буду доволен, лишь когда она появится в каждой семье. Сиу без трубки - только наполовину индеец, только наполовину человек.

От последнего человека по имени Лосиная Голова хранение двух самых священных наших трубок перешло к Стэнли Высматривающему Лошадь и его сыну Оруэлу, тоже из рода Лосиной Головы. Оруэл - девятнадцатый в линии хранителей трубки той семьи. Очень немногим, даже среди нашего племени, довелось видеть две эти трубки развернутыми. Только раз в жизни, если повезет, можно увидеть два священных достояния. Мне, одному из немногих, выпала честь держать обе трубки и молиться с ними. Они по-настоящему изменили мою жизнь.

Однажды зимой, много лет назад во времена моей юности, я отправился на север в Грин Грасс, где, по слухам, хранилась Трубка Бизоненка. Я повиновался внутреннему порыву. Голоса повелели мне помолиться с этой священной трубкой. Словно какая-то сила овладела

мной, и ей не надоедало вопрошать: "Ты хочешь сделать это?" Я был как машина; кто-то на месте шофера гнал меня вперед. Поездка была трудной. Дул ветер кайюза, мела пурга, было чертовски холодно. Густой снег блестел стеклом. Я думал, что хранитель трубки – мужчина, а вместо него обнаружил женщину, миссис Лосиная Голова, старшую сестру Вождя Лосиной Головы, предыдущего хранителя. Люди говорили мне: "Если ты хочешь увидеть эту женщину, поторопись, ибо она умирает".

Я приехал сквозь пургу к ее бревенчатой хижине и нашел старую леди, сидящей на полу посреди комнаты. Она была вся кожа да кости, столь хрупка, что порыв ветра сдул бы ее. Запавшие губы были такими сухими, что я смочил их влажной тряпкой. Взглянув на нее, я подумал, что она проживет не дольше одного или двух дней.

Но в хижине все было готово к церемонии - шалфей на земле, кедр, свитграсс и все такое. Я спросил: "Кто проведет церемонию?" Она сказала: "Ты. У меня было видение, что юноша с юга придет и исцелит меня. Я не знаю тебя. И никогда прежде в глаза тебя не видела, но ты – тот юноша. Все мои внуки обратились в христианство и больше не идут старыми путями. Завтра прекратится снегопад, и засияет яркое солнце. Пурга окончится, и весь край засверкает снегами. И тогда ты приедешь ко мне. Я покажу тебе священную Трубку Бизоненка. Ты будешь молиться с ней и исцелишь меня. Приезжай завтра с восходом солнца".

Я пошел в Грин Грасс к знакомым, которые пустили меня переночевать. Они сказали: «Не ваяй дурака. По радио передавали, что буран кончится еще не скоро. Пурга продлится не меньше недели". И ветер уверенно подвывал. Он шпионом кружился вокруг дома, пробуя на прочность двери и окна.

Я пробудился внезапно в темноте до рассвета, не понимая, что же разбудило меня. Потом я осознал, что это была тишина. Буран закончился; все было тихо. Я не слышал ни звука. Я поднялся, выпил воды и вышел. Ни шороха. Словно бы земля замерла. Я заметил, как потеплело. Солнце взошло - большое, красное. Оно сияло так ярко, что я зажмурился. Даже отвернувшись, я смотрел украдкой. Снег заалел, в отражении солнца он сверкал миллионами и миллионами блистающих кристаллов, и солнце было в каждом. Я отправился в путь, и снег под моими ногами хрустел как яичная скорлупа - единственный звук, который я слышал.

Я пришел к хижине миссис Лосиная Голова. Она уже сидела посреди комнаты и ждала меня. Комнату окутывал аромат горящего кедра и свитграсс – дом был освящен. Я сел на западной стороне и увидел большой холщовый сверток размером с человека, связанный как увипи. Старая леди попросила меня развернуть его. Сверток был из семи сыромятных кож, шкуры бизона, шкуры оленя, красной и голубой фланели. Я снял последний покров и увидел трубку - Птехинкала Хуху Канунпа - Трубку Бизоненка, самую священную вещь в мире для меня. Развернул я и вторую связку. В ней лежала другая священная племенная трубка из красного трубочного камня. Она была очень большой. А Трубка Бизоненка была маленькой.

Миссис Лосиная Голова научила меня, как брать обе трубки в руки, большую - за основание, маленькую - за верхушку. "Такойя, Внук, - сказала она, - молись с ними. У меня было видение о твоём приходе, и ты здесь. Всегда передавай трубку налево от тебя. Всегда бери ее справа. Отдавай ее от всего сердца, держи чашечку близко к сердцу. Пусть дух придет к тебе". Старая женщина говорила со мной на индейском, тайном языке, который понимал только я.

Я держал трубки. Их чашки были моей плотью. Чубук означал все поколения. Я чувствовал, как моя кровь текла по трубке. Я чувствовал ее кругооборот, ее циркуляцию в своем мозгу, словно какой-то дух. Я чувствовал, как трубки ожили в моих руках, как они движутся. Я чувствовал, как хлынула в мое тело их сила и заполонила меня. Слезы текли по лицу, а в уме промелькнуло осмысление трубки. С помощью Трубки Бизоненка я познал себя, познал землю вокруг меня. Она исцелила слепоту моего сердца, и я увидел иной мир за обыденным миром зеленой лягушачьей шкурки. Я увидел, что трубка была моим храмом, маленький кусочек камня и дерева, но мне не нужно было большего. Я знал, что в этой трубке все силы природы, в ней и я сам. И я курил трубку, и я был в центре всего, отдавая себя Великому Духу, чувствуя то же, что и все индейцы, молящиеся с этой трубкой. Выпуская дым к небесам, я выпускал и нечто в себе, жаждущее свободы, радуя этим все растения и животных на земле. Все это я понимал сердцем и кровью. Так осознают мир животные - не умом. И я думал об этом долгие годы. Даже теперь по прошествии долгих лет память о том будит меня по ночам.

И вдруг я понял, что, смешав свое дыхание со священным дымом, я смешиваю его с дыханием всех живых существ на этой земле. А еще я подумал, что огонь в трубке был священным огнем Великого Духа, и тем же огнем пылало солнце. Я знал, что в трубке все малое плавится в одно, создавая единство. И только поняв все значение трубки, раскрыв все ее скрытые символы, я сумел бы полностью осознать, что значит быть индейцем, что значит быть собой. Ну вот, я все еще этого не знаю. Я все еще учусь. Может, я приближусь к этому однажды. Трудно найти слова для мыслей, которые пришли ко мне затем. Внутреннее зрение и смятение, печаль и радость - все смешано вместе. И я не сумею описать силу, которая вливалась в меня из трубки, сотрясая меня. Нет, не смогу. Я знаю только, - когда я держал трубки в руке, они изменили мою жизнь.

Мои молитвы, наверно, вылечили миссис Лосиная Голова, ибо она выздоровела и прожила еще несколько лет. Перед моим уходом она сказала, что однажды белые люди из правительства забрали у нее один из свертков с трубкой, но испугались и вернули его. Она сказала: "Может, я зарою их, чтобы не отдавать в плохие руки". А еще она сказала мне: "Придет время, когда индейцы снова встанут с этой священной трубкой, и все будут курить ее". Прошло более тридцати лет, и когда сорок четыре племени молились с моей трубкой, в памяти моей всплыли слова старой леди. Она была поистине вакан и владела силой предвидения. Она же дала мне татуировку и тайное имя.

От старой миссис Лосиная Голова свертки с трубками перешли к Стэнли Выглядывающему Коня, они все еще у народа Без Лука. Но, на мой взгляд, Трубка Бизоненка принадлежит всем сиу. Она принадлежит хункпапа в Стэндинг Роке, где женщина превратилась в камень, людям Сидящего Быка, и оглала в Пайн-Ридже, племени Неистойой Лошади. Она принадлежит оохенунпа - Двум Котлам – разделивших с нами резервацию, кто получили свое имя, когда, голодая и почти умирая, нашли сыromятный мешок с мясом, достаточным для "двух котлов". Она принадлежит сихасапа - черноногим сиу – чьи мокасины почернели давным-давно, когда они проходили по землям, обожженным огнем прерии. Она принадлежит сикангу - народу Обожженных Бедер в Роузбаде - чьи ноги опалило пламя, когда враги пауни подожгли траву вокруг их лагерной стоянки. Она принадлежит и моему народу миннекоджу - Сеятелям у Воды. И, по большому разумению, она принадлежит всем индейцам на этом континенте черепахи.

Велика задача хранения свертка с трубкой. В красивом старинном типе должна лежать она весь день на треножнике, и дважды за это время ее нужно поворачивать вслед за солнцем. Невозможно соблюдать все правила почитания трубки в обыденности нашей жизни. Я слышал, порой за неимением другого места трубки хранятся в сарае. Я хотел бы, чтобы мы вновь поставили типи для наших святынь. Ходили еще слухи, будто большая трубка потеряна или сломана. Я надеюсь, они ложны. Я помню, какое волнение подняли северные шейенны в Монтане, обнаружив, что хранитель их священной Бизоньей Шапки вывезен вместе с нею из резервации в Шеридан, где белый антрополог хотел заполучить ее. Им не понравилось, что священная шапка оставила их землю, и бунт продолжался, пока они не вернули ее. И они были правы. Слишком много наших святынь валяются в музеях, где незнающие люди таращат на них глаза, и сила их не работает.

Священные трубки не показывали народу уже несколько лет. Летом 1969 года мы, знахари сиу, думали, что пришло время открыть эти связи. Но разошлась молва, и пополз слух о появлении телевизионщиков, предлагающих нам деньги за "эксклюзивные права", как они называли это, и мы изменили решение. Мы стали пугливым конем: если слишком приближаешься к нему, он отбегает. Подозреваю, у нас были серьезные основания. Мы вернули свертки в тайники, и все разошлось по домам, не увидев трубок. Но в свой день мы откроем их и сделаем все, как надлежит. Когда придет тот день, мы узнаем его.

Мы, индейцы, храним трубку мира, а религиозная книга белого говорит о войне, и мы наблюдаем, не улучшит ли белый человек свой мир. Ныне индейцы должны показать, как жить с братьями, не используя их, не убивая и не калеча. С трубкой, живой частью нас самих, мы станем молиться о мире, мире во Вьетнаме и в нашей стране. Мы индейцы говорим "наша страна", ибо она по-прежнему наша, пусть и владеют ею физически другие народы. Но земля принадлежит не одному человеку, а всем людям и будущим поколениям.

Мы попытаемся использовать трубку для человечества, которое на пути к саморазрушению. Мы попытаемся вернуться на красную дорогу трубки, дорогу жизни. Мы должны попытаться спасти белого от него самого. Это случится лишь тогда, когда все - индейцы и не индейцы — мы все вновь увидим себя частью этой земли, а не внешним врагом, навязавшим ей свою волю. Ибо мы знаем смысл трубки, а потому понимаем, что, будучи живой частью земли, мы не можем вредить ей, не навредив при этом себе. Может, с помощью священной трубки мы научимся снова видеть друг друга сквозь грязную тучу, которую политики, промышленники и технические эксперты преподносят нам "реальностью". С помощью трубки мы заключим мир с нашим величайшим врагом, кто живет глубоко внутри нас. И с трубкой мы воссоздадим бесконечный круг.

В своей молитве индеец не читает бесчисленные слова книг. Он произносит самую короткую молитву. При долгих речах ты уже понимаешь, что говоришь. И последнее, чему я тебя научу, если хочешь учиться у старика, живущего в ветхой лачуге, у человека, кто за восемь лет доучился лишь до третьего класса - это молитва, которой я обычно молю о видении: "Вакан Танка, Танкашила, оншимата... Дух Предок, пожалей меня, чтобы мой народ выжил".

ЭПИЛОГ

Иньян Васичун, Белый Человек с Камнями

Мы сидим на полу в большой пустой комнате, - я со своими женой Джин, двумя сыновьями подростками и младшей дочерью, а с нами около сорока индейцев. Иные из них - мои старые и близкие друзья, других я прежде никогда не видел. Спинами мы опираемся на стены, сделанные из пластин, брусков, бревен, обломков старого железнодорожного вагона, - всего, к чему индеец, построивший много лет назад этот дом, приложил руки. Ствол огромного дерева поддерживает провисший потолок. Керосиновая лампа бросает робкий свет на разноцветные лоскутные одеяла на стенах. Возле меня стоит большой котелок с мясом собаки, ее голова плавает наверху и скалится на меня. Вокруг много святынь обряда увипи - цветные флажки, орлиные головы, причудливой формы камни, погремушки, священная трубка.

Свет гасят, и мы остаемся наедине с нашими мыслями - человеческие островки в море темноты. Барабаны гремят многоголосьем в дрожащем гимне. Постоянная барабанная дробь передается стенам, и я впитываю ее своими лопатками. Я не просто слышу барабаны, я чувствую их физически. Огоньки появляются из ниоткуда множеством светлячков. Они выплывают из темноты на долю секунды и исчезают, так что глаз и мозг едва успевают их запечатлеть. Духи приходят.

Это - обычная сцена, и ее свидетелем я был уже дюжину раз, но кажется странным, почти невозможным, что я бывший венец, рожденный в старой Австро-венгерской Империи, сижу в дакотской прерии с толпой индейских друзей и знахарей.

Я вырос в городах барокко, в тени соборов с горгульями, среди полудеревянных домов. Я пешком путешествовал по всей Европе с рюкзаком, делая до тридцати километров в день и впитывая культуру подошвами. Никогда, даже в самых диких грезах, я не представлял себя в Америке, стране небоскребов и супер-технократии, чья философия "время - деньги" всегда пугала меня. И казалось невозможным, что я когда-нибудь встречу настоящих индейцев, более того они станут моими друзьями. Но знахари смотрят на бытие, как на долгую последовательность символов, живых символов, которые устанавливают прошлое, настоящее и будущее человека. И эти знахари говорят мне, что я просто не сумел бы избежать приезда в Южную Дакоту, ибо моя символическая дорога все равно привела бы меня к месту встречи австро-венгра и сиу.

Как и большинство европейских детей, я был предрасположен полюбить индейцев. Вместе с товарищами я бегал в "кровавую оперу", кинотеатр Вены, который специализировался на американских вестернах. Мы криками подбадривали индейцев и возбужденно шикали на ковбоев и кавалерию. Причиной такого поведения был человек по имени Карл Май.

Май начал жизнь вором-карманником, мелким воришкой в мелком государстве Саксонии, одном из мельчайших королевств империи Кайзера. Но работал он своеобразно. Он появлялся в магазинах и бакалейных лавках, представляясь секретным агентом королевского саксонского отряда по фальшивым бумагам. Он проверял счета и неизбежно находил пару фальшивых банкнот, которые забирал от имени государства. Он всегда оставлял фирменные расписки, выразительные официальные на вид документы, увенчанные саксонским гербом. Но Май работал в очень маленьком районе - у него даже не было велосипеда, и он ездил по

округе на конке – и его быстро поймали. Уловка с фальшивками была не первым его преступлением, и Мая приговорили к нескольким годам в отвратительной средневековой тюрьме-крепости.

В тюремной библиотеке были книжки об индейцах и американском Западе. Они и вдохновили Мая начать писать денежные страшилки, которые вскоре обрели большой успех. К моменту освобождения Май стал известным и довольно богатым. Его любимый герой был Виннету, молодой индейский вождь сверхчеловеческой силы, храбрости и благородства. У Виннету был соратник, немецкий траппер по имени Олд Шаттерхенд, перепев Одинокого Рейнджера-Тонто. Благородства в Виннету, конечно, было хоть отбавляй, но с точки зрения антрополога он был полной неудачей. В книжке описывалось, что этот индеец апач живет в темных, холодных, усеянных озерами лесах, передвигается на каноэ из березовой коры, скачет на белом мустанге по прерии и охотится на бизонов. Он выходил на военную тропу с длиннохвостым военным стягом, словно степной индеец, и в одном белом фильме возле его вигвама даже стоял тотемный столб. Он никогда не убивал своих врагов, только оглушал их на время ударом могучих кулаков. Я поклонялся Виннету не критически, не подозревая, что апачи и березовое каноэ ни разу не встречались.

Я - живое олицетворение старой, многонациональной, многоязыкой, австро-венгерской империи. Я был частью католик, протестант, иудей, частью австриец, венгр, грек. Я жил в Вене, Берлине, Будапеште, Франкфурте, Париже, на Балканах и в Италии. Мой отец умер за четыре недели до моего рождения, и у меня оказалось множество родственников. Мое детство пришлось на двадцатые годы, когда голод и инфляция захватили Вену, и потому меня посылали к тетушкам и дядюшкам, способным накормить меня. Сначала я отправился в Австрию к тете католичке, которая держала маленькую ферму. Она была так религиозна, что ей наносили визиты Святой Иосиф и святой Иуда Таддеуш, ее любимые святые. Я слышал, как она беседовала с ними темными ночами. Однажды она встретила Христа при ярком свете дня на Райшбрюке, большом мосту через Дунай возле Вены. Она уверяла, что запнулась и упала в поклонении перед ним. Она не осмелилась на это открыто из страха, что люди объявят ее сумасшедшей и упекут в психиатрическую больницу, и до конца жизни упрекала себя за то, что не признала его открыто. Каждое утро она ходила на первую мессу около пяти часов и всегда возвращалась из церкви с кучей блох. Через полчаса все ее блохи были на мне. А тетя говорила, что моя кровь слаще, чем ее.

Следующим местом кормления был Будапешт с дедушкой иудеем. Он брал меня с собой в синагогу, и мы вечно приводили бедных джешиве бошар к себе домой на свободный обед. Этот дедушка научил меня многому - гадать на таро, делиться едой с бедными и воздерживаться от ветчины. У него в служанках была смуглая полногрудая венгерская девушка крестьянка. Она и я любили стащить себе ломоть копченого бекона, покрытого хорошим слоем красной паприки, очень грешной и очень вкусной.

Потом я уехал к родственникам протестантам. Они брали меня в Виттенберг послушать проповедь в старой средневековой Шлосскирхе, церкви, на дверях которой Лютер некогда прибил гвоздями свои девяносто пять тезисов, основав тем новую религию. Меня брали и в Вартбург, собор, в котором Лютер перевел библию на немецкий, и где надоедливый дьявол часто появлялся ему, мешая работе. Мне показывали темное пятно на стене, где Лютер швырнул свою чернильницу в дьявола, и второе желтоватое пятнышко (серы, несомненно), где чертенок из ада пустил ветер, в тревоге удирая от взбешенного реформатора.

Я даже прожил немного с тетушкой, которая была до замужества магометянкой из Сараево. Кузен моей матери строил железнодорожные мосты по всей Боснии и прочти отдаленным провинциям Австро-венгерской Империи. Он встретил ее на старом базаре, женился на ней и умер. И вот мы жили, она и я. Эта тетушка заставляла меня поститься от рассвета до заката в месяц Рамадан, когда наступление ночи становилось сигналом для гаргантюанских пиров. Она сама молола кофейные зерна в длинном цилиндре ручной мельницы, блестящая медь которой была покрыта арабской вязью. День всегда заканчивался крохотной чашечкой густого черного кофе с розовыми лепестками на поверхности. Тетя пела сладкие заунывные песни, наполовину турецкие, наполовину славянские, и прерывала их порой дикими вибрирующими улюлюканьями, которые похожи на индейские военные кличи.

Разница религий обескураживала меня. Какая была правильной? Я пытался выделить одну, но безуспешно. И меня это тревожило. Разные Боги - католический, иудейский, протестантский, мусульманский - все казались весьма требовательными. Они жаждали, что я придерживался хороших отношений с ними. Я не мог понравиться одному, чтобы не обидеть другого. Одна добрая душа разрешила мою проблему, впервые взяв меня в планетарий. Я посмотрел на крохотную мушку, называемую землей, на миллионы солнц и солнечных систем, и заключил, что кто бы ни присматривал за всем этим, он не возмутится, если я съем окорок, или мясо в пятницу, или не стану поститься днем во время Рамадана. После этого я почувствовал себя куда лучше и на время сильно увлекся астрономией.

Два года я ходил в Оденвалд Скуле, экспериментальную авангардную школу-интернат, где мальчики и девочки учились на открытом воздухе в голом виде. В этой школе не было ни учителей, ни классов. Молодой мужчина или женщина уводили нас в лес и показывали нам, какие грибы съедобны, а какие ядовиты. В этом и состоял урок. Основатель школы, библейский патриарх с длинной белой бородой до пояса, был похож на прапредка хиппи. Он носил шорты, сандалии и синюю рубашку с открытым воротом "Мигрирующей птицы". Он велел мне наблюдать за школьным вольером для птиц, огороженным участком леса с кучей птиц и животных.

Мне было десять лет, я был очень застенчив и уклончив. Где бы я ни был, я принадлежал к неправильной религии, говорил не на том языке, и вел себя странным, а потому неправильным образом. Для немцев я был грязный австриец, для австрийцев "Сау-прусс" - свинский прусак. Для венгров я был сын габсбургских завоевателей. Боснийцы называли меня "шваб", венгерским господином шовинистом. Французы называли меня маленьким бошем. Мне случалось быть и чертовым папистом, и лютеранским еретиком, иудейчиком и маленьким гоем. Ничто не звучало комплиментом.

И на том этапе я боялся людей, особенно иностранцев, прячась в своем мире грез, среди книг и зверей. Поэтому я проводил много времени в вольере с группой маленьких сов, которых я кормил недожаренными гамбургерами и, нечаянно, кусочками собственных кончиков пальцев. Я любил взобраться на высокое дерево, с книгой и маленьким лупоглазым совенком усестись в сплетении ветвей и читать рассказы о животных Эрнеста Сетон-Томпсона. Я привязался к молодой чете геологов и помогал им выкапывать ископаемые из юрских меловых скал. Я пытался приручить креуз - выдру, одну из маленьких гадюк, обитавших в болоте и вереске, но вернул их в природное логово. Даже во вседозволенности школы Оденвальда гадюк не считали домашними любимцами.

Тетя и дядя, ответственные за мое воспитание, переехали в Берлин и отдали меня в старомодную спартанскую прусскую школу. Слух, что я пришел из этого безбожного губительного учреждения школы Оденвальда, где испорченные дети обоих полов скакали совсем голыми по лесам, а за слова на три буквы не наказывали, где ученики вместо геометрии учились отличать съедобные грибы, шел впереди меня, куда бы я не отправлялся.

Я пытался понравиться. На истории я сам вызвался рассказать, что Фридрих Великий говорил по-немецки со своими собаками, но не говорил на нем с женщинами, что он пытался склонить к содомии Вольтера и говорил своим солдатам: "Если бы вы не были такими тупыми ублюдками, вы сбежали давным-давно". Это обеспечивало мне оценку "А" в Вене, где Фридрих считался вероломным вассалом, ударившим свою императрицу ножом в спину. В Берлине меня за это только выпороли бамбуковой тростью. Взбешенный учитель с усами Кайзера Вильгельма и желтыми испачканными табаком зубами назвал меня новым Геростратом, вслед за греком, который сжег храм Дианы в Эфесе, одно из Семи чудес древнего мира, просто дьяволом. Учитель объяснил, что я пытаюсь уничтожить и стереть все священное и дорогое для фатерлянда.

Я был постоянно бит, ведь я считался самым испорченным ребенком в школе, так со мной и обращались. Со мной общались лишь отщепенцы вроде меня самого. Мы, отверженные, держались вместе даже после окончания высшей школы в 1932 году, когда войска коричневых рубашек вошли к нам и захватили трактир как штаб-квартиру. Мы были их природной добычей. Мы ходили группами, чтобы выжить. Полиция больше не защищала нас. Гитлеризм витал в воздухе. Когда нацисты пришли к власти, мы ушли в подполье. Отец одного из моих ближайших друзей владел маленькой типографией. Ночью, когда старик уходил спать, мы выпускали подпольную газету. Мы были разоблачены. Большинство были арестованы и исчезли в концлагерях, кто-то - навсегда. Мой друг, чей отец владел типографией, был в конце концов обезглавлен. Получить отрубленную голову немногие могли себе позволить. Родители осужденного мальчика заплатили цену - около 800 долларов. Это включало затраты на палача и его помощников, кто для своей работы брали напрокат смокинг и белые перчатки.

Волшебная жизнь была у меня. Тогда я был арестован британского вида полицейским, который отвел меня в пустынный парк и расплакался. Он сказал мне, что у него самого ребенок моего возраста, он даже похож на меня. Он сказал, что был старым социал-демократом и будет проклят, если начнет отдавать простых детей вроде меня компании кровожадных гангстеров. Наконец он оправился и вытер слезы, и его лицо вдруг показалось мне прекрасным. Он дал мне денег на билет третьего класса до Австрии и велел идти прямо на станцию, не глядя ни налево, ни направо. Он отправил меня со старомодным «Gott befohlen, mein Junge» ("Благослови Бог, мой мальчик" - кажется, так с немецкого), поручив милости Бога.

Я изучал искусство в Вене, пару раз влюбился и разлюбил, путешествовал по Италии и Франции. Однажды в марте 1938-го я вернулся с весеннего катанья на лыжах в горах и нашел в Вене немецкую армию, СС и гестапо. Я снова ушел в подполье. Я прибавил к прежним грехам забавные карикатуры для газет с негерманскими на вид гитлерами, жирными и толстыми герингами и карликовыми докторами геббельсами. Я скрывался в разных убежищах, оставаясь лишь на пару дней в одном и том же месте. Дважды я ничего не ел по три дня.

Я был хорошим европейцем и пытался обосноваться на континенте, пересекая за раз только одну границу, но в 1940 году я очутился в Атлантическом океане, на британском судне в Америку. Я прибыл в Нью-Йорк поздно ночью. Венские друзья, переехавшие года за два до этого, пригласили меня в свою квартиру близ Инвуд Парка. На рассвете я ринулся к окну, чтобы увидеть небоскребы, а увидел только скалы, белок, которые гонялись друг за другом вокруг дерева, кричащих голубых соек. Мне стало намного легче. Я был готов поладить с Америкой.

Как я говорил раньше, мои индейские друзья склонны смотреть на жизнь, как на длинную вереницу символических образов, создающих точные гармоничные узоры. Они видят человека не отдельным существом, а частью земли, по которой он идет. Они видят его почти растением, которое тянет корни и жилки в неисчислимых направлениях, получая питание из многообразных источников и обмениваясь соками с другими растениями. Порой его съедает другое существо, и он становится чем-то иным в этом процессе. Они видят человека живым организмом, получающим мощь из своего окружения и сил, присущих природе, малой, но сущностной частицей вселенной, которая связана со всем живым неисчислимыми - за отсутствием лучшего слова скажу так - невидимыми, но крепкими пуповинами. Нам трудно представить таким белого человека в городской квартире. Но знахари без затруднения описывали меня, когда я обменивался с ними историями.

Хромой Олень говорил: "По крайней мере, к твоей тете приходили видения. Никогда не думай, что они занимали только ее воображение, и не считай ее чокнутой. Она верила в них. А люди, которые показывали тебе место, куда попала в старого дьявола, вакан-сика, чернильница, брошенная Лютером... Они хотя бы верили, что злой дух мог надоедать святому человеку. Все религии, все хорошие верования основаны на видении. Проблема с белой религией Америки такова: если я скажу священнику, что встретил Иисуса в супермаркете, он скажет, что такое не могло произойти. Он скажет: "Это невозможно; ты сошел с ума". Этим он отрицает свою же религию. Ей некуда развиваться. Христиане, которые не верят, что могут налететь на Иисуса в следующем переулке, кто они? Иудеи, которые больше не в состоянии увидеть Бога в столпе огня, разве они продолжают быть иудеями? Ты, по крайней мере, родом из краев, где белые люди еще благоговеют перед сверхъестественным, или же чувствуют, что есть мир за миром зеленой лягушачьей шкурки".

Он попытался бы проанализировать меня и грубо суммировал бы это так: "Ты изгнан из собственной страны, как и мы. Ты художник, и потому видишь за гранью того, что разменивается для нас на мелочи, как "реальность". Ты озадачен религией белого человека, как и мы; мальчиком ты часами грезил в сплетении дерева, тебе больше нравилось быть с животными, чем с людьми, и это был свой поиск видения. Может, маленький, но все же. И ты всегда подбирал причудливой формы камни, гальку и ископаемые, ты говорил, что тебе это просто нравится, но я-то лучше знаю. Глубоко внутри тебя лежит осознание силы камня, их духа, иначе ты не подбирал бы и не гладил их. Я всегда хотел, чтобы кто-нибудь помог мне написать книгу об индейской религии и лечении, и, впервые встретив тебя, я понял - вот человек, которого я ждал. Твой приход не был случайным".

Была ли мне предопределена встреча с Хромым Оленем или нет, но в первые годы жизни в Америке я не думал ни о Виннету, ни об индейцах. К немалому своему удивлению, я полюбил Нью-Йорк, мне нравилась работа иллюстратора. Я женился на американской девушке, тоже художнице, и у нас появилось трое детей. Я радовался, что больше не бегу,

что жизнь дала мне новое чувство постоянства, радовался, что звонок в четыре утра возвещал прибытие молочника или сборщика мусора, а не гестапо.

Но спустя дюжину лет пускания корней меня охватило новое беспокойство, тревога, – не превращаюсь ли я в моллюска. Я получил гонорары от разных публикаций и купил трейлер, который наполнил лагерными принадлежностями и детьми, не только своими, ведь один или два маленьких друга всегда жаждали сопровождать нас. Страсть к путешествиям, желание странствовать, передалось и моей жене Джин, она была девушка природы, спокойно и удобно чувствовала себя и в буран, и в песчаную бурю, возможно, по этой причине мы и поженились.

Моя первая встреча с американским Западом была крайне эмоциональным опытом. Это произошло в Южной Дакоте. Мы ехали весь день по кукурузной стране, плоской и несколько монотонной – разбросанные далеко фермы с белыми столбиками изгородей, где каждый дом окружен огромным кукурузным полем. Мы пересекли Миссури, и старое шоссе начало вилять, - уклон, подъем, уклон, подъем, как каботажное судно на валах. Мы съехали в очередной уклон и вдруг очутились в другом мире. Дорога была единственным признаком человека. Передо мной растянулся безбрежный океан холмов, покрытых шалфеем и прерийной травой тенями серебристого, нежно-коричневого и охряного, бледно-желтого и оранжевого. А надо ним раскинулось самое безграничное небо, какое я только видел. Ничего из моей предыдущей жизни не подготовило меня к сцене столь полной опустошенности, обрушившейся без предупреждения.

Я остановил машину, мы вышли, и нас оглушила тишина. Редкие крики невидимых птиц только подчеркивали ее. Я был захвачен потрясающим возвышающим чувством свободы, освобождением от пространства, я осознал миг полного счастья. То же почувствовали и дети, и даже Джин, которая видела это прежде. До конца дней это осознание останется в нас. Джин позднее сказала мне, что я пел всю дорогу до лагерной стоянки.

Той ночью я пил кофе у открытого костра и беседовал с Джин об эмоциональном воздействии на меня того пейзажа. Он не был прекрасен в общепринятом смысле слова. Он не был даже мил. Но он впечатлил меня больше витражей Святой Капеллы, холмов Рима, австрийских Альп или долины Луары, - «прекрасных», по общепринятому мнению. Я был полностью захвачен природой, давшей прерии свое могучее притяжение. Нет ничего подобного во всей Европе. Даже высоко на швейцарских ледниках видны крошечные деревушки внизу и тщательно ухоженные пейзажи многоцветных полей, слышен дальний звон церковного колокола. Все очень красиво, но не передает чувство освобождения, потери себя, полного бегства, которые есть в прерии. Я вместе с индейцами верю, что пейзаж создает и влияет на народ, живущий в нем, и никто не поймет и не подружится с людьми без понимания и дружелюбия к земле, прародительнице этого народа.

Первые поездки на Запад не сразу привели меня к встрече с индейцами. Я иллюстрировал рассказы о городах-призраках, дикой жизни, диких лагерях. В 1952 году один из моих издателей, железнодорожный магнат послал меня написать историю о старой шахтерской железной дороге. Работая над ней, мы случайно очутились в индейской резервации. Индейцы отнесли к нам с враждебностью и подозрением, особенно одна женщина, явно не жаловавшая белых людей. Увидев нищету жизни индейцев, и зная об их страданиях, я понимал такое отношение к нам, но мне было трудно это воспринимать на личном уровне. Мы остановились в резервации на день и уже были готовы уложить багаж и уехать, когда та же женщина,

ядовито принимавшая нас до сих пор, вдруг подошла с широкой улыбкой, обняла и пригласила всех к себе в дом на ужин. Мы с ней и с ее семьей давно стали дорогими друзьями, но я ни разу не получил от нее удовлетворительного ответа на вопрос, - что привело к такому внезапному для меня необъяснимому перевороту в отношении. Единственным ответом всегда была очаровательная, но загадочная улыбка.

При более близком знакомстве мои идеи о хмурых, стоических, невозмутимых, не улыбчивых индейцах полностью развалились. Никогда прежде я не встречал людей, столь общительных, охочих до компании и гостей, людей с таким чувством противоречивого постоянного юмора, людей, которые столь легко смеются и плачут, как мои вновь приобретенные друзья.

Мы прекрасно провели с ними время и уезжали с неохотой, и потому пригласили их поехать с нами в Нью-Йорк. Что впечатлило их больше всего - так это Атлантический океан, он лишил их дара речи. Они жили в засушливой пустынной стране, и к любой луже относились с ужасом и благоговением. Мы завели обычай гостить у этой семьи всякий раз, оказавшись в 500 милях от них. Наши дети играли с их детьми, а мы, взрослые, радовались компании друг друга.

Мы стали ездить вместе к соседним племенам, к друзьям этой семьи, они стали потом и нашими друзьями. Так мы перебирались от племени к племени, и в 1964 году оказались среди сиу. Несколько раз я пытался заинтересовать издателей журнала историей об индейцах и их проблемах. В то время мне всегда говорили, что индейцы непопулярны, никто не хочет читать о них, поэтому журнал не разойдется. И я рассказывал о ремеслах земли, об облавах на диких лошадей, сплавах по рекам Зеленой и Джампа, обо всем, что вернуло бы нас к индейским друзьям.

В 1967 году мы накормили около шестидесяти индейцев в нашей квартире в Нью-Йорке. Двадцать шесть сиу пришли в Нью-Йорк и присоединились к маршу мира Мартина Лютера Кинга, чтобы установить контакт с внешним миром и "порвать завесу из оленьей шкуры". А после, под влиянием минуты, они надумали прийти к нам на обед. Слух пошел гулять по округе, и вскоре все индейцы в пятидесяти милях от Нью-Йорка приблизились к нашему дому. Группа "белых индейцев", шесть длинноволосых парней и девушек, с бисерными налобными повязками и никлейсами, просто притащили сиу в нашу квартиру. Я случайно обнаружил их в нашей спальне, курящих марихуану в разных позах Кама Сутры. Людей было так много, что я ходил в изумлении.

Был тут и Хромой Олень. У него был барабан, и он пел национальный гимн сиу. Другая группа распевала песни омаха в студии. Нельзя было даже познакомиться по-настоящему, не то, что запомнить все лица. И после, где бы мы не были в Роузбаде или в Пайн-Ридже, к нам подходили незнакомцы, жали руку и говорили: "Помните меня? Я обедал в вашем доме". Они начали называть нашу квартиру на 89 стрит "Востоком сиу" и посещать нас без звонка и предупреждения. Один старик жил месяца три. Мне приходили и мистические звонки из странных мест. Бестелесный голос на ломаном английском говорил мне с расстояния 2000 миль: "Эй, друг, помнишь меня? Я застрял между Аппер Кут Мит и Ванбли. У меня нет денег на бензин. И нужно-то шесть с половиной долларов доехать до дома. Вышли их мне телеграфом".

Я указывал, что сейчас четыре утра воскресенья и в это время чертовски трудно найти открытый офис Вестерн Юнион. Не поискать ли ему кого поближе для помощи? И

безыскусным ответом было только: "Во всем мире мне знаком только один парень с телефоном, и это ты".

Хромой Олень пригласил меня на пляску солнца, которую организовал в родном городе Виннере в Южной Дакоте. Он представил меня множеству других знахарей. Я удивился возможности принять участие в обрядах, которые, как я думал, давно угасли. Джон после подарил мне бизоний череп с обряда. Он сказал: "Возвращайся". Мы гостили друг у друга неоднократно, вместе путешествовали и проводили целые дни, ничего не делая, только болтая. Идея написания книги захватила нас спонтанно, без споров, словно мы всегда планировали ее. Я к тому времени уже исписал несколько блокнотов нашими беседами за четыре года, заполнив огромное число страниц. Но я должен был вместе с Хромым Оленем посетить как можно больше знахарей, чтобы закончить рассказ и получить более широкую перспективу. И с семьей я отправился в одну большую поездку по обеим Дакотам.

Как-то мы сидели в доме молодого знахаря Леонарда Вороньего Пса. Они с Джоном беседовали о своем неприятном чувстве при виде коммерциализации пляски солнца с продажей билетов, атмосферой цирка и профанации. Хромой Олень сказал: "Наши знахари должны собраться и изменить это". Леонард предложил: "Чарли Убивает Врагов и Джон Удар живут не очень далеко. Пошлем за ними кого-нибудь". Вскоре у нас собралось семь знахарей, обсуждающих пляску солнца. Это был хороший случай для обряда увипи. Я был приглашен со всеми в потельню. После я поехал в Миссион за едой для всех участников, а, вернувшись к дому Вороньего Пса, увидел, что слух об обряде разошелся по округе. Люди подъезжали на машинах, среди них старая леди, которая сказала: "Я знаю, обряд проводится не для меня, но может, увипи исцелит и меня заодно".

Я не знал только двоих знахарей. Четверо гостили у меня в Нью-Йорке. Они предложили мне привезти семью и сказали, что будет правильно зарисовать и сфотографировать весь обряд. Они слышали, что Джон и я пишем книгу, и радовались этому. "Мы всегда с тобой. Это нужно записать для наших внуков".

И вот почему я, бывший венец, ставший ньюйоркцем, сижу сейчас в темноте рядом с котелком собачьего мяса. Когда обряд достигает своего пика, меня настигают проблемы. Два года мне свободно разрешалось записывать на магнитофон и фотографировать все обряды. Разрешение основывалось на том, что мне можно доверять, что я не нарушу неписаных законов церемоний. Мне можно было фотографировать обряд увипи до исчезновения огней, но едва они ушли, я ни при каких обстоятельствах не стал бы спорить с духами или пытаться их запечатлеть.

Порой я негодую на фотоаппараты и магнитофоны. Я полный дурень в механике и вечно веду заранее проигранную битву с машинами всех сортов. Я подозреваю, они знают о моем отношении к ним и пытаются отплатить.

И вот я на обряде, огоньки появились, погремушки летят в воздухе. Увипи пришли. И тут одна из вспышек моего агрегата выбирает сей важный момент, чтобы начать мигать. Она зажигается сама по себе. Сразу раздается хор гневных голосов: "Закройте чертов свет, не снимайте!" Я неистово пытаюсь оборвать все проводки батареек и футляра на ощупь в полной темноте, но делаю только хуже. Аппарат разражается длинной серией ярких вспышек с интервалом $1/1000$ в секунду. (Прим. переводчика редактору - признаться, я просто не понимаю, о чем речь.) Я покрываюсь холодным потом. Если решат, что я воспользовался ситуацией, чтобы сделать украдкой фотографии, мне больше не будут доверять как другу. Я

решаю, что испортил обряд, и громко говорю: "Этот свет сошел с ума. Я пытаюсь погасить его, и уже закрыл пиджаком, но я не пытаюсь фотографировать».

И сразу приходит ответ: "Окей. Не беспокойся. Мы подождем. Это хорошая встреча. Духи здесь. Они знают тебя". Кто-то бросает мне одеяло. "Накрой сверху". При упоминании одеяла фотовспышка наконец упокаивается и перестает сверкать. Обряд возобновляется.

По его окончании снова зажигается керосиновая лампа, все говорят, что это была великая встреча и все участники почувствовали духов, силу камней. Больная леди думает, что чувствует себя лучше. И когда приходит мой черед говорить, я прошу прощения за причиненные мной неудобства. И добавляю, что свет фотовспышки подобен духам, подобен индейской религии – его трудно потушить. Все улыбаются. А знахарь Билл подкатывает большой круглый сероватый камень к моей ноге, кажется, один из окаменевших ископаемых Бэдлендс. Я раскрошил много таких же, ища в них опаловые раковины 200-миллионной давности. Билл сказал: "Не хочешь спросить меня об этом камне?"

"Это особый камень?"

Билл настаивал, что это самый обычный камень, как и сотни других. Но я вижу, что камень осторожно завернут в красную фланель, в одну из знахарских связок.

"Он несет особое послание?"

Билл ответил, что на иных камнях послания написаны природой. Он не знает ничего об этом.

"Этот камень связан со мной?"

Билл притворяется, что не знает. Я не знаю, что еще спросить. Билл кажется разочарованным, как будто ожидал от меня большего. Я чувствую свою тупость.

Вдруг знахари хватают меня и волокут в центр комнаты к алтарю. Двое держат меня за руки, пока Хромой Олень поднимает голову лысого орла над моей головой со словами: "Духи велели нам дать тебе имя, мужское имя. Отныне ты будешь известен как Иньян Васичун". Кто-то зажигает свитграсс, "окуривая меня". Меня обмахивают орлиным пером и ведут назад на мое место. Чарли Убивает Врагов поднимается и с широкой улыбкой жмет мне руку. "Ты получил хорошее имя, а не одну из коротких подделок, которые дают большому политику за деньги - что-то вроде "Большой Белый Орел", "Гордый Орел", Орел такой или сякой, все это подделка. Но Иньян Васичун - настоящее имя, хорошее".

Я знаю, что иньян означает камень, а васичун - белый человек. И мое имя можно перевести, как "Каменный Белый Человек" или "Белый Человек с Камнем". Моисея сиу, например, называют Иньян Васичун Вакан - Каменный Белый Святой Человек, ибо Моисей поднялся на гору, получил видение и вернулся с исписанным камнем, что и превратило его в некоего знахаря увипи. Но ничего не бывает все так просто с символикой сиу. Иньян - не только камень, но и дух камня, его скрытое послание, имя древнего божества. И васичун означает не только "белый человек". Современный словарь сиу описывает васичун следующим образом:

А. Белый человек, (используется пренебрежительно).

В. Любой человек или вещь - вакан. (Священное, сверхъестественное, духовное.)

С. Человек или вещь, которая владеет или характеризуется особыми силами, присутствующими во вселенной, и является содержанием или носителем "Тон" (Духовной силы, любого предмета, в котором заключен "тон", используемого священным человеком для обрядов и носимого в сумке.)

Я попросил друзей перевести мое новое имя, но не получил ясного ответа, кроме повторных уверений, что имя это хорошее. Вороной Пес сказал: "Я объясню, как понимаю. Иньян - это ум в твоём теле. Иньян Васичун может провести дело, вернув мертвое тело. Он дух-помощник. Все твои поступки станут индейскими. Оно сделает тебя оратором. Пока ты говорил только для себя. Теперь ты стоишь на этом камне. Он не разрушится. Он перейдет к твоим мальчикам.

Когда ты состаришься и умрешь, когда ты уйдешь, наша молодежь вспомнит тебя на пау-вау. Кто-то сделает дар барабанщикам, пойдет к глашатаю, встанет и скажет людям, чтобы они пели в твою честь, в честь Иньян Васичун".

Я был очень тронут, но ответил, что не особо тороплюсь быть почитаемым таким образом. Джонни Удар ухмыльнулся. «Вы с Джоном пишете книгу, и в ней мы все будем стоять за тобой. Если книга окажется хорошей, то ты будешь Иньян Васичун Переводчик Мистерий. Если книга будет плохой, тогда ты будешь просто белый человек с камнями в башке». А после мы поужинали собачьим мясом и ягодным супом.

Ричард Эрдоес
Нью-Йорк

СЛОВАРЬ

алован – поющий хвалебную песнь
анпо викахпи - утренняя звезда
ате - отец

блока – животное самец
блота хунка - военный вождь

вачанга - свитграсс (аромат)
вагмуха - погремушка, священная погремушка
вакан - священный, святой, сверхъестественный, мистический
Вакан Танка - Великий Дух, великая тайна
вакиньян - птицы грома, громовники
ванаги - призрак
ванаги вачипи - пляска духов
ванбли, ванбле - орел
васичун - белый человек
васте, ваштау - хорошо
вазийя - сила природы, великое таинство севера; также современное слово для Санта-Клауса;
доисторическое божество, старик
ве - кровь
ви - солнце
вичаша (висаша) - мужчина, мужской род, человек

вичинча - девушка
вичинчала - девочка, но обычно так называют симпатичную девушку
вин - женский (прил.)
виньян - женщина
виваньянк васипи - пляска солнца
волакота - мир, дружба
вонийя - дух, жизнь, дыхание
вопила - обряд благодарения
вотаве - личные чары удачи, залог безопасности, военные чары
вотухан, отухан - пир раздачи
вовакан - нечто сверхъестественное

иксе вичаша - народ, люди природы, индейцы
иктоми (унктоми) - паук, хитрый паук-человек
ина - мать
инипи - обряд потения
иснати (ишнати) - живущая отдельно во время месячных
иста (ишта) - глаз
иньян - камень, скала, галька

канкакпа – лечебное кровопускание из вены
кинниккиник - индейский табак
кола - друг
кунши, унчи - бабушка

Лакота - индейское название западных сиу
кекши - дядя
кута - красный

махпия - облака, небо, небеса.
мака - земля
мака ситомни - мир, мир наверху, вселенная
мато - медведь
маза - металл; приставка ко всему, сделанному из металла
мазаска - деньги (белый металл)
митакийе оясин - все мои родственники; слова, произносимые после многих обрядов сиу
мни, мини - вода
мни ша - вино
мни вакан - виски, крепкий напиток

наги - дух, душа, суть
напе - кисть руки

охитика - храбрый
оиникага типпи - потельня
олован - песня
ованка вакан - священное место, алтарь

пежи - лечебное растение, трава

пежута - знахарство
пежута вакан — знахарь, травник
пета - костер
пета овиханкешни — бесконечный огонь, священный огонь
пте - бизониха
птехинчала - бизоненок
птехинчала хуху канунпа - трубка из кости бизоненка, священная трубка западных сиу

са, ша - красный
сапа - черный (Паха Сапа - Черные Холмы)
шича (шика) - плохой
сиотанка - флейта
ска - белый
шунка вакан - конь

тахка - олень
Тахка Уште - Хромой Олень
такая - внук
татанка - бизон
тате - ветер
тате топа - четыре направления вселенной
тунка - священный камень
тункашила - дед

увипи - полупрозрачные камешки, найденные на муравейниках и положенные в священную погремушку; обряд, в котором знахарь связан и завернут как мумия
увипи васичу — в обряде увипи священный камень с магическими силами в руках знахаря
унчела - пейотль
унчи кунши - бабушка

чан - дерево, древесина; приставка ко всему, сделанному из дерева
чан кега - барабан
чан глешка - обруч, священный круг
чанку викаша — проводник на встречах пейотля
чанунпа - священная трубка
чаншаша - табак из коры красной ивы

ханблешия (хаблечия) - поиск видения
ханхепи - ночь
ханхепи ви - ночное солнце (луна)
хехака - лось
хейока - священный клоун
хокси, хокши - ребенок
хокси кала - детка
хокшила - мальчик
хунка - предок
хунка лованпи - обряд установления родства
хупа глуса - поднятие трубки в молении

В написании я следовал современным словарям сиу. Произношение таково:

Ч как "chase", "chaste"

Х как в немецком "ich", "ach"

Н - полностью не произносится как фр. "enfant", "allons"

С - как "sit"

Ш - как "sure", "shade"

ХРОМОЙ ОЛЕНЬ

Рассказчик историй, бунтовщик, знахарь Хромой Олень родился почти восемьдесят лет назад в резервации Роузбад в Южной Дакоте. Этот чистокровный сиу перепробовал много занятий в мире белого человека - был клоуном родео, художником, заключенным. Но, прежде всего, он - священный человек племени лакота.

ИСКАТЕЛЬ ВИДЕНИЙ

Его история - о суровой юности и безрассудной зрелости, коротком браке и разводе, истории и фольклоре, богатом сегодня как никогда. Это история его жестокой борьбы за сохранение гордости, когда он жил чужеземцем в своей древней стране.

"Шедевр" - Роберта Бруннера, автора "американцев Черепахи" с 32 страницами фотографий.

Перевод Н.Овсяковой